

**Александр
Калих**

Еврей. Смех и горе

Александр Калих

Еврей. Смех и горе

2020

Александр Калих «Еврей. Смех и горе».

© Александр Калих, 2020

Редактор Ирина Кизилова

Компьютерная вёрстка: Марина Быстрова-Докс

Охраняется законом об авторском праве. Перевод, копирование, воспроизведение или распространение всей книги или любой ее части каким-либо способом, в том числе электронным, воспрещается без письменного разрешения правообладателя и будут преследоваться по закону.

Все права сохраняются за автором.

All rights reserved.

כל הזכויות שמורות

ISBN 978-965-559-147-7

Издательство «MEDIAL», Израиль

Ришон ле-Цион, тел.054-7265529, 054-5734379.

ОТ АВТОРА

Шалом. Бокер тов. Эрзв тов. Тода раба. Бэвакаша. Вот, пожалуй, и весь словарный запас, который я накопил за 11 месяцев жизни в Израиле. Все нет времени, нет сил заставить себя сесть за парту. Но я не жалею, даже этот запас приносит немалые радости. Встанешь рано, выведешь себя, еще не проснувшегося, на утреннюю прогулку. Днем будет за 30 (это в октябре-то), а пока прохладно. Все вокруг цветет и пахнет. Навстречу женщина, тоже, как и я, на прогулке досматривает последние сны. И тут ты ей выкладываешь сразу половину словарного запаса:

- Шалом! Бокер тов!

То есть здравствуйте, доброе утро! Видели бы вы, как она взлетает, как мгновенно стряхивает дремоту. И, улыбаясь, отвечает теми же словами. И еще щебечет какие-то пожелания, которые я, конечно, не понимаю. Но отвечаю уверенно:

- Тода раба.

То есть большое спасибо. Мы расходимся, довольные друг другом. У меня еще остался неистраченный запас. Вот ведь, какое богатство. Но это на вечер. Я его обязательно использую: эрэв тов, добрый вечер!

Ничего, я еще исправлюсь. Впереди целая жизнь, подумаешь, - каких-то 79 лет. Здесь полно 90-летних, самый расцвет. Жена Ирина пока борется с ивритом в одиночку. Но я догоню, вот допишу эту книжку и мобилизуюсь. Правда, впереди новые проблемы. Мы с ней задумали создать в Израиле общество «Мемориал» и уже нашли много единомышленников. Попробуем издать Книгу памяти жертв политических репрессий, 30 октября отметим День памяти. Здесь много таких, переживших Холокост, потерявших родных в годы сталинских репрессий. Они живут среди нас, стараются не привлекать внимание, несут груз бытовых забот (а где их нет?). И улыбаются, надеются, верят. Тем более, что государство заботится, организует для пожилых разные клубы, доплачивает за то и за это, хорошо бы так в России было.

Правда, корона-вирус атакует, есть жертвы. Тяжело это, иногда страшно. Особенно когда на улице или в магазине на тебя прет человек без маски. Ему вроде дела нет до других. И тогда мы пытаемся воздействовать. Улыбаешься и показываешь то место на лице, где должна быть маска. И говоришь: бэвакаша, пожалуйста. И вы знаете, действует.

В целом атмосфера светлая. Евреи, осуществив в 1948 году тысячелетнюю мечту о возвращении на свою прародину, не теряли время зря. Создали маленькое, но сильное государство, передовую экономику и совершенно невероятную науку. Форма правления – парламентская республика. В парламенте, то есть в кнессете, они спорят. В отличие от России, где дискуссии не предполагаются.

Но иногда споры в кнессете (а вслед за ним и в обществе) развиваются по такой нервной параболе, что начина-

ешь опасаться за будущее страны. Так было совсем недавно, когда в невероятной борьбе проходили парламентские выборы. За год израильяне голосовали трижды. И только на третий раз смогли сформировать правительство. И ничего не случилось. Демократия, хоть и со скрипом, но выдержала испытание.

К таким политическим бурям нам, юным репатриантам, приходится привыкать. Ведь мы из другой жизни. В России господствует демократия одного человека. Давно уже написаны эти строчки (Маяковским), а по-прежнему отражают суть: «Нам, мол, с вами думать неча, если думают вожди».

Но пора, однако, познакомиться. Я родился в 1941 году, за два месяца до войны. Журналист, более 35 лет работал в СМИ. Лучший период профессиональной деятельности – конец 80-х – начало 90-х. Перестройка и гласность. Открытие реальной истории народа. И уже тогда антисемитское общество «Память», «черная сотня», угрозы еврейских погромов, кто-то собирает списки евреев, живущих в нашем доме. Все это одновременно смешно и страшно.

Мама рассказывала о её сестре, погибшей вместе с двумя сыновьями в Херсонском гетто. Тетя Соня, сестра моего отца, вспоминала, как издевались над евреями в эвакуации в Свердловске. Я не знал, как писать об этом, о том, например, что многие евреи верой и правдой служили советской власти, знали о репрессиях, но преданно любили вождя народов. И всё-таки написал. То ли статью, то ли очерк, неважно. Называется «Еврей. Смех и горе». Почитайте. Наверняка не во всем согласитесь со мной. И станете одним из первых моих критиков. Заранее сдаюсь, поднимаю руки вверх. Хотя... может, еще поспорим. Почему нет?

В 1988 году мы с друзьями учредили Пермское краевое историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество «Мемориал». Больше 20 лет я

был его первым председателем. Задачей, целью, девизом, смыслом нашей деятельности было и остается – не допустить повторения политических репрессий, возврата к тоталитарным методам управления государством. Через три года приступили к созданию на базе бывшей колонии для политических заключенных «Пермь-36» Мемориального музея истории политических репрессий. Через несколько лет музей стал известен в стране и мире. В те дни, когда здесь проходил фестиваль «Пилорама», в бывшую зону приезжали тысячи людей со всех концов света.

А затем мы стали объектами преследований со стороны властных и силовых структур. И не только мы. Власть развернула кампанию против общественных (правозащитных) организаций, противостоящих нарушениям прав человека, отстаивающих независимые идеи. Десяткам из них навесили ярлык «иностранный агент», десятки понесли жестокий моральный и материальный ущерб. Многие вынужденно самоликвидировались.

Вы, конечно, спросите меня: а почему ты уехал из России? А потому что дальше тянуть было некуда. Долго-долго нас не отпускал «Мемориал», мы ведь по-прежнему члены правления. И вообще это наше любимое детище. Но уже всякие болячки, уже возраст. Надо пожить и на второй родине. А еще и Израильское общество «Мемориал» создать...

И вот я на утренней прогулке. Тишина. Весь в мыслях. О чем думаю? О Каме, конечно. Широкая, быстрая уральская река. Днепр я когда-то переплывал. А Каму, не уверен, вряд ли одолею.

Бокер тов, люди!

ЕВРЕЙ. СМЕХ И ГОРЕ

Герой Ташкента?

Газовых камер не было?

Холокост – клей для обоев?

За что ненавидят евреев?

Коллаборационизм? Не лезьте нам в душу

*Евреев большинство еще и ныне
Блуждает, наслаждаясь, по пустыне*

x

*Еврейский дух слезой просолен,
Душа хронически болит.
Еврей, который всем доволен, –
Покойник или инвалид.*

Игорь Губерман

В 1948 году мама записала меня в школу-семилетку. В ней учились дети железнодорожников. 1 сентября я пошел в школу один. Мама болела, а папа был в командировке. На первом уроке учительница Надежда Ивановна взялась записывать данные о каждом из первоклашек. В дверях теснились взволнованные родители. Когда очередь дошла до меня, я споткнулся на вопросе «твоя национальность?». Глупо, конечно, не знать, кто ты. Но я, честно, не знал.

– Еврей, – закричали взрослые.

Что за слово такое? Дома я его, может быть, и слышал, но пропускал мимо ушей. Оказывается, я еврей. Кто они такие, евреи? С этим вопросом живу долгие годы, но все сомневаюсь, не могу найти точную формулу. Да и существует ли она?

Давно уже не хочется мне доверять тем, кто на все вопросы знает точный ответ, кто смело берет на себя роль вещателя истины. Сколько их я наслушался за многие годы, не перечесать (Александр Галич: Не бойтесь пекла и ада, / А бойтесь единственно только того, / Кто скажет: «Я знаю, как надо!»).

В 2001 году Александр Исаевич Солженицын объявил евреям свой ответ на вековые вопросы¹. Его двухтомник вызвал лавину публикаций, немалая часть из которых ка-

¹ Александр Исаевич Солженицын. Двести лет вместе. (1795–1916).

жется мне даже более основательными и объективными², чем сама книга писателя.

Дискуссия вокруг книги Солженицына продолжается. У таких тем нет срока давности.

Попробуем и мы обсудить трудные вопросы, с которыми еврей живет весь свой век. Заранее предупредим читателя, что не станем замахиваться на научные высоты. Как сможем, так и ответим. Опираясь на личный, семейный, народный опыт. А в трудной ситуации призовем на помощь авторитетных авторов, которым доверяем. Приступая к написанию этой статьи, я собрал целую библиотеку (электронную и «бумажную») таких публикаций. Вы это заметите по обилию ссылок на них. Привожу их намеренно, в надежде, что и вы найдете время и силы ознакомиться с этими работами, почитать, подумать, обсудить с близкими.

Итак, я рискую первым, пытаюсь высказать свое мнение. Подставляюсь под огонь вашей критики. Первый вопрос – не из самых трудных. Хотя, как сказать.

Какой он, современный еврей?

Нет более веселого и более оптимистичного народа, чем евреи. Никто не умеет так смеяться над своими причудами и глупостями, как они. Говорят, это свидетельствует о здоровье нации. Не знаю уж, правду ли говорят, но факт есть факт – они и юмористы, и заядлые анекдотчики, они авторы сатирических романов, розыгрышей и веселых мифов. Среди них гениальные математики, физики, писатели, поэты (в последней Нобелевской премии почти половина награжденных – евреи) и все это в одном флаконе с чувством юмора.

² Из огромного потока публикаций советую, например, выбрать: Семен Резник. Вместе или врозь? Судьба евреев в России. Заметки на полях диалогии А. И. Солженицына «Двести лет вместе» – http://royallib.com/book/reznik_semen/vmeste_ili_vroz_sudba_evreev_v_rossii_zametki_na_polyah_dilogii_a_i_solgenitsina.html

Веселый народ. Один только миф об Одессе чего стоит. Евреи создали этому городу славу мировой столицы юмора, изобрели особый русско-украинско-еврейский жаргон, свой фольклор. И даже было целое течение в советской литературе, которое, так сказать, писало на одесском языке – Илья Ильф и Евгений Петров, Исаак Бабель, Эдуард Багрицкий, Константин Паустовский, Валентин Катаев и многие другие.

Мой отец-одессит любил петь на вечеринках «Костюморяка» и «Жил отважный капитан». Он, как и все его поколение, обожал Марка Бернеса и Леонида Утесова.

Меня легко рассмешить, я благодарная жертва любого рассказчика анекдотов, даже не очень смешных. О Жванецком, особенно о его одесских рассказах, опять-таки просто молчу. Каждый раз, слушая «Как шутят в Одессе» или «Собрание на ликеро-водочном заводе, смеюсь так, что мне становится плохо.

Нас, наследников, можно назвать поколением Жванецкого и Губермана. В Одессе я бываю все реже. Но каждый раз открываю что-то новое. Однажды на Дерибассовской, рядом со сквером Декабристов, зашел в кафе и обнаружил там столик, над которым висело объявление: «Место Михаила Жванецкого. Не занимать». Так он и стоял, этот столик. Ждал приезда живого классика.

Когда коренного одессита спрашивают, весело ли ему живется на этом свете, он отвечает предельно ясно: «чтобы-таки да, так-таки нет».

Чувствую, однако, что тут не вся правда.

Нет более печального народа, чем евреи. Горести его протянулись через тысячи лет. Кто-то считает, что евреи слишком уж любят жаловаться на жизнь. Даже говорят об особом еврейском комплексе жертвы. Они, мол, склонны преувеличивать свои беды и притом искать виновников этих бед в окружающих, но не в самих себе.

А кто-то, наоборот, убежден, что евреи – биологические оптимисты, не испытывают никаких комплексов. Они

живут сегодня и только сегодня. Их собственное прошлое пролетает мимо, по касательной. И потому ведут себя, как веселые мотыльки – порхают, жадно ловят радости жизни. Как будто ничего и не было.

Если честно, в моей душе как-то уживаются обе эти версии.

...С того первого школьного дня (когда учительница записывала национальность) я почувствовал, что в чем-то неясном виноват перед людьми. То есть не виноват, но все-таки виноват. У меня, судя по всему, много недостатков, но есть люди, которые быстро распознают мой главный порок. Внешне я вроде не очень похож. Но у них чутье, ястребиный глаз. Он коротко вспыхнет, когда вас расшифруют. А когда расшифруют, жди заверений в дружбе: «У меня полно друзей-евреев. Нормальные люди».

Самого свирепого антисемита я встретил в пятом классе. Буквально не давал проходу двоечник по фамилии Крысов (клянусь, фамилию не выдумал). Не раз и не два приходилось драться. Я был слабее его и физически, и идеологически, потому что не понимал, почему он на меня. Синяки и шишки, конечно, болели, но по-настоящему мучительной была его ненависть ко мне. Как жить, если тебя так яростно ненавидят? За что? Что я ему сделал такого, чем провинился?

Не раз я слышал, что детская жестокость – самая безжалостная. Очень даже может быть. Писатель Михаил Хейфец в своей книге «Место и время»³ рассказывает, как во время эвакуации на Урале, в городе Ирбите его поймала компания мальчишек, «скрутила руки, нацепила на шею петлю и водила по улице с возгласами: «Жида ведем вешать» - к явному удовольствию взрослых прохожих».

В нынешние времена я о такой жестокости вроде не слышу. Она если и не отошла в прошлое, то приняла более

³ М. Хейфец. Избранное в 3 т. Т.1.: Место и время; Русское поле; – Харьков: Фолио, 2000

<http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=9126>

цивилизованные формы. Хотя не известно еще, что отзывается большей болью – физическая травма или постоянные унижения, психологическая травля.

Я часто думал потом о своей детской обиде. Она была больше, чем обида на Крысова. Она была не только моя. По малости лет я еще не знал о сожженной фашистами маминой сестре тете Вере и её детях, о Катастрофе миллионов других евреев. Но прошлое уже билось в сердце, требовало ответа. Похоже, мы будто рождаемся такими – с заложенной в гены памятью об ужасах, пережитых, когда нас и на свете-то не было.

Знакомый психолог сказал мне, что я не смог «разрулить» обиду, перенесенную в детстве. То есть, попросту, не сумел забыть, стереть из памяти. В результате давнее потрясение «переселяется» в подсознание и начинает формировать комплексы, в том числе комплекс жертвы. Многие евреи на всю жизнь остаются «инвалидами» детской психотравмы.

Тем более, что жизнь по мере взросления подбрасывает новые и новые потрясения. К различным кличкам и шелудивым намекам постепенно не то чтобы привыкаешь, но набираешься сил, чтобы их не слышать, тем более – не отвечать взаимностью. Где бы они ни звучали – в быту, на телевидении или в Интернете...

Со временем детская психо-травма как-то стирается, слабеет. И вспыхивает в режиме ЧП, когда оскорбляют и унижают ниже всякого предела. Но вообще ты стараешься не говорить об этом, чтобы не прослыть окончательно свихнувшимся на одной теме.

Которая, кстати, сегодня мало кого трогает. 20–й век, а за ним и 21-й, преподнесли столько страшных событий, что каждая волна жертв как бы перекрывала предыдущую, стирала остроту восприятия, демонстрировала новые пределы жестокости, о которых раньше нормальный человек не мог и помыслить.

За что ненавидят евреев?

Признайтесь, вы ведь бились над этим вопросом. Но так и оставили его, ничего не решив. Не решим и мы. Или вы все-таки знаете ответ?

Марлен Дитрих из всех советских писателей знала и любила только Константина Паустовского, особенно его «Повесть о жизни». На одном из своих концертов в Москве она обратилась к залу: «Мне сказали, что здесь присутствует Паустовский. Прошу его подняться на сцену». Паустовский был человеком очень скромным, даже стеснительным. Он не хотел подниматься, но зрители стали аплодировать, призывая выполнить просьбу известной актрисы. Пришлось через силу встать и пройти на сцену. И тут случилось невероятное: Марлен, мировая знаменитость, встала перед ним на колени.

Вот ведь как бывает... Я тоже люблю Паустовского, особенно его «Повесть о жизни». Приведу несколько памятных абзацев из неё, где звучит прямая речь его друга Исаака Бабеля⁴.

«Он снял очки и вытер глаза рукавом заштопанного серенького пиджака.

– Я не выбирал себе национальности, – неожиданно сказал он прерывающимся голосом. – Я еврей, жид. Временами мне кажется, что я могу понять все. Но одного я никогда не пойму – причину той черной подлости, которую так скучно зовут антисемитизмом.

Он замолчал. Я тоже молчал и ждал, пока он успокоится и у него перестанут дрожать руки.

– Еще в детстве во время еврейского погрома я уцелел, но моему голубю оторвали голову. Зачем?..».

Зачем? Зачем? Зачем оборвали жизнь миллионам евреев? Больно говорить, думать, вспоминать... Начну, пожа-

⁴ К. Паустовский, Собрание соч., т.5, «Повесть о жизни», стр.140 – Издательство «Художественная литература», М. 1968

луй, с автора, напомнившего легенду о народе-богоносце, который дал миру Христа и отказался от него.

«О причинах такого отказа мы здесь не будем говорить, – пишет в своей резко полемической статье публицист Раиса Левинская⁵. - Это загадка, которая бросает вызов лучшим умам уже 20 веков. Кто только ни предлагал евреям отказаться от иудаизма! Магомед предлагал им принять ислам и стать рядом с ним у истока новой веры – они отказались и получили непримиримого врага. Мартин Лютер призывал евреев стать его соратниками в борьбе против католицизма и помочь ему в основании протестантской конфессии – евреи отказались и вместо союзника получили яркого юдофоба. Философ Василий Розанов, которого трудно обвинить в симпатии к евреям, недоумевал по поводу такого поведения, не находя в нем ни малейшего признака корысти. Как! Почету, уважению и прочим неисчислимым благам народа-богоносца, давшего миру Христа и всех апостолов, предпочесть судьбу презренного изгоя, окруженного стеной ненависти? Как-то не очень клеится с представлением о евреях как о существе корыстном и трусливом. Парадокс. Отказ от христианства определил дальнейшую судьбу евреев, став важнейшим источником антисемитизма».

Вот такая тысячелетняя легенда. Но параллельно с ней всегда жил здравый смысл и нормальные люди.

В 1915 году в истории первой мировой войны совершился поворот - русские армии стали терпеть поражения. Естественно, объявили поиск виновных. И нашли - евреев. Они предатели, шпионы, вредители. Не буду рассказывать подробности: о бессудных расправах, грабежах, о выселении тысяч еврейских семей из прифронтовой полосы, о невероятной травле, которой подвергся беззащитный народ как в газетах, так и со стороны царской власти. И вот тогда лучшие люди России сказали свое слово.

⁵ Раиса Левинская. За что ненавидят евреев.

<http://www.liveinternet.ru/users/3166127//post362061437/>

Они выпустили литературный сборник «Щит»⁶. В защиту евреев выступили Л. Андреев, К. Арсеньев, М. Арцыбашев, К. Бальмонт, М. Бернацкий, акад. В. Бехтерев, В. Брюсов, И. Бунин, З. Гиппиус, М. Горький, С. Гусев-Оренбургский, Л. Добронравов, Кн. Павел Долгоруков, Вяч. Иванов, А. Калмыкова, проф. М. М. Ковалевский, проф. Кокошкин, Ф. Крюков, проф. И. Бодуэн-де-Куртене, Е. Кускова, П. Малянтович, Вл. Соловьев, П. Соловьев, Ф. Сологуб, Тэффи, Тихобережский, Гр. А. Н. Толстой, Гр. И. И. Толстой, Т. Щепкина-Куперник, А. Федоров, С. Елпатьевский, Вл. Короленко. Это цвет тогдашней русской культуры и литературы.

«Ненависть к еврею – явление звериное, зоологическое, – писал один из редакторов сборника писатель Максим Горький. – С ним нужно деятельно бороться в интересах скорейшего роста социальных чувств, социальной культуры. Евреи – люди, такие же как все, и – как все люди, – евреи должны быть свободны... В интересах разума, справедливости, культуры – нельзя допускать, чтобы среди нас жили люди бесправные; мы не могли бы допустить этого, если бы среди нас было развито чувство уважения к самим себе... Но не брезгуя и не возмущаясь, мы носим на совести нашей позорное пятно еврейского бесправия. В этом пятне – грязный яд клеветы, слезы и кровь бесчисленных погромов... И если мы не попытаемся теперь же остановить рост этой слепой вражды, она отразится на культурном развитии нашей страны пагубно. Надо помнить, что русский народ слишком мало видел хорошего и потому очень охотно верит в дурное... Кроме народа есть еще «чернь» – нечто внесловное, внекультурное, объединенное темным чувством ненависти ко всему, что выше его понимания и что беззащитно... «Чернь» и является главным образом выразительницею зоологических начал таких, как юдофобство».

⁶ «Щит. Литературный сборник». Под редакцией Л. Андреева, М. Горького и Ф. Сологуба, Петроград, 1915.

...Первые в России массовые еврейские погромы прошли на рубеже 19-20-го веков в Одессе, Херсоне, Николаеве. Сначала просто грабили и жгли дома. Потом вошли во вкус и стали убивать и насиловать. Одним из самых жестоких был погром в Кишиневе (1903 г.). Он длился 3 дня, было убито 45 человек, свыше 400 ранено и покалечено. Более 200 еврейских погромов отгремело во время революционных событий 1905-1906 годов. Тогда к еврейской самообороне примыкали и русские интеллигенты, студенты, рабочие.

В годы первой мировой и гражданской войн еврейские погромы превратились в настоящий геноцид⁷. Зафиксирована лишь ничтожная их часть – 1520, во время которых погибло около 200 тысяч евреев, оставивших более 300 тысяч детей-сирот⁸.

Кто совершал эти преступления? В большинстве – петлюровцы, белогвардейцы и красные. О красных особый разговор. Погромщиков большевики считали вне закона и сурово их наказывали. Но порой даже угроза наказания не сдерживала «естественные» чувства юдофобов⁹. Военный историк В.Д. Поликарпов в статье «Другая сторона буденновской легенды» рассказывает, что будущий красный

⁷ Термин «геноцид» появился позже - после того, как всему миру стали известны факты массового истребления евреев в период Второй мировой войны. 9 декабря 1948 года Организация Объединенных Наций одобрила «Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него». Конвенция определила геноцид следующим образом: под ним понимаются действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу.

⁸ Цифры и факты заимствованы из газеты «Аргументы и факты» (№2, 1993 год). Более подробно они изложены и прокомментированы в Википедии, не говоря уже о десятках книг, посвященных этой теме.

⁹ Юдофобия – (лат. judaeus еврей, греч. phobos страх) – патологическая, достигающая степени паранойи ненависть к евреям, еврейской культуре и её символам. Как и любое другое подобное явление, юдофобия более свойственна индивидам с чувством неполноценности... (Энциклопедический словарь по психологии и педагогике).

маршал Буденный не одобрял погромы, но и не противился им. За неудачи Первой конной армии на польском фронте¹⁰ расплачивались евреи. По словам очевидцев, ни белые, ни зеленые не учиняли таких бесчинств, как красные казаки из армии Буденного. Пришлось расформировать целую дивизию. Начдив и командиры 1-й и 2-й бригад пошли под суд, обвинения были предъявлены сотням бойцов, не считая тех, кто успел скрыться.

Тем не менее, у простого еврея не было выбора. Шок, пережитый в дни погромов, заставил его искать защиту у большевиков. Он поверил в избавление от ужасов массового насилия. Многие поверили настолько, что пошли служить революции. А кто-то, как Троцкий, даже возглавил ее.

Черта оседлости. Что это?

И еще одна червоточина российской жизни подготовила евреев к активному участию в революции, породила эйфорию (закончившуюся, как всегда, горькими разочарованиями), надежду на будущее. Советская власть отменила черту оседлости. Точнее, процесс начался в дни февральской революции, а большевистский переворот «добил» этот реликт царского режима.

Черта оседлости. Что это? Сегодня не то что наши дети и внуки, но и многие взрослые не имеют представления об условиях жизни евреев в царской России. Начало черте положила Екатерина II. Своим указом от 23 декабря 1791 года она запретила евреям селиться за пределами Белоруссии, Екатеринославского наместничества, Таврической области¹¹.

Время от времени границы черты и режим «содержания» в них евреев менялись. В годы царствования Николая I (1825–1855) из состава территории Российской империи

¹⁰ Читайте, например: «Обреченный марш на Варшаву» - <http://vpk-news.ru/articles/1438>

¹¹ Читайте <http://www.eleven.co.il/article/14679>

изымались все новые и новые места, где евреям было разрешено постоянное жительство.

Режим изоляции и связанные с ним унижения, безработица и доводящая до отчаяния бедность заставила евреев искать счастья на стороне. Великий еврейский писатель Шолом Алейхем называл тех, кто решился на эмиграцию, «блуждающими звездами»¹². За период 1881–1914 гг. только в США из России выехали 1 миллион 557 тысяч человек.

Но уезжали не все. Многие евреи, особенно молодежь, считали Россию своей родиной. Они добивались гражданского равноправия и отмены черты оседлости, создавали новые партии и общественные движения (Бунд, Союз для достижения полноправия еврейского народа и др.), обращались с петициями и законопроектами к правительству.

Лучшие люди России ощущали стыд за свою страну, понимали всю неуместность и унижительность проводимой царским правительством политики. Но изменить что-либо они не смогли. Еврейский вопрос решила революция. Тогда казалось – навсегда.

Евреи хотят завоевать весь мир?

В 1903 году в недрах царской охранки родились «Протоколы сионских мудрецов»¹³, призванные обосновать еврейские погромы и оправдать их организаторов. Они были напечатаны в нескольких номерах петербургской газеты «Знамя». Публикация вызвала шок. Перед читателями была некая «программа завоевания мира евреями». Вроде бы как стенограмма тайного сговора лидеров мирово-

¹² Шолом Алейхем. «Блуждающие звезды» – http://royallib.com/read/aleyhem_sholom/blugdayushchie_zvezdi.html#0

¹³ История создания этой фальшивки изложена известным английским ученым Норманом Коном. Читайте – Норман Кон. «Благословение на геноцид. Миф о всемирном заговоре евреев и «Протоколы сионских мудрецов» <http://www.vehi.net/asion/kon/01.html>

го еврейства, цель которого - разрушить все государства и создать на их обломках глобальную империю. А всем этим ужасом руководит некое мировое правительство – те самые сионские мудрецы.

В воспоминаниях современников остались свидетельства, что в дело попытался вмешаться министр внутренних дел Петр Аркадьевич Столыпин. Он почувствовал дурной запах от сенсационной книжицы и распорядился провести расследование. Выяснилось, что в основе текста лежит не имеющий никакого отношения к еврейской теме манифест французского публициста Мориса Жоли «Диалоги Монтескье и Маккиавели в аду», написанный еще в 1864 году. Провокацию организовал полковник Рачковский, глава заграничной агентуры департамента полиции. Он дал задание неким «писателям» на основе французского текста сочинить что-то пострашнее про евреев¹⁴.

Попытка Столыпина остановить распространение книжки ничем не закончилась. «Протоколы сионских мудрецов» массовым порядком пошли «в народ». Спрос на книгу рос невероятными темпами. Где-то я прочитал, что суммарный тираж «Протоколов» до сих пор остается одним из самых крупных в мире, он превышает тиражи сочинений Льва Толстого, Федора Достоевского и даже, говорят, товарища Ленина.

Никто, нигде и никогда не привел подтверждений истинности «Протоколов», существования всемирного еврейского заговора. Но фанатику никакие подтверждения и не нужны. Крысов, он и без того с малолетства ЗНАЕТ ПРАВДУ, он непоколебим в своей вере и готов ради нее пойти на все – вплоть до преступления.

Впрочем, отложим на время эту тревожную тему, мы еще вернемся к ней позднее. Здесь же хочу заметить – одно дело, когда зловредные «Протоколы» читает обыватель, дилетант, рядовой ксенофоб¹⁵.

¹⁴ Об этом можно прочесть – <http://russiahousenews.info/outline-sketch/protokoli-sionskih-mudretsov>

¹⁵ Ксенофобия – ненависть, нетерпимость или неприязнь к кому-либо или чему-либо чужому, незнакомому, непривычному. Воздвигнутое в ранг мировоззрения, может стать причиной вражды по принципу национального, религиозного или социального деления. – <http://www.psychologos.ru/articles/view/ksenofobiya>

А другое дело, когда их читает, а затем практически использует настоящий «профессионал». «Протоколы» обильно цитируются на страницах гитлеровской *Mein Kampf*¹⁶. И не просто цитируются. Мифы, придуманные российской охранкой, получили новое нацистское истолкование и развитие. Оказывается, «жидо-масонский» заговор не просто существует, он уже стоит у порога Европы в виде страшной угрозы по имени СССР. Эта коммунистическая страна – первая, поработанная еврейской мировой закулисой.

К сожалению, есть люди, которые во все это верят. В немалой части к ним относятся те, кому хоть кол на голове теши, ничего не объяснишь. Антисемиты, одним словом.

Холокост – клей для обоев?

Но чаще встречается пропуск, пустота, незнание даже самого слова Холокост¹⁷. Иногда по причине интеллектуальной лени. И в массовом порядке – из-за недостатка информации, точнее отсутствия надлежащей информационной политики со стороны государства.

¹⁶ «Моя борьба». Написана Гитлером в 1925–1928 годах. Эта книга стала настольным пособием фашиста. В ней высшей расой человечества объявлялись арийцы, а их антиподом – евреи. Гитлер обосновал необходимость грядущей мировой войны, целью которой станет расширение жизненного пространства для арийцев, все остальные расы должны быть уничтожены либо превращены в рабов. На территории РФ распространение книги Гитлера «Моя борьба» запрещено, как запрещены и публикации других нацистских руководителей. Что, впрочем, не мешает разным издателям и хозяевам интернет-сетей время от времени публиковать эти и другие «учебники» для нациста.

¹⁷ Википедия даёт следующее определение: в узком смысле Холокост – это «преследование и массовое уничтожение евреев, живших в Германии, на территории её союзников и на оккупированных ими территориях во время Второй мировой войны; систематичное преследование и уничтожение европейских евреев нацистской Германией и коллаборационистами на протяжении 1933–1945 годов». Сайт Мемориального комплекса Яд Вашем разъясняет: «Принятый в английском и ряде других языков термин «Холокост» происходит от греческого слова «холокаустон» – так переводится еврейское слово «ола» («всесожжение»). С 1942 года часто применяется ивритское слово «шоа» (разрушительный вихрь, Катастрофа).

Обыкновенная телевикторина, коих в последнее время проводится множество, выявила потрясающую проблему. Участницы этой викторины, сестры-близняшки, на вопрос о Холокосте ответили, что это, наверное, клей для обоев. Между тем, сестры были уже не самые юные особы, как никак каждой по 21 году. За плечами школа, начало учебы в вузе... И нигде, ни разу не слышали они о трагедии целого народа, обозначаемой словом Холокост.

Об этом феномене молодого поколения россиян рассказал в нашумевшем документальном фильме с таким же названием журналист и режиссер Мумин Шакиров. А обозреватель «МК» Александр Мельман написал в своей рецензии на этот фильм: «Холокост в России – вообще не тема. Она не в тренде. Показывай ее здесь, не показывай — все равно не поймут. А особо бойкие скажут еще: что вы нас тут своим Холокостом пугаете, у нас любой народ все это пережил, испытал на себе».

Тут всё – и правда и неправда одновременно.

Наш разговор с этими «бойкими» начну с даты 30 января 1933 года, когда Гитлер был назначен рейхсканцлером Германии. Власть перешла к национал-социалистам, что привело к замене демократического строя на диктатуру. С этого времени и надо вести отсчет истории Холокоста.

Созданный провокаторами миф о «жидо-масонской» угрозе стал краеугольным камнем государственной политики гитлеровской Германии. Главная цель нацистов – окончательное решение еврейского вопроса – пока звучала в «устном» исполнении, в разовых акциях, грабежах, погромах, убийствах политических соперников.

По мере действия пропагандистской машины «решение» набирало ход, с каждым месяцем и годом сгущало атмосферу злобы и ненависти. С началом мировой войны был дан старт массовым расстрелам. Но при тех огромных объемах «работы», которую предстояло выполнить, расстрелы казались уже недостаточно эффективными. Унич-

тожение людей стали переводить на фабричный принцип, используя отравляющие газы.

20 января 1942 года в Берлине состоялась Ванзейская конференция с участием руководителей СС и министерств. Они обсудили меры по рационализации исполнения плана под названием «Окончательное решение еврейского вопроса», старт которому, заметим, был дан задолго до конференции. План предполагал уничтожение 11 миллионов европейских евреев. Вплоть до осени 1944 года железные дороги исправно доставляли евреев в лагеря смерти. Иоахим Фест в книге «Гитлер. Биография» дает такие леденящие цифры:

«17 марта 1942 года начал функционировать лагерь Бельжец с «мощностью умерщвления» в 15 тыс. человек в день, в апреле – Собибор на границе с Украиной (20 тыс. человек), затем Треблинка и Майданек (примерно 25 тыс. человек), а также вершина всего – Освенцим (Аушвиц)... Весь процесс умерщвления, начиная с селекции поступивших людей и их отравления газом и до уничтожения трупов и оценки оставшихся вещей, был здесь отработан до безукоризненной системы последовательных, взаимодополняющих операций»¹⁸.

Уничтожение проводилось спешно, с возрастающим ускорением.

Итого в газовых печах погибли:

Лагерь Кульмхоф – свыше 152 тысяч евреев,

Бельжец – 600 тысяч,

Собибор – 250 тысяч,

Треблинка – 700 тысяч,

Майданек – 200 тысяч,

Освенцим (Аушвиц) – свыше 1 миллиона.

Добавим к этим цифрам жертвы 1150 гетто, созданных нацистами в Восточной Европе. В них содержалось более

¹⁸ Иоахим Фест. Гитлер. Биография. – Пермь: Алетейя, 1993, т. 3, гл. «Утраченная реальность», стр. 291

миллиона евреев – Варшавское гетто (около 500 тысяч человек), Лодзинское гетто (204 тысячи человек), гетто во Львове (100 тысяч человек), Минское гетто (80 тысяч человек). В огромном большинстве они погибли от болезней, голода, расстрелов или были умерщвлены в газовых камерах. Из пол миллиона восставших евреев Варшавы в живых остались около 40 тысяч.

Вспомним и захоронения в местах массовых расстрелов. Их множество, а мы возьмем самые крупные – Бабий Яр неподалеку от Киева и Змиёвская балка (Ростов на Дону). По данным исследователей там лежат останки около 70 тысяч расстрелянных евреев (а сверх того, военнопленных и других «неполноценных» категорий населения).

В упомянутом выше фильме Мумина Шакирова рассказывается, как девушек-близняшек привезли в бывший лагерь смерти Освенцим (Аушвиц). Увиденное потрясло их. Надеюсь, теперь они знают, что Холокост – не клей для обоев. А сколько людей еще не знают и не хотят знать?

Газовых камер не было?

Уже вскоре после окончания второй мировой войны появились так называемые «отрицатели» – люди, не скрывающие антисемитские убеждения, как правило, самодельные и просто безграмотные «историки». Главной своей задачей они считают – убедить европейцев в том, что Холокоста не было. Или если был, то при минимальном количестве жертв. Якобы цифра 6 миллионов уничтоженных придумана самими евреями для того, чтобы взыскать с бедных немцев максимальные репарации.

Они утверждают, что лагерей смерти и газовых камер не было вообще. Что фашистское государство не имело отношения к плану «окончательного решения», его якобы осуществляли отдельные группы патриотически настроенных людей, не зависимых от государства.

Что касается последнего утверждения... После того, как были опубликованы документы Нюрнбергского процес-

са, а затем стали известны материалы Ванзейской конференции, упирать на «общественную» инициативу, мягко говоря, смешно. О наличии лагерей и газовых камер столько сказано, столько раз эти факты подтверждались документально, что только откровенный, как бы это сказать, фантазер может отрицать их реальность.

Теперь к вопросу о количестве евреев жертв фашистского террора. «Отрицатели» утверждают, что в материалах Нюрнбергского процесса они не нашли те самые 6 миллионов, которые по указке сионистов распространяют либеральные политики и журналисты. Плохо, недобросовестно работают господа «отрицатели» с документами. Сообщаем: Роберт Джексон, судья Верховного суда США (1941–1954), главный обвинитель от США на Нюрнбергском процессе в своем выступлении назвал общее количество погибших евреев – 5 миллионов 700 тысяч человек.

Андрей Руденко, генеральный прокурор, главный обвинитель от СССР, в своем докладе на процессе назвал другую цифру – 5 миллионов 900 тысяч. Доверимся уж ему, от представителя тоталитарного государства можно было скорее ожидать чего-то сенсационно малого, несущественного. Но нет, Руденко, будучи при ясном уме и твердой памяти, сообщил именно эти данные.

Вскоре, однако, стало известно, что эта часть его доклада не попала в итоговый 8-томный отчет советской делегации на Нюрнбергском процессе (заметим, что общее собрание документов процесса на английском языке насчитывает 50 томов). Но в архивах текст доклада сохранился. При желании можно убедиться, что именно эта цифра прозвучала и, кстати, цитировалась мировой прессой.

Невольно возникает вопрос: почему столь важная часть доклада Руденко была скрыта от советского читателя? Почему на русском языке было издано лишь 8 томов? У нас есть немало оснований предполагать, что все это – продолжение нарастающей антисемитской тенденции в руководстве страной. Признаки начинающегося политиче-

ского сдвига появились в годы войны. Евреям, несмотря на любые заслуги, создавались дополнительные препятствия в вопросах повышения по службе, награждения государственными наградами, поступления в престижные вузы.

Продолжение грянуло после 1945 года и «увенчалось» разнузданной антиеврейской кампанией с арестами и расстрелами. Многие считают эту акцию советским вариантом «окончательного решения еврейского вопроса». Опять же, многие убеждены, что, если бы не смерть Сталина, дело бы дошло до депортации, концлагерей и других средств, испытанных за десятилетия репрессий.

Особую роль в реализации советского варианта играл начальник Совинформбюро, начальник политуправления Красной Армии А.С. Щербаков – разумеется, с ведома и при поддержке Сталина. Главные пункты кампании: замалчивание роли евреев в Отечественной войне, ужесточение кадровой политики по отношению к ним, негласный запрет на публикации в прессе. Документы о геноциде еврейского народа подлежали сокрытию или всяческому микшированию его масштабов и кровавых последствий.

В 1948 году по распоряжению свыше была разрушена верстка фундаментального издания – «Черной книги», содержавшей документы и письма пострадавших от зверств нацистов. Книга была подготовлена Еврейским антифашистским комитетом и группой писателей под руководством Ильи Эренбурга и Василия Гроссмана. В том же году ЕАК был расформирован, все его сотрудники арестованы, многие расстреляны.

В советские годы замалчивался тот факт, что абсолютное большинство убитых в печально знаменитом Бабьем Яре под Киевом были евреями. Упоминания о евреях или еврейская символика искоренялись. Несмотря на многочисленные требования общественности памятник жертвам Холокоста здесь так и не построили. Он был установлен лишь после крушения СССР, в 1991 году. В 1961-м поэт Евгений Евтушенко написал поэму «Бабий Яр», которая началась словами:

Над Бабьим Яром памятников нет.
Крутой обрыв, как грубое надгробье.
Мне страшно. Мне сегодня столько лет,
как самому еврейскому народу.¹⁹

Мемориал жертвам нацизма в Змиёвской балке открыт в 1975 году. В 2004 году здесь была установлена памятная плита со следующей надписью: «11-12 августа 1942 года здесь было уничтожено нацистами более 27 тысяч евреев. Это самый крупный в России мемориал Холокоста».

В 2011 году памятную доску заменили другой. На новой табличке слово «евреев» заменено на «27 тысяч мирных граждан Ростова-на-Дону и советских военнопленных».

В декабре 2013 года приняли решение о новом изменении текста: «Здесь, в Змиёвской балке, в августе 1942 года гитлеровскими оккупантами было уничтожено более 27 тысяч мирных граждан Ростова-на-Дону и советских военнопленных. Среди убитых – представители многих национальностей. Змиёвская балка – крупнейшее на территории Российской Федерации место массового уничтожения фашистскими захватчиками евреев в период Великой Отечественной войны».

Чувствуется, что прения вокруг памятной надписи еще не закончились. Нажмут на власть очередные национал-патриоты, и вновь слетит памятная доска. Стыдно!

Однако, вы не поверите, была у политики замалчивания своя замечательная черта. Многие годы немногочисленные российские «отрицатели» болтались в собственном болоте. И потому мы их не слышали. А что было слышать? Все тот же набор: «жиды воевали в Ташкенте», «хитрые – жадные», «почему только о евреях, русские страдали не меньше».

Об этом с юмором писал писатель Э. Лимонов: «Советская власть искусственно задержала информацию о мире за пределами СССР, и таким образом искусственно заморозила Россию, оставив ее жить в самом что ни на

¹⁹ <https://rupoem.ru/evtushenko/nad-babim-yarom.aspx>

есть XIX веке, ну от силы в самом начале XX-го. Чего тогда удивляться, что у нас несовременный даже антисемитизм, по атрибутике он живет во времена «Дела Бейлиса» (маца, кровь христианских младенцев и прочие средневековости), тогда как антисемит на Западе отрицает существование газовых камер и уничтожение шести миллионов евреев, что наш «фашизм» копирует гитлеризм 20-х годов...» (Э. Лимонов. Другая Россия. М.: Яуза, 2004. С. 88).

Прошло время, гласность открыла современным российским антисемитам все двери. Они гремят цитатами, заимствованными у западных неонацистов, выдавая чужие идеи за свои. Главная, но тщательно скрываема задача – любыми средствами обелить нацизм. Не было газовых камер, не было массовых расстрелов, не было 6 миллионов жертв Холокоста...

Не правда ли, в стране, победившей фашизм, это звучит особенно дико.

«Русские страдали не меньше»

Жаль, что этот аргумент подхватили антисемиты, жаль, что не кто-нибудь порядочный, а именно они монополизировали право на всеобщую скорбь. Потому что их скорбь – фальшивая, до предела политизированная.

Однако глупо это, да и бессмысленно – высчитывать, кто пострадал больше, русские или евреи. Все хлебнули горя, все малые и большие народы. Кровью харкали, на своих руках, на своем горбу вытащили Победу.

Но о русских всё-таки скажу отдельно. Вспомним первый год войны. Неожиданность нападения, неготовность, танковые рейды противника, отступление, паника среди командного состава. И, как следствие, – массовый плен. До сих пор идет дискуссия о численности советских военнопленных этого периода войны. По данным немецких военных экспертов в плен попали около 6 миллионов красноармейцев. Министерство обороны РФ называет другие

данные - 4 миллиона 559 тысяч. Некоторые историки убеждают нас, что обе цифры занижены. По их оценкам было взято в плен 6,3 миллиона военнослужащих.

Заниженные или завышенные, но наше сознание не в силах осознать масштабы происшедшей трагедии. Возможно, вам поможет документированный историками факт: число военнопленных первого года войны сопоставимо с численным составом Красной армии довоенных лет!

И еще эта цифра 6 миллионов... Мистика какая-то. Невольно воскликнешь – вот он, перед нами, русский Холокост! Некоторые авторы и в самом деле относят уничтожение советских военнопленных к Холокосту.

Позволю себе не согласиться. Холокост – это все-таки о другом. Государственная программа уничтожения целого народа²⁰. Она не предполагает варианты, только уничтожение, только убийство. Она в сущности направлена против гражданских лиц, против невооруженных, беззащитных стариков, женщин и детей. Никакого сострадания. Убийство, переведенное на плановые рельсы.

Славян и близкие к ним народы ждал другой исход. Их намечалось переделать. Сломать, вытравить достоинство, превратить в безгласных рабов, использовать как рабочую скотину на самых тяжелых работах.

Фашистские концлагеря, где содержались советские военнопленные, были одним из первых вариантов практического исполнения этого плана. В качестве инструментов нацисты использовали насилие, голод (и сопутствующие ему болезни), смертельно тяжелый, чаще всего бессмысленный труд. Рядом, в отдельных бараках пребывали попавшие в плен представители армий наших союзников: французы, англичане, американцы. Которых фашистские теоретики считали близкими арийской расе. Конечно, всё относительно, лагерь есть лагерь. Но союзники лучше питались, они получали посылки и письма от родных и близких. В условиях неволи это имеет огромное значение.

²⁰ Следует напомнить, что согласно этой программе уничтожению подлежали также цыгане, гомосексуалисты, душевнобольные и нетрудоспособные люди.

Советских военнопленных травили с двух сторон. С одной стороны, нацисты с их безумными расовыми теориями. А с другой – родное отечество. В свое время товарищ Сталин отказался подписать Женевскую конвенцию об обращении с военнопленными (вступила в действие в 1931 году). В ней оговаривалось, в частности, каким должен быть рацион питания военнопленных, равный с местным населением трудовой день, один выходной в неделю и многое другое. За исполнением конвенции следили организации Красного Креста.

Конечно, фашистское руководство и не думало выполнять все положения конвенции. Но все же некоторые надежды на сотрудничество с Западом побуждали его несколько облегчать положение пленных из упомянутых (и некоторых других) стран. В отношении же советских нацисты не чувствовали никаких обязательств.

Товарищ Сталин тоже не чувствовал никаких обязательств. У него было свое представление о людях, попавших в плен. Он сформулировал его так: у нас нет пленных, только предатели. Неважно, в каких условиях, по какой причине ты оказался в руках противника. Разве что учтут тяжелое ранение, да и то не всегда. Приговорят без суда, снимут с военного учета, лишат звания, у родных отберут денежное пособие и льготы, положенные семье военнослужащего. А главное, навесят ярлык предателя, навеки опозорят.

В 1945-м на родину начали возвращаться недавние узники концлагерей для военнопленных (а их вернулось, заметим, лишь около 2 миллионов²¹). Людские потоки сначала пропускали через так называемый фильтрационный лагерь. Там следователь из СМЕРШа²² мучил допросами, запугивал, ссылался на чьи-то свидетельства – и всё, чтобы доказать, что ты сдался в плен добровольно. Сколько ни

²¹ <http://kniga.pmem.ru/7-1-predislovie-glave-vojna-glazami-voennoplennyh.htm>

²² СМЕРШ – расшифровывается «Смерть шпионам». Контрразведывательная организация, занимавшаяся, в частности, проверкой благонадежности вернувшихся из плена солдат.

рассказывай, ни убеждай, тебя не слышат. Не все выдерживали этот изощренный натиск. И снова тысячи бывших солдат и офицеров, отдавших все силы и здоровье служению родине, возвращались в лагерь, теперь уже в свой, гулаговский.

А что же евреи-военнопленные? Почти все они погибли. Известный исследователь Павел Полян называет цифру - 94 процента²³ не вернувшихся.

Свобода мнений и нацизм

Отныне любые высказывания, в которых отрицается существование Холокоста или искажаются сведения о нем, будут блокироваться, - заявил 12 октября 2020 года глава Facebook Марк Цукерберг. Эта социальная сеть чрезвычайно популярна и влиятельна, она включает более 2 миллиардов пользователей во всем мире. Марк Цукерберг сообщает: теперь, если пользователи начнут искать в Фейсбуке информацию о Холокосте, их будут направлять к авторитетным источникам по этому вопросу. И еще одно дополнение: если раньше подобная блокировка осуществлялась только в странах, где отрицание Холокоста (Шоа) запрещено законом, - как, например, во Франции, Германии или Израиле - то теперь практика будет распространена на все страны мира.

Ну что ж, принят порядок, с которым можно согласиться, а можно и нет. В любом случае будут жаркие дискуссии, будут нападки на Фейсбук, который якобы проявил тоталитарные замашки и т.п. Меня в этой истории удивило другое - перемена, происшедшая в позиции главы Фейсбука. Еще три года назад он заявлял, что сеть, несмотря на все возникающие проблемы, не будет удалять высказывания, содержащие отрицание Холокоста. Право человека на свободу

²³ Советские евреи в немецком плену // Обречённые погибнуть / Сост. Полян П. М., Шнеер А. И. — М.: «Новое издательство», 2006. — С. 14. — 576 с Отрицание отрицания или Битва под Аушвицем. Полит. ру, 30 июля 2008 г. Выступления А. Коха и П. Поляна

выражения собственного мнения должно сохранить статус неприкосновенности – так или примерно так рассуждал Цукерберг.

Что было дальше? Свобода выражения собственного мнения осталась «при делах», а вот ситуация с антисемитизмом ухудшалась с каждым днем. За этот период совершены нападения на синагогу в Галле в Германии, на дом хасидского раввина в пригороде Нью-Йорка, прогремели выстрелы террористов в Тулузе, Париже, Копенгагене, Брюсселе, Ницце, Берлине. Вандалы осквернили могилы на еврейских кладбищах в Санкт-Петербурге, в Словакии, Николаевской области (Украина), в Филадельфии, в Вормсе (Германия). К руководителям Фейсбука обращались многие известные люди (не обязательно евреи) с требованием обратить внимание на то, к чему приводят открытая пропаганда нацизма, принижение масштабов преступлений против еврейского народа.

Свободой слова просто спекулируют, её расчетливо используют те, кто чувствует свою родственную связь с фашизмом. Они доказывают, что Холокоста не было или он был, но в минимальных размерах. И надо признать, на этот крючок попадают все новые и новые люди, не отягощающие себя изучением реальных фактов истории второй мировой войны.

А ведь это уже было... Гитлер сполна использовал все демократические свободы (презираемые им) во время предвыборной кампании 1933 года. И уже на следующий день после взятия власти приступил к уничтожению тех свобод, которые привели его к канцлерскому креслу.

Марк Цукерберг объяснил изменение политики Фейсбука. Его «собственное мышление эволюционировало», когда он увидел данные, «показывающие рост антисемитского насилия» в мире и сопоставил эти факты с довольно мягкой запретительной политикой соцсети.

Почему они не сопротивлялись?

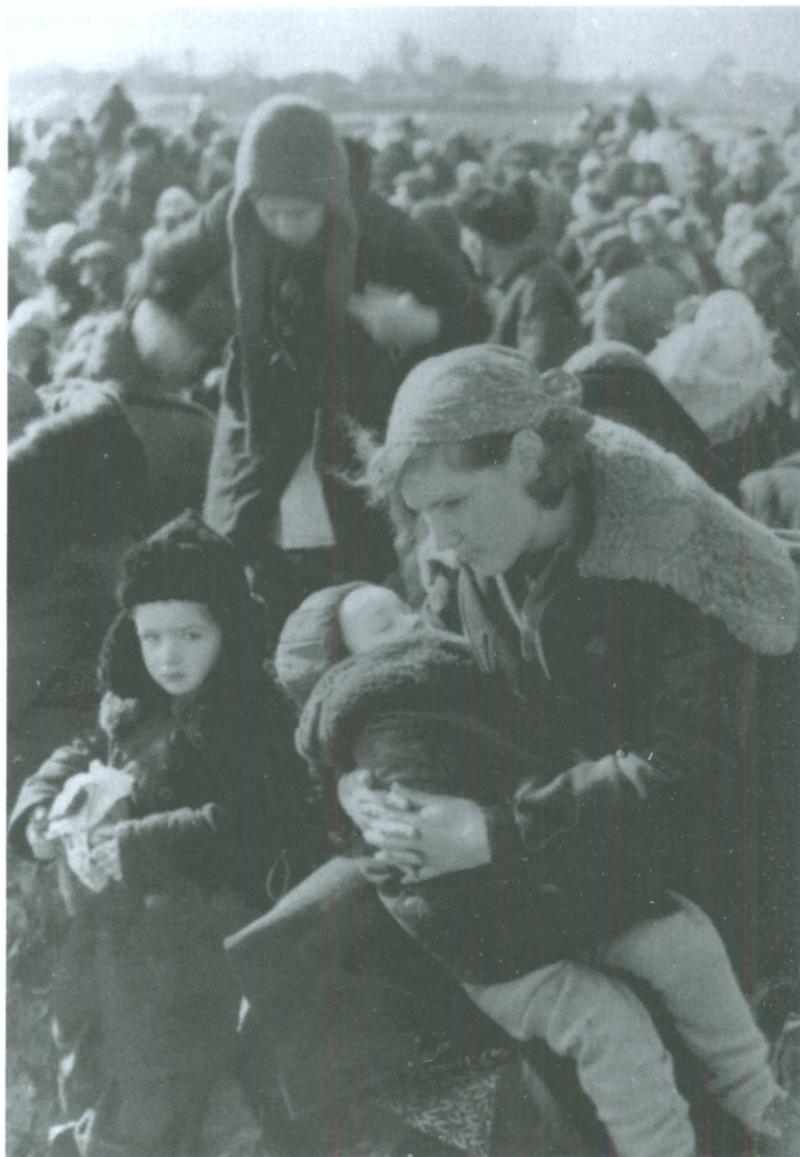
Почему евреи покорно шли в гетто, на расстрел, в газовые камеры? С этими вопросами я обращался ко многим людям старшего поколения. Первое, на что указывают почти все – испуг, леденящий ужас, оцепенение, деморализация. Евреи веками мирно жили рядом с теми же немцами, итальянцами, венграми, русскими. Они (как и остальной мир) не сумели вовремя почувствовать смертельную опасность, возникшую в Европе после 1933 года. Невозможно было предсказать, что на них обвалится такой поток ненависти. Невозможно представить ту быстроту обезчеловечивания, с которой недавние добрые знакомые и друзья превращались в отъявленных расистов, смертельных врагов.

В прежней жизни евреи, разумеется, сталкивались с антисемитизмом. Но никто, повторяю – никто, не мог предположить, что ненависть к ним станет столь тотальной и убийственной.

Из рассказа Валентина Катаева «Отче наш»²⁴.

«В это утро со всех концов города (имеется в виду Одесса) медленно тащились в одном направлении, как муравьи, люди с ношами. Это были евреи, которые направлялись в гетто. Гетто было устроено на Пересыпи... Несколько грязных кварталов окружили двумя рядами ржавой колючей проволоки и оставили один вход, как в мышеловку. Евреи шли по улицам, спускавшимся на Пересыпь. Они шли под железнодорожными мостами. Они скользили по обледеневшим тротуарам. Среди них попадались старики, которые не могли идти, и больные сыпным тифом. Их несли на носилках. Некоторые падали и оставались лежать на месте, приклонившись спиной к фонарю или обняв руками уличную чугунную тумбу. Их никто не сопровождал. Они шли сами, без всякого конвоя. Они знали, что тот, кто останется дома, будет расстрелян. Поэтому они шли сами. За укрывательство еврея также полагался расстрел. За одного спрятанного

²⁴ <http://mreadz.com/new/index.php?id=30712&pages=172>

Лубны, Украина. Мать с двумя детьми на сборном пункте вместе с другими евреями города ожидают казни,
16 октября 1941 г.

https://www.yadvashem.org/sites/default/files/5705_48_4.jpg

еврея подлежали расстрелу на месте все жильцы квартиры без исключения».

До войны Пересыпь состояла из множества халабуд²⁵, а также из заброшенных корпусов заводов и мастерских, протянувшихся вдоль песчаной косы. Коса отделяет Черное море от двух лиманов – Хаджибеевского и Куяльницкого. Именно здесь, на берегу Хаджибеевского лимана, рядом с заброшенным колодцем, герой повести Петя Бачей спрятал красное партизанское знамя. Шел жестокий бой, смерть была рядом²⁶.

В давние 60-е я бродил по этим местам... Ничто не напоминало о том, что здесь происходило в годы войны. Только строчки Катаева будили прошлое. Вот железнодорожный мост, через который евреи шли на Пересыпь. А здесь были ворота Одесского гетто...

Как уже говорилось, в гетто, расположенных в Восточной Европе, нацисты изолировали более миллиона евреев. Их отправляли сюда целыми семьями, включая стариков и маленьких детей. Помещения были переполнены, внутри царил антисанитария. Истощение, хроническая нехватка пищи, одежды, лекарств и всего остального, жестокие зимние холода — все это приводило к многочисленным вспышкам эпидемий и необычайно высокой смертности. Немцы постепенно ликвидировали большинство гетто. Их жителей либо расстреливали и хоронили в общих могилах, либо отправляли в лагеря смерти.

²⁵ На одесском жаргоне халабуды - это захудалые одноэтажные дома, где проживало веселое, но бедное племя рыбаков, рабочих, мелких дельцов и спекулянтов.

²⁶ Петя Бачей – один из героев Валентина Катаева, прошедший через многие его произведения. Эпизод со знаменем описан в повести «Катакомбы». Читайте - <http://lib.rin.ru/doc/i/218086p1.html>

Защитить еврея? Но как?

Защитить, спрятать, укрыть еврея в годы нацистской оккупации, значило подвергнуть смертельному риску себя, свою семью, родственников и детей. И все-таки такие люди были. Защищали и укрывали. У меня не хватает слов, чтобы как-то определить их бескорыстный поступок. Мужество. Благородство. Человечность. Все мало!

Сегодня они известны как Праведники народов мира. Им вручают награды, их имена гравированы на стене почета в израильском мемориале Яд Вашем. Звание Праведника народов мира к 1 января 2020 года было присвоено 27712 гражданам из 44 стран. Среди них – 7112 поляков, 4130 французов, 2659 украинцев, 916 граждан Литвы, 659 жителей Белоруссии, 215 – России, 138 – Латвии²⁷.

1 ноября 2005 года сессия Генеральной ассамблеи ООН провозгласила 27 января - дату освобождения Освенцима - Всемирным днем памяти жертв Холокоста. В 1996 году на Поклонной горе в Москве была заложена Мемориальная синагога, посвященная памяти евреев – жертв Холокоста и героев Великой Отечественной войны, а российским Праведникам народов мира начали выплачивать пенсию Российского еврейского конгресса.

...Были не только отдельные граждане, но и целые народы, рисковавшие собой ради справедливости и добра. Наиболее известны события, происшедшие в Дании, где проживали около 8 тысяч евреев. Первым действием фашистов после оккупации страны стал приказ всем евреям надеть повязки с «Моген Давидом» (желтой Звездой Давида)²⁸. На следующий день после объявления приказа

²⁷ Количество Праведников в той или иной стране не обязательно свидетельствует о фактическом количестве историй спасения, а лишь отображает случаи, о которых известно мемориалу Яд Вашем.

²⁸ Звезда Давида (на иврите – Моген Давид) – древний еврейский символ в виде шестиконечной звезды. Звезда Давида изображена на флаге государства Израиль.

король Дании Кристиан X выехал на прогулку с большим «Моген Давидом» на груди. Большинство датчан последовали примеру своего короля. Немцы были вынуждены отменить своё распоряжение.

Но этим дело не закончилось. В августе 1943 года фашисты объявили в стране чрезвычайное положение. В сентябре морской аташе немецкой дипломатической миссии в Копенгагене Георг Дуквитц (в послевоенные годы ему было присвоено звание Праведника народов мира), рискуя жизнью, предупредил датские власти о готовящейся депортации евреев. Через несколько дней за ними в копенгагенский порт должны будут придти немецкие корабли для отправки в лагеря уничтожения.

И тогда была проведена беспрецедентная в истории Катастрофы операция по спасению евреев. В ней принимали участие практически все датчане. Она продолжалась всего три дня. На небольших рыболовецких сейнерах, катерах и даже утлых лодках рыбаки доставили 7906 датских евреев к берегам нейтральной Швеции. 1 октября операция была завершена²⁹.

Почётное звание Праведник народов мира – награда сугубо персональная. Но существует одно исключение. Звание Праведник народов мира для Дании является наградой коллективной. Она присвоена всем гражданам страны, принявшим участие в этом подвиге.

Престиж нации, совесть и человечность оказались не пустыми словами не только для датчан.

В Болгарии на защиту евреев встали известные политики, деятели культуры, члены парламента, священники православной церкви во главе с патриархом. В результате удалось спасти около 50 тысяч человек.

В 1941 году Финляндия стала союзницей Германии, однако руководители страны во главе с маршалом Маннергеймом решительно отвергли требование нацистов о вве-

²⁹ Подробней об этой беспримерной истории можно прочитать <http://www.proza.ru/2011/10/07/871> Лев Израилевич. «Датский феномен».

дении антиеврейских законов ни в самой Финляндии, ни на занятых ее армией территориях Советского Союза. Последовавшие спустя некоторое время требования Гитлера о депортации 2 тысяч финских евреев в лагеря смерти, было отклонено финским правительством³⁰.

Голоса в защиту евреев раздавались даже в самой фашистской Германии. Несмотря на оглушающую анти-семитскую кампанию, пропаганду ненависти к инородцам, отдельные – к сожалению, немногие – немцы сумели сохранить человеческий облик. Берлинский пастор Бернгард Лихтенберг на следующий день после «Хрустальной ночи»³¹ публично молился «о евреях и всех несчастных узниках концлагерей», за что сам погиб на пути в концлагерь. Постертно признанный Праведником мира ефрейтор Антон Шмид помогал вильнюсским подпольщикам и спасал евреев от расстрела в Понарах.

А эта трагическая история прозвучала на весь мир, благодаря кинофильму «Пианист»³². В восставшей Варшаве в полуразрушенном доме встречаются двое: известный в Польше музыкант, пианист Владислав Шпильман, теперь изгой, узник уже уничтоженного гетто, и капитан вермахта Вильм Хозенфельд. Немецкий офицер не выдал беглеца, более того – помог ему выжить, спас от голодной смерти. Спас знаменитого пианиста, но сам погиб в сталинских лагерях³³.

³⁰ <http://7x7-journal.ru/post/45643>

³¹ Хрустальная ночь – так называют скоординированный нацистским режимом погром еврейских магазинов, зданий и синагог. Погром прошёл 9-10 ноября 1938 года на территории всей Германии и части Австрии. Историки рассматривают Хрустальную ночь как сигнал к началу «окончательного решения еврейского вопроса» и Холокоста.

³² «Пианист» - выдающееся произведение, фильм Романа Полански в 2002 году был удостоен «Золотой пальмовой ветви» на Каннском кинофестивале, а также трёх премий «Оскар» за лучшую режиссуру и лучшему актёру – Эдриену Броуди. Фильм можно посмотреть - <http://kinogo.club/2135-pianist-2002.html>

³³ В 2006 году журналист Б. Хандрос встретился с сыном капитана Хозенфельда Детлефом. Текст интервью можно прочесть http://bulvar.com.ua/gazeta/archive/s19_3672/2204.html

Евреи – герои Ташкента?

Вернемся, однако, к легенде о покорности евреев. Мне всё-таки хочется доказать, что она несправедлива. Это неправда. Вернее, неполная правда. Да, был страх, была деморализация, безысходность. Но были и проявления отваги, зачастую безрассудной, отчаянной отваги, когда евреи, безоружные, шли на врага, зная, что это их последняя схватка. К стыду своему, я об этом мало знал.

С детства злая молва убеждала нас в том, что евреи боялись фронта, прятались в тылах (в Ташкенте, как утверждают задубелые антисемиты), цеплялись за теплые места. Не исключаю этого: наверняка были и расчетливые, и трусливые. Люди ведь разные. Но, скажите, у кого их не было, трусливых? У русских, украинцев, белорусов?

Моя мысль проста: каждому из нас давно пора научиться смотреть правде в глаза. И отвечать за всё в не ушедшем прошлом – и за своих подлецов, в том числе. Каждый народ за своих. Чтобы не кивать на других. Так оно будет лучше, по-человечески достойней.

...Братья Бельские решили создать еврейский партизанский отряд в 1941 году. Отряд имени Калинина, как они себя назвали, базировался в Налибокской пуще до самого изгнания оккупантов с белорусской земли. Помимо боевых задач, нападений на посты жандармерии и железнодорожные разъезды, они выполняли еще одну - спасали евреев из расположенного неподалеку Новоградского гетто.

Командиром отряда стал старший из братьев Тувия. Его заместителем и руководителем боевых операций стал второй по старшинству брат Асаел. Третий, Зусь, командовал разведкой. Младший брат Арон был связным с гетто, с другими партизанскими отрядами и местным населением. Он переправлял в отряд евреев из гетто. Вскоре отряд вырос до 250 человек, немалая часть которых, женщины и дети, не могли быть воинами. Разумеется, это снижало боеспособность отряда, люди нуждались в защите, в питании.

Тувия и его братья набирались опыта в боях, вооружались захваченным трофейным оружием. Они проявляли чудеса изобретательности, чтобы накормить и сохранить жизнь прибывающих в отряд людей. Дела отряда имени Калинина стали известны руководителям советского партизанского движения. В 1943 году его включили в состав Ленинской партизанской бригады. В том году за счет беглецов из гетто отряд вырос до 750 человек.

Фашисты не раз и не два блокировали лагерь Тувии Бельского, вели карательные операции на уничтожение. Однако партизанам всегда удавалось выскользнуть из окружения. Летом 1944 года Белоруссия была освобождена. Тувия Бельский вывел из леса более 1200 спасенных евреев.

По-разному сложились судьбы братьев Бельских после войны. Они разъехались по миру, жили в разных странах, осваивали мирные профессии, создавали семьи. Никто из них не рассказывал, даже детям, о своих партизанских заслугах. Просто не считали заслугой то, что им удалось сделать в прошлом.

Но независимо от них слава еврейского партизанского отряда имени Калинина распространилась по всему свету. Спасенные братьями Бельскими люди рассказали о чуде своего освобождения, своей победы над смертью. В 2008 году вышел фильм «Defiance» («Вызов»)³⁴ о невероятной истории партизанского отряда братьев Бельских. Главную роль командира Тувии Бельского исполнил знаменитый голливудский актер Дениэл Крейг.

Подобного рода семейные отряды создавали, как правило, беглецы из еврейских гетто и концлагерей. Отряд во главе с Ш. Зориным насчитывал около 800 евреев, бывших узников минского гетто. В районе Копыля действовало партизанское объединение «Жуков», сформированное из беглецов трех ближайших гетто. Еврейские отряды действо-

³⁴ Смотрите:

<https://yandex.ru/video/search?filmId=hBV98f710Cw&text=%D0%BA%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D1%84%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%BC%20defiance>

вали в партизанских бригадах знаменитых командиров С. Ковпака и А. Сабурова. По приблизительным подсчетам в партизанских операциях в районах Западной Украины и Западной Белоруссии участвовали до 15 тысяч евреев.

Можно ли считать евреев храбрецами?

По своей сути, по качествам характера – смелые ли они люди? Не знаю... Даже и о себе не могу твердо сказать, смелый я человек или нет. Всякое было в жизни. Служил в армии, трудно было, иногда казалось: нет моих сил – не выполню, не добегу, не дойду... Как-то все же и выполнял, и добегал. Но вот чтобы лечь на амбразуру...

Тут вообще надо подумать. Создан ли человек для того, чтобы без колебаний рисковать жизнью, быть готовым идти на смерть? Мое мнение - не для того мы рождены на свет. Страх смерти – правильный страх. Мы рождены, чтобы жить и любить. Чтобы сделать что-то, хотя бы малое, за что не стыдно перед детьми и внуками.

Но приходит час - бесповоротный, не оставляющий выбора. Или пан, или пропал. Когда, как говорится, позади Москва. Вот в этот час и проявляется наше естество.

Эти факты общеизвестны³⁵.

В годы Великой Отечественной войны звание Героя Советского Союза было присвоено 165 евреям.

Три еврея – Главком ВВС РККА генерал-лейтенант Смушкевич, генерал-полковник танковых войск Драгунский и генерал армии Черняховский - получили это звание дважды.

13 воинов-евреев стали полными кавалерами ордена Славы, что приравнивалось к званию Героя.

³⁵ Долгое время вклад евреев в Победу над фашизмом замалчивался, данные о награжденных были засекречены. Читайте: http://cyclowiki.org/wiki/%D0%95%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%B8_%E2%80%94%D0%93%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B8_%D0%A1%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%A1%D0%BE%D1%8E%D0%B7%D0%B0

Статистика утверждает, что среди всех награжденных высшей боевой наградой по итогам Великой Отечественной войны евреи заняли четвертое место после русских, украинцев и белорусов.

Не менее показателен пересчет количества Героев на сто тысяч населения. В таком случае первыми остаются русские – 7,66 Героев на сто тысяч. Второе место занимают евреи – 6,83 Героя. Затем идут украинцы – 5,88 и белорусы – 4,19.

Многие евреи не получили высокие награды по причине «особого отношения» к ним. Даже маршал Г.К. Жуков утверждал, что по числу Героев Советского Союза и кавалеров ордена Славы евреи были на третьем месте. «А на каком бы они были, - воскликнул однажды Жуков, - если бы во всех инстанциях их не вычеркивали из списков?»

Подвиг Матросова³⁶ за годы войны совершили четыре еврея, причем рядовой Абрам Левин лег грудью на амбразуру за год до Матросова. Он был награжден орденом Отечественной войны I степени посмертно... через 15 лет. Сержант Товье Райз умудрился остаться в живых, хотя и получил 18 ранений, и был награжден орденом Славы III степени.

Подвиг Николая Гастелло³⁷ повторили 14 летчиков-евреев. Звание Героя присвоили только двоим.

³⁶ 27 февраля 1943 года в ходе ожесточенного боя возле населенного пункта Чернушки Псковской области красноармеец Александр Матросов закрыл своим телом вражеский дзот. Благодаря его подвигу, атака наших войск продолжилась, поселок был занят через час. Александру Матросову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

³⁷ 26 июня 1941 года во время боевого вылета в район Радошковичи-Молодечно бомбардировщик капитана Н. Гастелло был подбит. Летчик направил горящий самолёт на механизированную колонну вражеской техники. Лейтенант Григорий Николаевич Скоробогатый, лейтенант Анатолий Акимович Бурденко, младший сержант Алексей Александрович Калинин геройски погибли. Они пошли на смерть вместе со своим командиром.

В человеке должно быть заложено что-то гораздо более сильное, мощное, чем страх смерти. Тогда он способен совершить подвиг.

Героизм евреев, их поведение в бою лишены иллюзий. У них не было выбора, даже хилой надежды на то, что вот если попаду в плен, то как-нибудь перемучаюсь, выживу. Они знали заранее: первыми фашисты расстреливают коммунистов и евреев.

Каждый новобранец, вступая в Армию обороны Израиля, дает клятву: «Никогда больше!» Никогда больше – гонений, никогда больше – газовых камер, никогда больше – страха и унижения перед противником. В свою первую войну Израиль вступил на следующий день после провозглашения собственной независимости. 15 мая 1948 года армии пяти арабских стран вторглись на территорию новообразованного государства – и были разгромлены. В кровопролитных боях погибли более 6 тысяч израильтян.

Шестидневная война между Израилем, с одной стороны, и Египтом, Сирией, Иорданией, Ираком и Алжиром с другой, продолжалась с 5 по 10 июня 1967 года. Для военных специалистов всего мира эта молниеносная победа стала классикой боевого мастерства, примером отваги и мужества, проявленных солдатами и офицерами Армии Израиля.

Всего за 70 лет израильтянам пришлось участвовать в восьми войнах. Во всех восьми они одержали победу. Хотя не раз и не два были на пределе сил и возможностей. Нам трудно представить себе эту ситуацию: маленькая, упрямая страна в центре враждебного арабского окружения...

Операция «Энтеббе»³⁸ по смелости, я бы даже сказал, по отчаянной дерзости не имеет равных в современной истории. Конечно же, «миротворцы» из враждебных Изра-

³⁸ Об этой операции было снято несколько фильмов: «Победа в Энтеббе» – телевизионный художественный фильм, 1976, США; «Рейд на Энтеббе» – художественный кинофильм, 1977, США; «Операция Йонатан» – художественный фильм, режиссёр Менахем Голан, 1977, Израиль.

илю политических кругов нашли сотню причин, чтобы объявить эту акцию преступной. Да, согласен, операция «Энтеббе» не была стерильно чистой. Но, по моему мнению, другой в тех условиях она быть просто не могла.

26 июня 1976 года палестинцы из организации НФОП³⁹ захватили самолет компании «Эр Франс», летевший по маршруту Тель-Авив – Париж. В самолете было 248 пассажиров и 12 членов экипажа. По приказу террористов самолет сел в аэропорту Энтеббе близ столицы Уганды Кампалы. Правительству Израиля захватчики направили ультиматум, в котором они требовали освободить 53 палестинских заключенных, содержащихся в тюрьмах Израиля, Германии и других стран. В случае невыполнения этого требования к определенному сроку они начнут расстреливать заложников-израильтян.

Через два дня террористы освободили пассажиров с неизраильскими паспортами. В плену остались только евреи – более 80 мужчин, женщин и детей. Экипаж самолёта остался с заложниками по собственной инициативе.

Переговоры с уклончивым угандийским царьком, через которого пытались воздействовать на террористов, ничего не дали. Тянуть некуда, надо принимать решение.

Далее события развивались стремительно. Израильский спецназ, которым командовал подполковник Йонатан Нетаньяху, совершенно неожиданно приземлился в аэропорту Энтеббе. Короткий ночной бой закончился освобождением заложников. По расчетам спецназовцев операцию надо было завершить за 50 минут, не более. За это время на помощь террористам успевали подойти войска Уганды. И тогда могла бы произойти катастрофа. Но когда угандийцы прибыли в аэропорт, израильский лайнер был уже в воздухе.

Не обошлось без жертв. Героически погиб единственный из спецназовцев – командир отряда Йонатан Нетаньяху, родной брат того самого Биньямина Нетаньяху, премьер-министра Израиля.

³⁹ НФОП – Народный фронт освобождения Палестины, леворадикальная террористическая организация.

71 год назад впервые за многовековую историю евреи обрели Родину. Оказывается, это великий стимул. И тут не нужны заклинания о патриотизме. Человек сам чувствует, знает, чему посвятить и за что отдать свою жизнь. Никогда больше - гонений, никогда больше - газовых камер, никогда больше - страха и унижения перед противником!

В семье не без уroda

Общеизвестно: членами чекистского «ордена» были и евреи. Образованные, активные, умелые работники, беспрекословные исполнители. Были они и в руководящих органах НКВД.

Так уж повелось – в семье (в данном случае еврейской) не без уroda. Да еще какого уroda! Некоторые из бывших романтиков с ужасом осознали свой моральный крах. Этим объясняется большое количество самоубийств среди евреев-чекистов в 30-е годы⁴⁰. Но многие и не заметили свое перерождение. Им отказали элементарные человеческие качества – чувство справедливости и сострадания. Чувства, которые вроде должны быть в составе крови евреев, вечно преследуемых и унижаемых. Оказывается, нет, не у всех.

Я говорю о преступниках-евреях. Но разве в национальности дело? Независимо от неё все участники злодеяний должны быть названы поименно и осуждены⁴¹. На их совести миллионы невинных жертв. Да, поздно уже судить

⁴⁰ Начальник Харьковского управления НКВД С.С. Мазо написал перед тем, как застрелиться, следующую записку: «Товарищи, опомнитесь! Куда ведет такая линия арестов и выбивания из обвиняемых сведений?» Подобную посмертную записку оставил начальник Горьковского управления НКВД М.С. Погребинский.

⁴¹ Весомый вклад в осуществление этой задачи внесло Международное общество «Мемориал». В 2016 году оно выпустило компакт-диск «Кадровый состав органов государственной безопасности СССР. 1935–1939». Это электронная база данных о 39950 сотрудниках НКВД, получивших специальные звания системы госбезопасности с момента их введения в 1935 году и до начала 1941 года.

их уголовным судом, но пора, наконец, осудить их судом истории.

Одно только вызывает у меня жесткое несогласие. Это когда некоторые «заинтересованные» начинают доказывать, что евреи доминировали в карательных органах, что чуть ли не в одиночку проводили репрессивные кампании. Подобного рода зловонные публикации заполняют Интернет и полки книжных магазинов. Немало страниц посвятил этой идее и уважаемый классик Александр Солженицын. Во втором томе своего масштабного труда «Двести лет вместе» он не поленился перечислить десятки еврейских фамилий чекистов, участников сталинских чисток. Намеренно или нет, но писатель создает впечатление, что сотрудники НКВД просто плясали под дудку евреев, буквально оккупировавших это «учреждение».

И только в незаметной сноске, мелким шрифтом, Александр Исаевич приводит цифру – количество евреев, служивших в местных органах госбезопасности в 1937 году, – 7,4 % от общего числа сотрудников.

Много это или мало? Много, страшно много! Это – черное пятно в вековой биографии моего народа. Надо молить о прощении, надо невероятно много сделать, чтобы смыть с себя вину этих вырожденков. Память и совесть никогда не дадут нам покоя...

Но одновременно эта цифра и очень мала. Ведь русских в аппарате НКВД было в разные годы от 65 до 80 процентов. Огромное большинство! Никакие антисемитские бредни не заставят меня поверить, что евреи могли манипулировать таким большинством.

Что, впрочем, ничего не меняет. Нас не успокоит и не простит мысль о русском (или каком-то ином) большинстве. Пусть они сами разбираются в грехах прошлого. Пусть каждый народ знает свою часть вины.

И пусть каждый помнит своих подлецов. Полезно для духовного самоочищения. Я верю, что оно возможно. Но при одном условии: если в нас живет искреннее стремление к такому самоочищению...

Для тех, кто хочет еще поразмышлять на эту нелегкую тему, цитирую достоверный источник⁴²:

«На 1 мая 1924 года в центральном аппарате ОГПУ работало 2 402 сотрудника. Из них русских – 1670 (70%), латышей – 208 (9%), евреев – 204 (8%), поляков – 90 (3,7%), белорусов – 80, украинцев – 66.

К весне 1937 г. национальный состав местных органов госбезопасности, т.е. без Главного управления, состоял из: 15 670 русских – 65%, 3489 украинцев и белорусов – 14,6%, 1776 евреев – 7,4% и др.

В 1940 г. национальный состав центрального аппарата НКВД состоял из: 3073 русских – 84%, украинцев и белорусов 267 – 7,25%, евреев 189 – 5% и др.»

Советский вариант?

Когда на улице мою маму обзывали жидовкой, она уже дома, не при людях, пыталась защищаться: а ты – черносотенец⁴³, сквозь слезы кричала она отсутствующему обид-

⁴² «Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991.» Справочник. Составители А.И. Кокурин, Н.В. Петров. Москва. 2003 год.

⁴³ В первые десятилетия советской власти еще свежа была память о страшных еврейских погромах, которые организовывали черносотенцы. Это слово на многие годы стало нарицательным, символом страха и насилия. В начале 20 века так называли членов крайне правой антисемитской организации, созданной под «крышей» царской власти. Черносотенцы были непримиримыми противниками демократии, они выступили против Манифеста 17 октября, «дарованного» царем в 1905 году под давлением массового революционного движения. Манифест определил место первого в истории России законодательного органа – Государственной Думы, он также провозгласил свободу совести, свободу слова, свободу собраний и т.д. К сожалению, надежды на обновление страны не оправдались, объявленные реформы демонстративно нарушались самой властью или были просто свернуты.

чику. Бытовой антисемитизм был всегда. Также, как и мелкие, но болезненные дразги между русскими и украинцами, русскими и татарами, кавказцами, прибалтами, поляками и т.п. Как ни странно, это не портило общий благостный фон, создаваемый пропагандой. Приходится только удивляться эффективности идеологической машины, сумевшей в памяти многих поколений подменить реальную жизнь картинками всеобщего братства.

После революции в стране действовали еврейские школы, театры, газеты, издательства, радиопередачи, еврейские отделения техникумов и ВУЗов, музеи. Были даже еврейские колхозы. Однако в начале 30-х еврейская «картинка» стала меняться - сначала незаметно, потом все с большей интенсивностью. Стали закрываться учебные заведения, театры – в Украине из 11 театров к 1933 году осталось 4. В 1936 году закрыл двери Институт еврейской пролетарской культуры в Киеве. В 1938 году перестала выходить центральная еврейская газета «Эмес».

Но все это только прелюдия. Реализацию советского варианта «окончательного решения еврейского вопроса» Сталин отложил на послевоенные годы.

На этот раз, в отличие от национальных операций 30-х годов, начали с идеологического обоснования предстоящей кампании. Врагом номер один был назначен сионизм. Как я понимаю, это духовное течение, возникшее в конце 19 века, выразило вековую мечту евреев о создании своего государства. Ни на что большее оно не претендовало. Но сталинские идеологи придали сионизму нечто ужасное, граничащее с фашизмом. Разоблачению этой страшилки посвящали многочисленные публикации теоретические журналы и центральные газеты.

Надо признать, сталинская «концепция» сионизма была сочувственно встречена в антисемитских кругах, как в СССР, так и в разных странах мира, в первую очередь, мусульманских. Но для большинства здравых людей, переживших ужасы недавней войны, знавших о жертвах Холо-

коста, мечта евреев о собственном государстве казалась совершенно естественной, справедливой.

Вторая тема, с 1948 года буквально заполонившая советскую прессу, - «борьба с космополитизмом». Это уже была политическая кампания, откровенно направленная против евреев. Правда, вместо слова «евреи» применяли всем понятные словосочетания - «низкопоклонники перед Западом», «безродные космополиты». Они лишены патриотизма, презирают свою страну, - а значит, не имеют Родины. Газетная травля, «разборы» на собраниях трудовых коллективов теперь сопровождалась увольнениями с работы и арестами. Заговорили о широко разветвленном заговоре с центрами в Москве и Ленинграде. Затем метастазы заговора обнаружили в Харькове, Киеве и Минске. Особенно старались «Правда» и «Литературная газета». В их отчетах рассказывалось о «диверсионных» методах «космополитов»: шантаже, угрозах, клевете, запугиваниях в адрес незащитных советских патриотов.

Не осталось ни одной сферы общественной жизни, где бы ни шла война с космополитами: в литературе, театре, науке, экономике. Советский строй «во сто крат выше и лучше любого буржуазного строя», он опережает зарубежные страны на целую историческую эпоху. Россия всегда и во всем была первой. Пионером воздухоплавания был признан некий подъячий Крякутный. Велосипед в незапамятные времена изобрел уральский крестьянин Артамонов.

К 1948 году Сталин, видимо, решил, что народ созрел. Враг известен, пора с ним разобраться. Начать с лучших, самых талантливых, знаменитых. А там события пойдут как бы сами собой. Народ, разогревшись, будет их подталкивать.

13 января страна узнала о гибели Соломона Михоэлса. С самого начала поговаривали о некоторых странностях, связанных с этой трагедией. Михоэлс был в командировке в Минске. Утром артиста и сопровождавшего его спутника нашли мертвыми на одной из глухих улиц белорусской столицы.

Михоэлс был любимцем публики, народным артистом СССР, художественным руководителем Московского государственного еврейского театра (ГОСЕТ). Как артист он прославился исполнением роли короля Лира в пьесе Шекспира, а также Тевье-молочника по рассказам Шолом-Алейхема. Свои режиссерские работы он с успехом показывал на гастролях в Германии, Франции, Бельгии и других странах Европы.

Тайна убийства С. Михоэлса открылась после смерти Сталина. Жорес Медведев в своей статье⁴⁴ цитирует протокол допроса бывшего министра госбезопасности В. Абакумова. Допрос состоялся в начале 1953 года, когда всесильный в недавнем прошлом министр находился в тюрьме под арестом. В своей записке, направленной 2 апреля одному из руководителей государства Г.М. Маленкову, Берия излагает показания Абакумова:

«Насколько я помню, в 1948 году глава Советского правительства И.В. Сталин дал мне срочное задание – быстро организовать работниками МГБ СССР ликвидацию Михоэлса, поручив это специальным лицам. Тогда было известно, что Михоэлс, а вместе с ним и его друг, фамилию которого не помню, прибыли в Минск. Когда об этом было доложено Сталину, он сразу же дал указание именно в Минске и провести ликвидацию Михоэлса под видом несчастного случая, то есть чтобы Михоэлс и его спутник погибли, попав под автомашину».

Далее Ж. Медведев пишет:

«После торжественных похорон Михоэлс еще около года иногда упоминался в советской прессе как «великий артист». Государственный Еврейский театр имени С. М. Михоэлса продолжал свои постановки. В конце ноября 1948 года театр был закрыт, это было связано с роспуском Еврейского антифашистского комитета и с арестом членов его руководства. Михоэлс, как бывший председатель ЕАК, был переквалифицирован в «буржуазного националиста».

⁴⁴ Ж. Медведев. Убийство Соломона Михоэлса.

http://scepsis.net/library/id_1475.html

Именно Михозлс был представлен главой «сионистского заговора» против руководства СССР».

Еврейский антифашистский комитет был создан в 1942 году. Эта идея должна была убить сразу многих «зайцев». Во-первых, показать Западу, как активно и свободно живут евреи в СССР. Во-вторых, использовать мировую известность еврейских деятелей культуры для того, чтобы организовать сбор пожертвований в помощь советскому народу.

Первым председателем ЕАК назначили Соломона Михозлса. Одной из самых известных акций комитета стала состоявшаяся в 1943 году поездка Михозлса и поэта Ицика Фефера в США, Канаду, Мексику и Великобританию. Тысячи евреев, проживающих в этих странах, перечислили по призыву делегатов из СССР свои пожертвования в фонд поддержки Красной Армии. В результате для советских вооруженных сил ЕАК собрал 16 миллионов долларов в США (15 миллионов – в Англии и Канаде, 1 миллион – в Мексике, 750 тысяч – в британской Палестине), а также медицинское оборудование, санитарные машины.

К концу войны сотрудники ЕАК начали сбор документов и свидетельств о Холокосте, о миллионах евреев, ставших жертвами преступлений нацизма. Не заметив того, они переступили опасную грань: советский пропагандистский аппарат предпочитал замалчивать факт геноцида евреев. Конечно же, известные «органы» не замедлили зачесть проступок сотрудников комитета. Сначала жестоко расправились с руководителем ЕАК

20 ноября 1948 года ЕАК был распущен по решению Политбюро ЦК ВКП(б). В постановлении сказано: «Утвердить следующее решение Бюро Совета Министров СССР: Бюро Совета Министров СССР поручает Министерству государственной безопасности СССР немедленно распустить «Еврейский антифашистский комитет», так как, как показывают факты, этот комитет является центром антисоветской пропаганды и регулярно поставяет антисоветскую

информацию органам иностранной разведки. В соответствии с этим органы печати этого комитета закрыть, дела комитета забрать. Пока никого не арестовывать. Секретарь ЦК И. Сталин».

Тем не менее с декабря 48-го пошли аресты. Следствие продолжалось до 1952 года. Всего по делу прошли 125 человек. 23 были расстреляны, 6 умерли в ходе следствия. Впоследствии все осуждённые были реабилитированы.

Дело врачей

13 января 1953 года в «Правде» появилась статья «Подлые шпионы и убийцы под маской профессорско-врачей»⁴⁵. В статье сообщалось о раскрытии в СССР террористической группы врачей, ставившей своей целью, «путем вредительского лечения, сократить жизнь активным деятелям Советского Союза». Роль лидера этой преступной группы была отведена профессору Мирону Семеновичу Вовси, главному врачу-терапевту Советской Армии и генерал-майору медицинской службы. Он якобы получал директивы от организации «Джойнт»⁴⁶, созданной американской разведкой, «через известного буржуазного националиста Михозэlsa».

⁴⁵ На следующей странице размещена фотокопия одного из стендов созданной Пермским «Мемориалом» выставки «Пятая графа». Выставка объездила весь край, побывала в десятках учреждений, в домах культуры, школах и библиотеках. Эта актуальная экспозиция, вызывавшая искренний отклик сотен людей, рассказывала об истории политических репрессий по национальному признаку.

⁴⁶ «Джойнт» – благотворительная организация, не имевшая никакого отношения к разведывательным ведомствам США. Была создана в 1914 году для оказания помощи евреям, находящимся в нужде или опасности. Во время и после второй мировой войны «Джойнт» взял на себя заботу о евреях, переживших Холокост и находившихся в лагерях для перемещённых лиц. Организация собрала средства на приобретение для Красной Армии 1000 самолетов, 500 танков, отправила в СССР два парохода с вещами, медикаментами и продуктами. С конца войны до 1948 года «Джойнт» высылал продуктовые и вещевые посылки религиозным общинам и частным лицам в СССР.

Новую волну репрессий назовут «Делом врачей». Как всегда, в центре пропагандистской истерии – образ врага, поднявшего руку на великие завоевания революции. Теория заговора в действии. И тут очень кстати – образ еврея, наемника зарубежной разведки, террориста, шпиона, предателя. И все это – атмосфера страха, всеобщей подозрительности – ради одного: дать импульс к новой мобилизации народа.

Историк Анна Кимерлинг исследовала, как продвигалось «Дело врачей» на Урале. В частности, в Пермской области⁴⁷. Эта интересная, по-своему необычная работа, показывает, как в очередной «цикл» репрессий, сдобренный сильной дозой антисемитизма, вовлекался так называемый простой народ, как раскручивалась атмосфера подозрительности и ненависти.

Что уж скрывать: умел сталинский режим использовать грязные инстинкты, которые до поры до времени скрываются во многих человеческих душах...

В статье Анны Кимерлинг мое внимание привлекла маленькая, но существенная ремарка. Она пишет: «Обычная политическая кампания сталинской эпохи развивалась по стандартному сценарию: 1) арест первой группы врагов; 2) передовая статья в центральной прессе; 3) повсеместные митинги и собрания в поддержку властей; 4) дальнейшая пропагандистская кампания в столичной и местной печати; 5) инициатива масс в виде писем и жалоб; 6) поиск врагов на собственной территории; 7) партийные, профсоюзные и комсомольские собрания; 8) массовые исключения из партии, увольнения, аресты».

«Дело врачей», как считает автор статьи, успело дойти до шестого пункта программы. Спорное, на мой взгляд, утверждение. Я ведь тогда уже жил, слышал разговоры взрослых. На кухнях рассказывали о погромных собраниях, где в открытую клеймили врачей-евреев. Говорили об увольнениях и арестах. В стране возникла атмосфера страха перед врачами (и не только евреями) – мало ли чего подсунут под видом лекарств.

⁴⁷ А.С. Кимерлинг, «Дело врачей» на Урале.
<http://kniga.pmem.ru/13-18-delo-vrachej-na-urale.htm>

Настоящий психоз! Он долго еще не проходил, и некому было его лечить. Уже умер Сталин, уже выпустили из тюрем «подлых шпионов и убийц», уже полностью их оправдали, уже опубликовали официальные сообщения, что «дело врачей» было полностью сфальсифицировано.

А в редакции газет все еще шли письма читателей, разоблачающих новых и новых врагов, требующих расправы над ними. И возмущенных тем, что кампанию закончили слишком рано. Не добились, не доразоблачили...

Шило в заднице

Я спросил у одного мудрого еврея: почему же немалое число наших предков служили Сталину и созданному им политическому режиму? Почему и до сих пор, после всех ударов судьбы, появляются всякие выскочки, пропагандисты, обслуживающие новую власть?

Старый еврей махнул рукой:

– У евреев шило в заднице, вот почему.

Исчерпывающий ответ, ничего не скажешь.

Хочу рассказать об одном таком. Нет, не о чудовище, которых немало породило то время, а о вполне среднем, мало кому известном человеке. Биография его уложилась где-то между послевоенными десятилетиями и нашими двухтысячными.

...В начале 1953 года Яков Михайлович Лернер занимал какую-то должность в профкоме Ленинградского технологического института. На пиджаке его всегда красовалось несколько орденовских планок. Он охотно рассказывал о своих военных приключениях: как прокладывал Дорогу жизни по Ладожскому озеру во время блокады Ленинграда, как вылавливал немецких диверсантов. Таким его запомнил известный поэт Евгений Рейн, учившийся в том же институте.

В 1964 году поэт Евгений Рейн работал инженером-механиком на заводе «Вперёд». Однажды его вызвали в

отдел кадров. Рядом с заведующим отдела сидел Лернер. Евгению задавали какие-то туманные вопросы. О настроениях, о встречах с иностранцами, о всяких нехороших отношениях. Поспрашивали и отпустили. Евгений так ничего и не понял.

Почему, зачем – стало понятно только потом. Оказывается, Лернер задумал стать инициатором некоей идеологической кампании. За три года до того вышел знаменитый указ о борьбе с тунеядством⁴⁸. Идея заключалась в том, чтобы найти заведомого тунеядца и провести над ним показательный суд. Хорошенько провести, с шумом, с гневом общественности. Наказать паразита, ну и самому засветиться. Видимо, Евгений Рейн на роль жертвы не потянул: инженер-механик, работает на заводе, зарплата 110 рублей...

И тогда Лернер нашёл Бродского. Того самого поэта Иосифа Бродского, будущего лауреата Нобелевской премии. До всемирной известности ему было еще далеко. Стихи Иосифа были известны лишь узкому кругу ценителей, но уже были среди них поклонники, считавшие его гением. Советские же издательства чужали в нем какое-то неясное бунтарство, а потому на всякий случай «тормозили» его публикации. Чтобы что-то заработать, молодому поэту приходилось перебиваться переводами.

Лернер в это время возглавлял в институте «Гипрошахт» народную дружину⁴⁹. В те давние времена Яков

⁴⁸ Так в народе называли вышедший 4 мая 1961 года указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении борьбы с лицами (бездельниками, тунеядцами, паразитами), уклоняющимися от общественно-полезного труда...» При этом под «общественно полезным трудом» понимался лишь труд на государственном предприятии или в учреждении. Самодельный труд разрешался только в свободное от «общественно полезного труда» время, иначе он приравнивался к тунеядству.

⁴⁹ Добровольная народная дружина (ДНД) – в советские годы это добровольная организация, оказывающая помощь правоохранительным органам в охране общественного порядка. ДНД создавались при предприятиях, домоуправлениях, в селах и т.д..

Михайлович, конечно, не имел представления о пиар-технологиях. Но инстинкт вел его в нужном направлении. Он начал с того, что организовал прессу. 29 ноября 1963 года в газете «Вечерний Ленинград» вышел фельетон под заголовком «Окололитературный трутень» сразу за тремя подписями – А. Ионин, Я. Лернер, М.Медведев. Трутнем в фельетоне назвали Иосифа Бродского, «молодого бездельника, севшего на шею трудового народа». Через некоторое время (8 января 1964 года) в той же газете появилась подборка возмущенных откликов читателей, требовавших наказания презренному нахлебнику. Заголовок был соответствующий - «Тунеядцам не место в нашем городе».

Теперь можно было приступать к делу. Однажды общественность в лице дружинников Лернера задержала тунеядца Иосифа Бродского. Начался суд над поэтом. Несмотря на запрет судьи, весь ход процесса запротоколировала журналистка Фрида Вигдорова. Эта удивительная запись обошла весь мир. Приведу характерный отрывок из стенограммы⁵⁰:

Судья: (Бродскому): У вас есть постоянная работа?

Бродский: Я думал, что это постоянная работа.

Судья: Отвечайте точно!

Бродский: Я писал стихи. Я думал, что они будут напечатаны. Я полагаю...

Судья: Нас не интересует «я полагаю». Отвечайте, почему вы не работали?

Бродский: Я работал. Я писал стихи.

Судья: Нас это не интересует. Нас интересует, с каким учреждением вы были связаны.

Судья: А вообще, какая ваша специальность?

Бродский: Поэт. Поэт-переводчик.

Судья: А кто это признал, что вы поэт? Кто причислил вас к поэтам?

Бродский: Никто. (Без вызова). А кто причислил меня к роду человеческому?

⁵⁰ Полный текст стенограммы читайте: <http://polit.ru/article/2004/03/14/brodsky1/>

Судья: А вы учились этому?

Бродский: Чему?

Судья: Чтобы быть поэтом? Не пытались кончить вуз, где готовят... где учат...

Бродский: Я не думал, что это дается образованием.

Судья: А чем же?

Бродский: Я думаю, это... (растерянно)... от Бога...

Постановлением народного суда Дзержинского района гор. Ленинграда от 13 марта 1964 года Иосиф Бродский за тунеядство был выслан из Ленинграда сроком на пять лет. Не помогли даже ходатайства известных членов Союза писателей СССР.

В 1972-м, в июне, Бродский уехал в США. «А через пару месяцев, – рассказывает Евгений Рейн⁵¹, – нашу компанию потрясла невероятная новость – Лернера судят. Да-да, судят в народном суде, что на улице Толмачёва в Ленинграде. Судят за многочисленные аферы, воровство, жульничество, самозванство и всё в этом роде.

Я, конечно, пошёл на суд. Лернер сидел на скамье подсудимых. Выяснились невероятные вещи. Он вообще никогда не служил в армии. Часть военного времени провёл в Самарканде, где был завхозом госпиталя. И уже тогда обвинялся в хищении сотен комплектов постельного и личного белья. Лернер и наград никаких никогда не получал. Все его ордена и медали – фальшивки. Он где-то раздобыл чистые наградные листы и попросту заполнял их на своё имя.

Он получил срок, кажется, 6 лет. Напрасно он говорил, что все обвинения, которые ему предъявляют, ничего не значат в сравнении с пользой, которую он приносил государству, участвуя в идеологической борьбе с диссидентством. К этой части его деятельности суд оказался глух, и Яков Михайлович, наконец, сел».

Что-то знакомое чудится мне в Лернере. Может быть,

⁵¹ Евгений Рейн «Тот самый Лернер» <http://davidaidelman.livejournal.com/1074296.html>

не таких законченных подлецов, но евреев с «шилом в заднице» мне встречать приходилось. Тщеславных, суетливых, жаждающих во что бы то ни стало выделиться, подобраться поближе к власти...

Какой бы народ их не породил, они презираемы порядочными людьми, а своими соплеменниками особенно. Но им наплевать – заняты, страстно увлечены погоней за счастьем, каким они его понимают. И в этой погоне раскрывают все свои недюжинные «таланты». Хитрость, приспособленчество, умение выуживать из воздуха времени любую выгоду. Если понадобится, можно и украсть. Если понадобится, - организовать аферу. Или идеологическую кампанию чуть ли не государственного масштаба.

В них как бы заложена отрицательная генетическая память. Как и их предшественники, «идейные» борцы против врагов народа, они легко нащупывают изнанку любой политической системы. И ловко используют её. А если систему отличают закрытость, если она лишь имитирует демократию, если процветают всеобщая озлобленность, доносы, страх перед КГБ-ФСБ, то будьте уверены, Лернеры уже при деле. Всегда на посту. В любые времена.

Верните евреев

Последняя поездка в Одессу. Впечатление грустное. Нет того блеска, что был раньше. Впрочем, готов согласиться: я неправ, «повернут» мозгами в прошлое, а потому необъективен. Что там говорить, этот город я люблю с детства, в нем столько моих уголков, моих воспоминаний... А потому необъективен вдвойне. Но что увидел, то увидел – обычный город, каких много. Он как-то поскучнел, стал житейским, обыденным.

Одно только утешает. Слава столицы юмора по-прежнему жива. Миф пережил реальность. Хотя одесситы стараются. Проводят знаменитые юморины, но, говорят, это уже

не тот юмор. Разъехались по свету известные в недавнем прошлом музыканты, писатели, художники, где-то вдалеке ищут счастья члены прославленной на весь СССР команды КВН, знаменитые «Одесские джентльмены». И вообще сегодня евреи не заметны, их осталось около 30 тысяч, всего три процента населения Одессы. А ведь ни для кого не секрет – именно они создавали неповторимый колорит этого города...

Михаил Жванецкий как-то сказал: «одесситы бывают рассеянными и сосредоточенными». Рассеянные - они рассеяны по всему свету, а сосредоточенные - сосредоточены только в Одессе. Евреев Одессе сегодня остро не хватает. Не хватает их талантов, улыбки, языка, красок, колорита, тембра, музыки. Нет, они звучат, их слышат, но другие люди и в других странах.

То же самое происходит в России. По переписи 1989 года здесь проживали более 550 тысяч евреев, по переписи 2010 года – около 157 тысяч. Еврей скоро станет полезным, но редким ископаемым. По этому поводу поэт Евгений Евтушенко обратился к властям:

Верните евреев!

К властям: «Проявите усилье,
Немедля, как можно скорее,
Верните евреев в Россию,
Верните России евреев!

Зовите, покуда не поздно,
На русском ли, иль на иврите.
Верните нам «жидо-масонов»
И всех «сионистов» верните.

Пусть даже они на Гаити
И сделались черными кожей.
«Космополитов» верните,
«Врачей-отравителей» тоже...

Верните ученых, поэтов,
Артистов, кудесников смеха.
И всем объясните при этом –
Отныне они не помеха.
Напротив, нам больше и не с кем
Россию тащить из болота.
Что им, с головой их еврейской,
На всех у нас хватит работы.

Когда же Россия воспрянет
С их помощью, станет всеильной,
Тогда сможем мы, как и ране,
Спасать от евреев Россию».
2011 г.

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ. СПОСОБНЫ ЛИ МЫ ОТКРЫТО ГОВОРИТЬ О НЕМ?

Миллионы людей были вынуждены выживать в условиях нацистской оккупации. Если не находили сил бороться, то хотя бы старались остаться в стороне, не сотрудничать с немцами. Но были и такие, что выбрали другой путь. Вынужденно или по собственной воле. Эти, которые по собственной воле, хлебом и солью встречали оккупантов. Надеялись на Гитлера-освободителя, на то, что он даст им расправить плечи.

Термин коллаборационизм⁵² – французского происхождения. Его, как ни странно, породила свободолюбивая Франция, потерпевшая бесславное поражение в начавшейся войне. В 1940 году ее северную часть оккупировали фашистские войска. Южная Франция во главе с маршалом Петеном объявила о своем нейтралитете. На самом же деле активно сотрудничала с гитлеровцами, приняла расовые законы, на основании которых депортировала в лагерь смерти более 76 тысяч евреев и представителей других национальностей.

Признаюсь, тема коллаборационизма дается мне невероятно тяжело. К пониманию этого явления целые народы (что уж там отдельный человек...) только еще подходят, только еще осмеливаются подходить. В судьбах миллионов людей, оказавшихся в условиях немецкой оккупации,

⁵² Коллаборационизм (фр. collaboration – сотрудничество): осознанное, добровольное и умышленное сотрудничество с врагом в его интересах и в ущерб своему государству. В уголовном законодательстве подавляющего большинства стран мира факт коллаборационизма квалифицируется как государственная измена. Первоначально означал сотрудничество граждан Франции (к которому призвал нацию глава режима Виши маршал Петен в 1940 году) с немецкими властями в периеод оккупации Франции в ходе Второй мировой войны.

столько спорных, теневых, а иногда и постыдных страниц, что, ознакомившись с ними, человек отстраняется в испуге. Это правда?! – в ужасе восклицает он. И многие отвечают себе: не нужна мне эта правда. Не хочу знать!

Обычно все начинается с одного человека, одержимого мыслью, что больше не может молчать. В Польше таким человеком стал политолог Ян Томаш Гросс. В 2000 году он опубликовал книгу «Соседи»⁵³. В ней рассказывается о кровавом еврейском погроме, происшедшем в июле 1941 года в деревне Едвабне еще до того, как туда пришли немцы. До последних лет считалось, что массовый расстрел там организовали фашисты. Ян Томаш Гросс представил документы, доказывающие то, что власти скрывали многие десятилетия: основную массу погромщиков составляли поляки. Разъяренная толпа тогда загнала около 600 евреев в овин и сожгла их. Без участия немцев и даже без их приказа.

Публикация вызвала в Польше настоящий шок. Яростные дискуссии раскололи общество. Многие призывали не ворошить прошлое, пугали тем, что пересмотр итогов войны может разрушить национальное единство. Другая часть, которую представляла продвинутая интеллигенция, известные политические деятели, писатели, журналисты, потребовала открыть засекреченные документы периода оккупации; правда должна стать достоянием всех поляков. Специальная правительственная комиссия, созданная после выхода книги Гросса, установила, что в годы войны поляки совершили преступления против своих соседей-евреев как минимум в 24 районах страны.

«Действительно ли в годы войны поляки вместе с немцами убивали евреев? Большой абсурд трудно себе представить, – пишет известный польский публицист Адам

⁵³ Ян Томаш Гросс. «Соседи. История уничтожения еврейского местечка» http://www.e-reading.by/bookreader.php/1031291/Gross_-_Sosedi_Istoriya_unichtozheniya_evreyskogo_mestechka.html

Михник⁵⁴. – Нет ни одной польской семьи, которую бы не покалечили гитлеровский нацизм и советский коммунизм. Эти две тоталитарные диктатуры поглотили три миллиона поляков и еще три миллиона польских граждан, причисленных гитлеровцами к евреям. Польша первой сказала категорическое «нет» гитлеровским требованиям и первой предприняла вооруженное сопротивление гитлеровской агрессии. Ни одно воинское подразделение под польским флагом не сражалось на стороне Третьего рейха. Подвергнутые нападению двух тоталитарных диктатур в результате пакта Молотова – Риббентропа, поляки сражались до последнего дня в армиях антигитлеровской коалиции.

... Благодаря случаю – [я] поляк с еврейскими корнями. Почти всю мою семью поглотил Холокост, мои близкие могли погибнуть в Едвабне. ... Своей вины перед теми погибшими не чувствую – чувствую ответственность. Не за то, что их убили, — этого предотвратить я не мог. А за то, что после смерти их убили второй раз, — по-человечески не похоронили, не оплакали, не раскрыли правду об этом позорном преступлении, но разрешили десятилетиями обманывать. И это уже моя вина».

Поляки многие годы жили в убеждении, что они страна-жертва. Гордая, мужественная, но жертва. 1 сентября 1939 года⁵⁵ Польша первой приняла на себя удар фашистской Германии. 17 сентября с востока началось наступление советских войск. Их действия координировались в соответствии с заключенным за неделю до этих событий секретным протоколом советско-германского соглашения о

⁵⁴ Адам Михник. «По наказу совести» http://www.e-reading.by/chapter.php/1031291/1/Gross_-_Sosed_i_Istoriya_unichtozheniya_evreyskogo_mestechka.html

⁵⁵ 1 сентября 1939 года считается днем начала Второй мировой войны.

ненападении⁵⁶. К концу сентября Польши как государства не стало. Несмотря на военное поражение, поляки продолжили борьбу, организуя акции сопротивления. Они понесли огромные человеческие потери в партизанской войне, во время Варшавского восстания.

И вот через 60 лет появляется книга, которая рушит все. Жертва, оказывается, и сама могла превращаться в палача.

Александр Квасьневский, тогдашний президент Польши, заявил на мемориальной церемонии 2001 года в Едвабне: есть вещи, которыми мы как народ гордимся, но есть и другие, за которые нам должно быть стыдно. Необходимо не отрицать очевидное, а разбираться, изучать, не замалчивать, а обсуждать.

Казалось бы, официальное извинение произнесено, факт преступления признан. Но как часто бывает, родовая травма памяти оказалась незалеченной. Общественный раскол вокруг «проблемы Едвабне» тлел, не затухая, все последние годы. И, наконец, взорвался новым яростным конфликтом после выхода в 2012 году фильма Владислава Пасиковского «Pokłosie» (*Стерня, Aftermath*). Фильм продолжил поднятую Я.Т. Гроссом тему вины поляков в массовых убийствах евреев.

На волне противостояния к власти в Польше пришла партия «Закон и Справедливость» во главе с Ярославом Качиньским, братом предыдущего президента, погибшего в авиакатастрофе под Смоленском. Партия объявила о развороте в сторону национал-патриотизма, основным лозунгом которого стал слоган «За польскую Польшу». Новая

⁵⁶ Этот протокол, закрепивший раздел Польши между двумя тоталитарными державами, широко известен как пакт Молотова – Риббентропа. Подробнее можно прочитать – <http://fb.ru/article/212546/vtoraya-mirovaya-voyna-sentyabrya-g---sentyabrya-g-napadenie-germanii-na-polshu-sentyabrya-goda>

власть начала с усиления давления на свободные СМИ, что вызвало массовые протесты и демонстрации⁵⁷.

Подлили масла в огонь и новые выступления профессора Гросса. Мне, постороннему, они кажутся чрезмерно радикальными⁵⁸. Еще более радикальной была ответная реакция национал-патриотов. В прессе началась форменная травля Гросса. Одна из районных прокуратур Варшавы возбудила против него уголовное дело, ему грозило до трех лет тюрьмы.

Слава Богу, опомнились и дело замяли.

Жертва преследует жертву?

У каждой из стран Прибалтики тоже немало оснований, чтобы ощущать себя жертвой. Советская оккупация, начавшаяся в июне 1940 года, сопровождалась массовыми арестами и расстрелами. 21 июня 1941 года, буквально за день до прихода немецких частей, НКВД⁵⁹ завершило операцию по выселению «неблагонадежного и контрреволюционного элемента». Всего в районы Сибири, Казахстана и Урала было депортировано 43,5 тысячи литовцев, латышей и эстонцев. Эта жестокая и бессмысленная расправа вызвала ответную реакцию местных националистов. За преступления сталинских палачей пришлось отвечать евреям.

Первые погромы, грабежи и убийства евреев, а также поджоги синагог произошли еще до того, как на этих территориях установился оккупационный режим.

Наиболее чудовищные масштабы расправа над евре-

⁵⁷ Подробнее о ситуации в стране – в статье «Польский разворот» <http://www.svoboda.org/a/27478110.html>

⁵⁸ Попробуйте свои способности в чтении на польском языке: <http://www.tvp.info/22194743/polacy-zabili-wiecej-zydow-niz-niemcow-jest-sledztwo-w-sprawie-slow-jana-t-grossa>

⁵⁹ Народный комиссариат внутренних дел СССР (1934 – 1946 гг.). С названием этой организации мы связываем массовые преследования советских граждан в годы политических репрессий, операции по депортации многих народов СССР в предвоенные и военные годы.

ями приняла в Литве. Немцы оккупировали эту страну уже в первую неделю войны, поэтому бежать никто не успел. За время оккупации было уничтожено только на территории Литвы не менее 215-222 тыс. человек. Эти потери в процентном отношении составляют 95-96% от довоенного еврейского населения и являются самыми высокими среди всех оккупированных республик бывшего СССР, а также наибольшими среди еврейских общин всех европейских государств...

Немцы старались, чтобы всю «черновую работу» по уничтожению «низших рас» и большевиков делали сами литовцы, эстонцы, латыши «без участия немецкой стороны»⁶⁰.

Литва – пример дикой вспышки нацизма. Были случаи, когда сами фашисты останавливали литовцев во время карательных акций, поражаясь тому, с какой жестокостью они уничтожают своих соотечественников. Почему так случилось? Что было настоящей причиной того, что люди потеряв человеческий облик, охотились на соседей, недавних друзей?

Как и в Польше, эти события на многие десятилетия выпали из национальной памяти. О них разве что напоминали гости из Израиля, уцелевшие потомки жертв литовского Холокоста. Они приезжали, чтобы помянуть своих родных, поклониться их праху. Но чужая беда так и оставалась чужой, она никого не задевала, проходила мимо сознания...

Как и в Польше, разговор о национальной вине начал одиночка – известный драматург и театральный режиссер Марюс Ивашквичус. В мае 2016 года он обратился к согражданам, к их совести и чести⁶¹. Он рассказал о своем открытии прошлого, открытии самого себя.

⁶⁰ Подробное описание этих событий можно прочесть в книге Юлии Кантор «Прибалтика: война без правил (1939-1945)». –СПб.: ООО «Журнал «Звезда». 2011. Стр. 122, 123

⁶¹ Марюс Ивашквичус: «Евреи. Проклятие Литвы» 27.05.2016 <http://eajc.org/page279/news54513.html>

«Я из Молетай. Это – городок невероятной красоты с тремя внутренними озёрами и ещё тремя сотнями окрестных; да что тут говорить – все знают Молетай, литовский дачный рай. Во время войны, точнее в один летний день 1941 года здесь были расстреляны две тысячи евреев. Иначе говоря, восемьдесят процентов населения. Более чем две трети жителей местечка исчезли за несколько часов и были зарыты в общей яме. Руководили убийством немецкие нацисты. Стреляли местные литовцы. Таковы сухие факты и цифры.

Сейчас место казни – на окраине города. В советское время там был устроен скверик с мемориальной доской, а совсем рядом, то есть, буквально тут же, а может быть, прямо на краю огромной могилы расположилась районная строительная организация. Так что две тысячи наших земляков оказались у неё на задворках, среди нагромождения строительной техники, кирпичей, блоков, зажаты бараками, складами и бытовками, – словом, так искусно упрятаны, что я, рождённый и выросший в Молетай, ни разу на то место не попал и даже не знал о нём. Всё это существует и сегодня, только теперь это скорее свалка ржавой техники и строительного мусора, да и сам сквер выглядит жалко, если не сказать плачевно. Это зона застывшего, мумифицированного советского времени, кладбище растрескавшихся бетонных плит, сквозь которые пробивается трава».

Марюс Ивашкявичус призвал «всех, кто может и хочет» прийти на Марш памяти в Молетай и пройти смертный путь двух тысяч евреев вместе с их потомками в 75-ю годовщину трагедии, 29 августа 2016 года. По его призыву в далекий литовский город приехали гости из разных стран и городов, литовские политики, включая первого президента страны Витаутаса Ландсбергиса. В шествии участвовало более тысячи человек, развевались флаги Литвы, Израиля,

Польши, люди несли портреты погибших родственников⁶². Перед шествием память жертв почтили президент Литвы Даля Грибаускайте и посол Израиля Амир Маймон. Глава государства сказала, что у литовцев открываются глаза на Холокост, и это помогает развивать дружественные связи с Израилем.

И все-таки непросто дался этот марш. Призывы Ивашквичуса прозвучали на весь мир, но, по-моему, не нашли массового отклика в своей стране. Будем считать, что это только начало общественной дискуссии, всего лишь первый шаг к национальной рефлексии. А пока на фоне поддержки интеллигенции, чувствовалось глухое сопротивление национально настроенных обывателей. Чего он завелся с этими евреями, что за муха его укусила? Может быть, он сам еврей? – возмущенно вопрошали они, обращаясь к друзьям и близким Марюса. Именно им он ответил 24 августа, накануне марша⁶³: «Я не еврей, но меня трясет, когда и сейчас слышу от кого-нибудь: «людей так просто не убивают, видно, было за что». Было. Было выдуманно, почему они должны умирать, запущена мощная пропагандистская машина, вопящая, что евреи – не люди. Они – клещи, вши, сосущие нашу кровь. И они были уничтожены, руками своих соседей».

Может, лучше забыть?

В СССР вместо термина «коллорационист» использовали другие, более понятные слова – «изменник», «предатель», «пособник». Как часто бывает, смысл «иностран-

⁶² О том, как прошел Марш памяти в городке Молетай, читай те: «Масштабная акция памяти жертв Холокоста в Литве. Немцы не стреляли, стреляли только литовцы» http://rus.tvnet.lv/novosti/za_rubjezhom/336803-masshtabnaja_akcija_pamjati_zhertv_holokosta_v_litvje_njemci_nje_strieljali_strieljali_tolko_litovci

⁶³ Марюс Ивашквичус «Я – не еврей» <http://ru.delfi.lt/opinions/comments/m-ivashkyavichyus-ya-ne-evrej.d?id=72118878>

ного» термина можно толковать несколько шире, чем наши жесткие, а может, и жестокие, определения.

Но, в конце концов, дело не в терминах. Цифры и факты, которые я хочу сообщить, вызывают у людей самые разные реакции – особенно болезненные у тех, кто сталкивается с ними впервые. Мне не без оснований кажется, что сегодня таких, которые «впервые», большинство. Но вынужден напомнить: эти сведения давно уже не новость, они обсуждаются в научной среде, известны историкам. Можно только сожалеть о том, сколь велик сегодня информационный разрыв между учеными и так называемыми простыми людьми. Получается, наука сама по себе, общество само по себе. На этом-то разрыве и спекулируют все, кому не лень...

Итак, о главном. В войсках вермахта воевали десятки формирований, представлявших практически все республики СССР. Доктор исторических наук, профессор Новгородского университета Борис Ковалев в интервью⁶⁴ «Комсомольской правде» утверждает, что «по немецким данным, в различных коллаборационистских службах на 1943 год на оккупированной территории Советского Союза... было занято до 800 тыс. человек».

Самым многочисленным из формирований, вошедших в состав вермахта, была Русская освободительная армия (РОА) генерал-лейтенанта Андрея Власова.

История пленения в 1942 году, а затем и предательства командующего Второй ударной армии генерала Власова описана в нашей (и зарубежной) периодике более чем обильно, с разных углов зрения. Некоторые и вовсе не считают его предателем, а скорее идейным борцом против сталинизма... Есть даже версия, что Власов был советским разведчиком, что якобы пленение, а потом создание РОА – это операция НКВД по его внедрению в вермахт.

⁶⁴ Галина Сапожникова. Предатели по выбору и без. <http://www.kem.kp.ru/daily/24557/732431/>

Этот генерал – еще недавно любимчик Сталина – сумел привлечь в возглавляемую им Русскую освободительную армию (РОА) более 120 тысяч русских солдат и офицеров. К концу 1944 года в состав армии входили три дивизии, военно-воздушные силы численностью 5 тысяч человек. Затем к РОА присоединились⁶⁵ Русский Корпус генерал-майора Б. А. Штейфона (4,5 тыс. человек); Казачий Стан генерал-майора Т. И. Доманова (8 тыс. человек); 15-й казачий кавалерийский корпус генерал-лейтенанта Г. фон Паннвица (более 40 тыс. человек); казачий резервный полк генерала А. Г. Шкуро (более 10 тыс. человек).

Гитлер не доверял Власову. Он использовал русского генерала и его сторонников скорее в пропагандистских целях, чем для участия в боевых действиях. И лишь с объявлением тотальной войны⁶⁶, когда дала знать о себе острая нехватка резервов, отношение к РОА стало меняться. Тем не менее, до конца мировой войны власовцы приняли участие лишь в нескольких второстепенных операциях. Исключение составляют, пожалуй, бои на Одере в феврале 1945 года, когда несколько подразделений РОА пытались остановить наступление Красной Армии на Берлин.

Последним «аккордом» в истории власовской армии стала операция по освобождению Праги в начале мая 1945 года. РОА, нарушив приказ гитлеровского командования, покинула предписанные ей позиции и двинулась на помощь восставшим жителям столицы Чехословакии. 7 мая войска 1-й дивизии, преодолевая сопротивление немецкого гарнизона, вошли в Прагу и спасли ее от разрушения. Местные жители встречали освободителей с цветами. Но уже в

⁶⁵ <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/31848#.D0.A1.D0.BE.D1.81.D1.82.D0.B0.D0.B2>

⁶⁶ После поражения гитлеровских войск под Сталинградом, в феврале 1943 года рейхсминистр пропаганды Германии Геббельс объявил о начале тотальной войны, в которой должны принимать участие все трудоспособные немцы.

ночь на 8 мая власовцы стали спешно покидать Прагу. С юго-востока на город стремительно надвигались танковые армии первого Украинского фронта. Власовцы рассчитывали на благодарность руководителей пражского восстания, попытались заручиться их поддержкой. Но получили отказ. Спасенный ими город был передан Красной армии.

Не успевших сбежать власовцев расстреляли. Остальные сдались войскам США, но были переданы советским властям. А те с ними особо не нянчились. Типовой приговор – расстрел или 25 лет тюремного заключения. Попал в плен и генерал Власов. В августе 1946 года командующий РОА и 9 его генералов были казнены.

Странная, трагическая судьба... Тысячи русских людей канули в прошлое, погибли с клеймом предателя. Прокляты и забыты.

КАК МЫ ЖИЛИ КАК БЛИЗНЕЦЫ-БРАТЬЯ

Родители говорили мне, что до войны все жили дружно, помогали друг другу, и не имело значения, какой ты национальности. Этот образ отпечатался в памяти великого множества людей старшего поколения. О дружбе народов вспоминали даже в воюющей Чечне, в наши уже, нулевые годы. Я проходил там двухнедельную правозащитную стажировку. Ходить по улицам разрушенного Грозного не рекомендовалось. На ночлег нас приняла пожилая пара, приняла чрезвычайно осторожно. Мы приехали поздно, в полной темноте, таясь от соседей. Всю ночь проговорили с гостеприимными хозяевами дома об ужасах чеченской войны. Дошло до того, говорили они, что здесь убивают уже не за конкретную вину, а только за то, что ты русский или чеченец. «В тридцатые годы мы жили в мире и согласии. Куда все это девалось?» - спрашивали хозяева.

Многие идеологические мифы прошлого за последние годы обветшали, отпали сами собой. Но не советский интернационализм. Этот миф жив и по-прежнему вызывает искренний отклик у многих людей, не углубляющихся в загогулки истории.

Смотрите, как красиво звучит эта тема в Большой советской энциклопедии⁶⁷:

«С возникновением Советского Союза отношения входящих в него наций и народов строятся на основе принципов интернационализма, который в результате ликвидации⁶⁸

⁶⁷ Большая советская энциклопедия издавалась с 1926 по 1990 год. За этот период вышло более 100 томов. Вопросу о советском интернационализме в БСЭ посвящен специальный раздел – <http://allencyclopedia.ru/29253>

⁶⁸ Попутное замечание: слово «ликвидация» прозвучало как бы мельком, как говорят о чем-то обычном, не значащем. А ведь за ним – тысячи жертв, сломанных судеб, крушение общественной нравственности и культуры.

эксплуататорских классов стал социалистическим. Социалистический И. – это новый тип межнациональных отношений, складывающийся и развивающийся на основе дружбы, равноправия, взаимоуважения, всестороннего братского сотрудничества, политической, экономической, военной и культурной взаимопомощи наций и народностей, ставших на путь социализма.

Социалистический И. обеспечивает условия для реализации преимуществ социализма всеми народами, способствуя их расцвету и сближению».

Не чтение, а сладкая конфетка.

Но реальность...

Первое поколение революционеров-ленинцев, осуществляя пролетарский террор против врагов новой власти, исповедовало классовый принцип. То есть поводом для обвинения становилось не столько конкретное преступление, совершенное гражданином, сколько всего лишь ваша принадлежность к так называемым эксплуататорским классам – капиталистам, кулакам, частным собственникам, церковникам и т.д. Национальный признак, ваша принадлежность к какой-либо этнической группе пока как бы не брались в расчет – ведь для интернационалистов все равны, все люди братья.

Однако по мере приближения к «полной» победе социализма прорезывается некая развилка.

Со всех трибун, со страниц газет и учебников продолжают греметь славословия великой дружбе народов СССР. И ведь все это было – чувство единства, устремленность в будущее, романтика великих свершений. «Здравствуй, страна героев, страна мечтателей, страна ученых!»⁶⁹ - пели наши деды. Но всё более явно возникает и другая сторона, скрытая от посторонних глаз, подобная «подземному» течению – преследования по национальному признаку. Масштабы этих преследований до сих пор неведомы россиянам. И мы (по незнанию или по глупости) продолжаем вздыхать о прошлом: раньше жили как близнецы-братья, а теперь...

⁶⁹ Слова из песни Исаака Дунаевского «Марш энтузиастов», прозвучавшего в довоенном популярном кинофильме «Светлый путь».

Попутное замечание. Классовый подход теоретически обосновывали классики марксизма-ленинизма, а затем сотни их идейных последователей. Ими написаны горы книг и пособий, утверждавших «всепобеждающую» теорию в жизнь, в практику, в идеологию, образование, искусство, литературу и науку. О параллельном течении, о государственном советском национализме (а если точнее, – нацизме) не написано ни строчки. Молчание. Никакого идеологического обоснования. Только практика. Вся идеология – в сверхсекретных приказах НКВД о проведении очередных операций...

Только за период с марта 1936 по сентябрь 1938 годов было принято 5 постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) о развертывании репрессий по национальному признаку; издано 11 директив и приказов НКВД о проведении национальных операций (так они и назывались в документах НКВД).

Каждая из этих директив начиналась с перечисления причин, которые якобы дают основание применить к провинившемуся народу суровую кару – массовые депортации, тюремные сроки, ссылки и т.п. В основе всего лежал принцип коллективной ответственности. За проступки отдельных людей (или групп) должен ответить весь народ. Весь народ (этническую группу) объявляли врагом, весь народ приговаривали к жесточайшему наказанию за шпионаж в пользу зарубежных разведок или за сотрудничество с фашистами.

В довоенный период самой крупной и, без преувеличений, самой свирепой из «национальных» стала «польская операция» (Оперативный приказ НКВД СССР № 00485 «О ликвидации польских диверсионно-шпионских групп и организаций ПОВ» от 11.08.37.). По этому приказу было осуждено 103 489 человек, в том числе приговорено к расстрелу 84 471 человек. По другим данным, осуждено 139 835 человек, приговорено к расстрелу 111 091 человек.

Приведем еще некоторые цифры, демонстрирующие бесконечный произвол, в условиях которого жили (и погибали) тысячи граждан страны. Основными «инструментами»

подавления малых народов и этнических групп были массовые выселки из пограничных районов страны и депортации так называемых провинившихся народов.

В конце 30-х годов были высланы из пограничных районов финны (ок. 30 тысяч человек), этнические корейцы (172 тыс.), осуждено 9 735 эстонцев, в том числе приговорено к расстрелу 7998 человек. Из трех прибалтийских республик депортированы 43,5 тысячи человек.

С августа по январь 1941 года в соответствии с указом ПВС «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» депортировано в районы Урала, Сибири, Казахстана 1 млн 031 тысяча немцев Поволжья.

В феврале 1944 г. в соответствии с приказом НКВД были депортированы 387 229 чеченцев и 91 250 ингушей.

В мае 1944 г. из Крыма депортированы 191 014 крымских татар.

В послевоенные 1948-1949 годы в странах Прибалтики были проведены печально знаменитые операции «Весна» (из Литвы депортировано около 50 тысяч человек) и «Прибой» (в общей сложности по трем странам – 94 779 человек).

В той или иной мере, депортациям подверглось более 20 этнических, этноконфессиональных и социальных категорий советских граждан: казаки, «кулаки» самых разных национальностей, поляки, азербайджанцы, курды, китайцы, русские, иранцы, украинцы, молдаване, литовцы, латыши, эстонцы, греки, болгары, армяне, кабардинцы, хемшины, армяне-«дашнаки», турки, таджики и др.

А впереди еще была борьба с «безродными космополитами»...

«МЕМОРИАЛ» – ДВИЖЕНИЕ СОВЕСТИ

В середине 1980-х годов группа единомышленников, журналистов и историков, поставила перед собой задачу собрать вместе недавних страдальцев – бывших репрессированных, их родственников, близких. Мы хотели встретиться с ними, чтобы выслушать и понять, чем живёт это вычеркнутое из истории поколение. Однако выяснилось, что далеко не каждый из них готов не то что рассказывать, но даже думать о прошлом. Ужас пережитого, боль потерь, а самое главное – подсознательный страх от одной только мысли о возможности возврата ГУЛАГа буквально парализовали людей.

В ноябре 1988 года автор этих строк опубликовал в газете «Звезда» под заголовком «Долг памяти» беседу с областным прокурором о том, почему в Пермской области приостановлена реабилитация жертв сталинских репрессий. В послесловии к беседе я напрямую обратился к репрессированным: откликнитесь, расскажите о себе, о том, как все было, как жили все эти годы...

Никогда ещё в своей журналистской биографии я не получал такой огромной почты. Сотни откликов, писем-исповедей, переполненных страданием... Стена молчания была прорвана. Многие из тех писем газета опубликовала под рубрикой «Долг памяти». Был ещё один, совсем не побочный, результат у той ноябрьской публикации: началась переписка активистов тогда ещё только зарождавшегося Пермского общества «Мемориал» с авторами откликов в газету.

12 декабря 1988 года около 250 наших сторонников, большинство из них – бывшие политические заключенные и их дети, собрались в бывшем Доме культуры строителей. С тех пор мы провели многие десятки собраний и конферен-

ций, но то, первое, запомнилось навсегда. Впервые люди осмелились открыто заговорить о пережитых ими страданиях, об ужасах ГУЛАГа. И, главное, о том, что нужно сделать всё возможное и невозможное, чтобы прошлое не повторилось.

Помню рассказ Александры Алексеевны Шардиной, прошедшей после ареста мужа все мыслимые и немыслимые лагеря и тюрьмы. У неё отобрали двух маленьких детей. До самого смертного часа она искала их. И не нашла. Помню рассказ Николая Михайловича Варламова об изощрённых пытках, которые применили следователи, чтобы заставить его признаться в том, к чему он не имел никакого отношения.

На том собрании родилось пермское общество «Мемориал». Его основатели приняли резолюцию, в которой изложили цели и задачи новой организации. В первых же строчках документа говорилось: «Развернуть работу по сохранению и увековечению памяти о жертвах сталинизма...»

1 мая 1989 г. Первая демонстрация «Мемориала»

Через полгода, 1 мая 1989 года, большая колонна «Мемориала» медленно прошла мимо трибун, на которых выстроился весь обком КПСС. Октябрьская площадь встретила нас ошарашенным молчанием. Впервые за многие десятки лет сбился с ритма диктор, выкрикивавший в микрофон здравицы в честь огромных трудовых побед и монолитного единства партии и народа. Впервые на советскую демонстрацию вышли свидетели преступлений, очевидцы, жертвы сталинских репрессий. У каждого в руках – портрет расстрелянного отца, замученных братьев, сестер, матерей. Впереди колонны люди несли лозунг: «Мемориал» – движение совести».

Прошли годы. Коренным образом изменилась жизнь, изменились и мы сами. Но вновь впереди колонны «Мемориала» всё тот же транспарант: «Мемориал» – движение совести».

В самом начале своей работы мы записали свидетельства очевидцев о тайных захоронениях в логу неподалеку от Егошихинского кладбища расстрелянных в тюрьме НКВД №1 (ныне – следственный изолятор в районе Разгуляя) политических заключённых. Именно здесь мемориальцы решили строить памятник всем, кто стал жертвой системы насилия. Памятник создавался на пожертвования тысяч людей. Потребовались большие усилия, чтобы его построить. В условиях экономического кризиса по крохам собирали и оберегали от инфляции народные средства. В 1995 году архитектор Михаил Футлик предложил проект своеобразной колоннады, состоящей из лагерных столбов, опутанных колючей проволокой. Между столбами закреплён колокол Памяти.

30 октября 1996 года, в День памяти жертв политических репрессий памятник был открыт. Рядом с ним на каменной плите выбиты строки из стихотворения поэта-лагерника Анатолия Жигулина:

*О, люди!
Люди с номерами.
Вы были люди – не рабы.
Вы были выше и упрямей
Своей трагической судьбы.*

Памятник жертвам политических репрессий в Перми

Люди старшего поколения не забыли (конечно, те, кто не глушит сознательно или бессознательно свою память), что жизнь в 1930–50-е годы, а впрочем, и в послесталинские 1960–80-е тоже, как бы делилась на две реальности. Ум человеческий не мог этого постичь, не мог соединить их воедино. Одна реальность – парадная, с бесконечными съездами, докладами о достигнутых успехах, со всеобщим насквозь фальшивым «одобрямсом», с пятилетками качества и количества. Другая – теневая, с ночными арестами, бессудными расправами, тяжёлым лагерным бытом. Миллионы людей молчаливой чередой прошли эту теневую реальность. Миллионы погибли.

Нам пришлось осознать, что наша Пермь, город культурных традиций, науки и искусства, была ещё и городом с целой системой насилия. В оперном театре собиралась празднично одетая публика, знатоки спорили о последней премьере, а рядом, буквально через дорогу, в здании областного НКВД творился жестокий произвол, и люди, спешившие в театр, на работу или на свидание, не слышали криков истязаемых в застенках. Очень может быть, что там в это время страдали их родные...

В здании нынешнего Театра кукол располагалась тюрьма НКВД № 2. В помещении нынешней администрации Ленинского района был районный отдел НКВД, в подвале допрашивали и пытали арестованных по 58-й статье. Теперь там столовая⁷⁰.

Практически вся Пермская область была опутана колючей проволокой ГУЛАГа. Тысячи людей гибли от холода и голода, от непосильного труда на лесоповале в Коми-Пермяцком округе, в Чердынском, Соликамском, Усольском районах. На костях политзаключённых в буквальном смысле построены шахты Кизела, Губахи, Гремячинска; Ши-

⁷⁰ После долгой борьбы «Мемориалу» удалось настоять на закрытии этой столовой.

роковская и Камская ГЭС, крупные предприятия и целые районы в Перми, Березниках, Соликамске и других городах.

Всему миру печально известен так называемый «пермский треугольник», в который входили политзоны «Пермь-35», «Пермь-36» и «Пермь-37». Они «прославились» тем, что здесь коммунистический режим в 1970–80-е и вплоть до 1991 года изолировал от мира лучших людей России и республик бывшего СССР. Главное обвинение против них сводилось к одному слову – инакомыслие.

Инакомыслие, естественное для свободного человека стремление к самостоятельной оценке реальности, тоталитарный режим расценивал как преступление гораздо более опасное, чем любое уголовное. Коммунистическая идеология и вчера, и сегодня не терпит никакой конкуренции, она признаёт только свою монополию. Поэтому любой тоталитарный режим, где бы он ни существовал, всегда заканчивался политическими репрессиями, насилием, преследованиями ни в чём не повинных людей.

1991 год. Последние политзаключённые

Вряд ли можно было надеяться, что страна, в течение семи десятилетий жившая в атмосфере рабства, страха, отсутствия гражданских прав, быстро и безболезненно распрощается с тоталитарной, или, как тогда было принято говорить, командно-административной системой. Так оно и случилось, нас и сегодня с огромной силой тянет назад наследство, оставленное прежним режимом.

Многое сделано за прошедшие годы для людей, пострадавших в годы политических репрессий. При содействии общества «Мемориал» практически завершён процесс реабилитации, тысячам пострадавших возвращено доброе имя. В нашей организации создана целая система социальной помощи жертвам репрессий. Набирает силу волонёрское движение – движение молодых добровольцев, оказывающих помощь на дому больным и престарелым людям.

Но одна, огромная по объёму и трудности нравственная задача ещё впереди: вернуть народу историческую память, рассказать молодому поколению неизвестные по сей день трагические страницы биографии страны. Если не расскажем, не поможем молодым выработать духовное противоядие против тоталитарного вируса, всё может вернуться вспять. В России ещё много людей, мечтающих о новом Сталине, убеждённых, что насилие, репрессии – самый верный путь к порядку, к всеобщему счастью.

Так родилась идея мемориального комплекса, состоящего из многих звеньев. Одно из главных – лагерь ГУЛАГа, превращённый в музей. Таким лагерем стала бывшая политзона «Пермь-36», расположенная в Чусовском районе. Мы решили сохранить эти мрачные, брошенные бывшими «хозяевами» бараки как неоспоримое свидетельство коммунистического террора, как историко-культурный памятник большого национального и мирового значения.

Активные восстановительные и реставрационные работы начались в 1994 году. Как всё создавалось, какие трудности позади и какие впереди, – это отдельная тема. На базе строящегося Мемориального музея начали прохо-

дить ежегодные международные научно-практические конференции, успешно работали молодёжные волонтерские лагеря. В них студенты и школьники не только трудились на объектах музея, но и слушали лекции по истории политических репрессий в СССР, участвовали в семинарах и дискуссиях по проблемам прав человека. Многие из них по окончании волонтерских лагерей говорили нам, что уезжают другими людьми, что никогда не забудут увиденное и услышанное здесь.

Мы решили, что в единый Мемориальный комплекс должна войти и Книга памяти жертв политических репрессий – наша общая мечта. Пусть расскажет она молодым поколениям о том, как жили их отцы и деды, пусть будут увековечены святые имена погибших... *(От редакции: к 2018 году Пермский «Мемориал» издал 16 томов Книги памяти «Годы террора», которые содержат мартиролог граждан Прикамья, подвергнутых политическим репрессиям, исследовательские работы историков и журналистов, воспоминания самих репрессированных. А в 2014 году «Мемориал» выпустил электронную Книгу памяти, куда вошли 15 томов бумажного варианта Книги вместе с дополнениями).*

Для чего мы жили и трудились все эти годы? Что скрывать, иногда посещает такая совсем не странная мысль: может, лучше было заняться устройством личной жизни? Тем более, что жить-то всё труднее... А может, промолчать, не вспоминать прошлое? Так ведь спокойнее, никакого риска. Нет и нет. Мы создали наше мемориальское братство, чтобы помогать друг другу, вместе защищать свои права; чтобы вернуть согражданам их действительную, а не придуманную историю. Мёртвые, как и живые, имеют право на память.

«Мемориал» создан, чтобы сохранять память о наших родных и близких, ставших жертвами ужасных преступлений, совершённых от имени народа. Задача «Мемориала» – достучаться до человеческой души, очерстневшей за де-

сятилетия предательств. Чтобы предостеречь, предупредить, объяснить.

Тот, кто знает, какие страдания принесла бесчеловечная политическая система, сделает всё, чтобы такое не повторилось. Те, кто прошёл ГУЛАГ, и их дети, ещё в раннем возрасте получившие ярлык «сын (дочь) врага народа», и потом вынужденные терпеть бесчисленные унижения, безгласие и нищету, острее других видят опасность возврата к прошлому, распознают первые зачатки насилия и произвола. Мы обязаны говорить о них вслух, предупреждать молодое поколение. Только честный и открытый взгляд в прошлое позволит всем россиянам ясно смотреть в будущее.

1998 г.

ПАЛАЧИ И ЖЕРТВЫ

Чекизм: мотивация зла

Прощай, Блюхер!

Мы все ощущаем дефицит правды

Просто люди

ЧЕКИЗМ: МОТИВАЦИЯ ЗЛА

Генрих. Но позвольте! Если глубоко рассмотреть, то я лично ни в чем не виноват. Меня так учили.

Ланцелот. Всех учили. Но зачем ты оказался первым учеником, скотина такая?

Евгений Шварц. «Дракон».

Одна замечательная женщина рассказала мне, что в ее большой семье и молодые и старые почитают деда, расстрелянного в 1938 году. О его жизни детям и внукам рассказывают с малых лет. Везде бы так, во всех бы семьях!

Но... Дело в том, что дед был начальником управления НКВД одной из автономных республик, в ЧК служил еще с 1920-х годов. Он прошел по так называемым сталинским расстрельным спискам, то есть был расстрелян по личному указанию Сталина. За что? Об этом и говорить нечего, уничтожили без суда и следствия, как и тысячи других.

Однако заметим, дедушка не был человеком из тысяч других. Он из стальной когорты людей, которым дали право практически бесконтрольно распоряжаться судьбами людей. Как он себя вел, насколько активно пользовался этим «правом»? Сегодня дать ответ невозможно: сведения о повседневной чекистской деятельности до сих пор засекречены, закрыты для исследователей.

Получается, чист перед людьми и Богом? Но кто же поверит в то, что человек мог остаться безгрешным в волчьей стае... Ведь и был-то он не рядовым в этой стае, возглавлял управление НКВД.

Да, – говорит моя знакомая, – дедушка мог где-то и преступить закон, но он жил в другом времени, по другим правилам. Он, как все его поколение, был идейным. И он выполнял приказ. Иначе было нельзя, и судить его надо по законам того времени. Сколько лет мы еще будем их су-

дить, не хватит ли? Разве мало того, что родной человек погиб, расстрелян?

А мы ведь не судим. Мы думаем. Я сказал своей собеседнице, что не могу навязывать ей свое мнение. В конце концов, это право семьи – почитать своего деда. Но что будет, если рано или поздно архивы все-таки откроют, заговорят документы? В ответ женщина расплакалась. С тех пор живу с ощущением вины перед ней. Проклятое время...

В самом деле, проблема не так проста. В советском терроре зачастую крайне сложно разделить палачей и жертв. Например, секретари обкомов. В августе 37-го они все как один – члены «троек» и пачками подписывают расстрельные приговоры, а к ноябрю 38-го половина из них уже расстреляна. Они сами подписывали документы о расстрелах, но они же организовывали строительство детских садиков и больниц и лично ходили по рабочим столовым снимать пробу с пищи, а дальнейшая их судьба и вовсе вызывает сочувствие.

В национальной и, в особенности, региональной памяти условные «палачи» остались отнюдь не одномерными злодеями. Кое-кто бережно хранит веру в то, что чекисты «зачищали» страну от врагов. Или не совсем от врагов, но от тех, кто ими мог стать. Это сочувствие к бывшим палачам странным образом передалось и новым поколениям XXI века. Тому есть немало объяснений, и каждый читающий эти строки может привести свои. По моим наблюдениям нравы и взгляды 37-го года, тяжелое наследие в виде чекизма, все еще живы и дают о себе знать в повседневной жизни россиян.

С верой против веры

Первое, о чем хочу сказать, – речь в этой статье идет не столько о самой сталинской охранке, сколько о моральной атмосфере, которую её деятельность порождала в обществе. Для себя я определяю это явление как некий трагический срыв в развитии человечества, как черную полосу, в которой закодировано разрешение на моральное и физическое подавление, на насилие, даже на убийство ради до-

стижения какой-то цели. Ужас заключается в том, что цель поначалу выглядит вполне благостно: не иначе, как счастье всего народа, справедливость и равенство. Правда, придется для начала пойти на некоторые радикальные меры, убрать с пути скрытых врагов, тех, кто не верит, кто мешает. Однако такую «уборку» нельзя доверить первому встречному, нужны люди особой закалки. То есть те, кто вытравил из себя наше традиционное слюнтяйство, гнилой либерализм и пережитки буржуазной морали.

Лучше всех этот механизм объяснил Достоевский: Раскольников сам себе дает моральное разрешение – да, могу переступить последний порог, имею право уничтожить, растоптать живую душу.

Ради убеждений? Веры? Или это просто психический сдвиг?

Они были идейными, сказала моя знакомая. В это сегодня верит не только она. Верят, как в последнюю соломинку, не дающую упасть, разувериться в своих отцах и дедах.

Ну что ж, нет спора, право верить имеет каждый. Но все-таки следовало бы учесть одну немаловажную деталь, которая упоминается в десятках источников, в том числе в рассказах самих бывших чекистов. Советская охранка выработала некую вполне видимую «вертикаль»: парадная коммунистическая идейность – это для отчетов, для газет, для людей попроще, для нижнего ряда. А нам, небожителям, поручено такое, что тут не до сантиментов.

Давайте сразу договоримся: мы не станем здесь говорить о психических извращениях, о физиологических палачах, которых тоже немало было среди чекистов. Обратим внимание на тех самых обычных, «из народа», которых после строгой партийной проверки в массовом порядке направляли служить, как до сих пор принято говорить, «в органы». Эти обычные, рядовые через недолгое время превращались в ревностных исполнителей преступных приказов. С удивительной быстротой они осваивали правила, по которым жила система.

Откуда такая ухватистость, такая способность к адаптации? Это очень важный вопрос. Ответ, думаю, можно

найти, если сравнить общую атмосферу жизни на «большой зоне», как называли страну политзеки, и принципы, по которым развивался чекизм.

Жизнь первых поколений советских людей окутывала романтика революции, мечта о светлом будущем. Но уже с первых шагов сладкая романтика сочеталась (и с каждым годом все более ощутимо) с жесткими условиями, следование которым определяло судьбу, карьеру и саму жизнь: беспредельная преданность вождю, коммунистической идее и революции. И всему этому сопутствовала атмосфера нетерпимости к проявлениям любого сомнения, инакомыслия, с готовностью предать анафеме пусть даже самого близкого человека за любую попытку по-своему оценить происходящие в стране события.

Эта самая «общая атмосфера» была, по сути, своеобразными подготовительными курсами к службе в «органах». Службе в любом качестве и в любой форме – вертухая, следователя, сексота или автора доноса. Все это почетно, важно и высоко ценится. Говоря сегодняшними терминами, служить в НКВД было в высшей степени престижно.

И в самом деле, тому, кто «был никем», предоставлялась соблазнительная возможность стать в одном лице следователем, судьей и палачом. Революция дает ему невероятную власть, право и обязанность найти врага, разоблачить, обезвредить и уничтожить его. Дьявольский соблазн!

Забытое со времен французской революции и возрожденное Сталиным словосочетание «враг народа» упало в уже подготовленную почву. Сначала эти слова пугали обывателя, но уже в 30-е годы призыв к уничтожению врагов народа выводил на митинги сотни тысяч людей. И не надо думать, что на такие митинги народ собирали только под угрозой расправы (или, как сегодня, за отдельную плату, отгул на работе). Шли добровольно. Была вера – такая легкая, понятная, снимающая груз ответственности и муки совести. Был всеобщий подъем, такой сладкий, такой вдохновляющий. Заканчивавшийся массовой истерией, когда огромные толпы требовали распять тех, на кого еще вчера чуть ли не

молились. Когда сын публично отказывался от отца, а отец от сына.

Вольтер когда-то заметил, что фанатизм не просто «плод незнания», но он всегда тесно связан с психологией толпы. «Книги гораздо меньше возбуждают фанатизм, нежели собрания и публичные выступления». Действительно, уединенное чтение, работа ума и души вряд ли сочетаются с коллективным безумием.

Так и хочется воскликнуть: прав Вольтер, истинную правду глаголет! Но... устарела его правда. Она справедлива лишь для эпохи, когда жил великий просветитель. Чекизм выработал и успешно испытал на практике в общем-то простой метод: если правильно работать с толпой, если взять ее под контроль, жестко дозировать то, что читают люди, что смотрят в кино, а потом и по телевидению, то и сегодня можно собирать стадионы, ревушие проклятия в адрес врагов народа (оппозиционеров, бандерлогов, гнилых либерастов, иностранных агентов, фальсификаторов истории, противников оккупации Крыма, сторонников демократического движения в Беларуси и т.п.).

Двадцатый век породил сомнение в непререкаемой и вечной правоте народных масс. Самый «яркий», неподдающийся моему осмыслению пример из советской истории, – сокрушение православной России, уничтожение храмов, грабеж церковного имущества. Мы не вправе забыть, что в смертельной борьбе большевиков с религией участвовали сотни тысяч, если не миллионы, вчерашних верующих. Они, перековавшиеся, в большинстве своем, даже не заметили смену вех. Прежнюю веру сменила новая, внешне напоминающая старую. У нее, оказывается, тоже есть своя библия. Свои боги, свои молитвы, ритуалы, герои и мученики. Не надо думать, верь и следуй новому курсу. А кто думает и сомневается, тот враг.

Одним словом, процесс обезчеловечивания, осознанно направляемый сверху, развивался стремительно и бесповоротно. Сформировалась система, при которой, по А. Г. Авторханову (он, как известно, сам отсидел 5 лет в

тюрьме НКВД), «народ учат не думать»⁷¹. Осмелюсь добавить к его словам следующее: не просто учат не думать, – сам народ отказывается думать. Вполне по Маяковскому: «Нам, мол, с вами думать неча, если думают вожди»⁷².

В таких условиях, по тому же Авторханову, подлинно властвующей силой становится одна – «универсальный чекизм. Чекизм государственный, чекизм партийный, чекизм коллективный, чекизм индивидуальный. Чекизм в идеологии, чекизм на практике. Чекизм сверху донизу. Чекизм от всемогущего Сталина до ничтожного сексота»⁷³.

Так что служить в НКВД шли люди, заранее подготовленные всеми идеологическими мифами и жестокими предрассудками времени. Оставалось только избавиться их еще от невесть как сохранившихся старых предрассудков и заблуждений типа сочувствия и жалости к невиновным, мечты о справедливом суде и тому подобного.

Зачистка душ

Многих, особенно молодых людей, буквально очаровывал сложившийся с первых лет революции образ чекиста, он символизировал для них неподкупную справедливость и мужество. К созданию этого мифа приложили руку знаменитые писатели и художники. В чекистах кто-то из них чувствовал романтику революции, а кто-то – очарование беспредельностью их власти. Сила воздействия на «инженеров человеческих душ» была столь велика, что многие из них участвовали в сомнительных акциях, прославлявших режим. Вспомним хотя бы поездку в августе 1933 г. 120 советских писателей на строительство Беломорканала. Итогом поездки стал выпуск книги очерков 36 писателей (среди них М. Горький, В. Катаев, В. Иванов, В. Инбер, А. Толстой, М. Зощенко и др.). В этих очерках они описывали героический труд создателей Беломорканала, рассказывали об усилиях чекистов по организации работ и по «перековке» заключенных. Разумеется, о жестоких условиях рабского

⁷¹ А.Г. Авторханов. Технология власти. М., 1991.

⁷² В. В. Маяковский. Служака / Собрание сочинений в 8 т. Т. 6. М., 1968. С. 121.

⁷³ А.Г. Авторханов. Технология власти. М., 1991.

труда, о голоде, холоде, о гибели тысяч людей в книге не говорилось ни слова...

Но к середине 30-х годов чекизм дистанцировался от образа гордого рыцаря и борца, он оформился как крайне прагматичное, беспредельно циничное сообщество, распрощался с какими-либо моральными обязательствами перед согражданами. Борьба с врагами народа переводилась на плановую основу, чекисты более не утруждали себя доказательством вины арестованных, «сверху» было дано разрешение на применение пыток. Как сказал товарищ Сталин, по мере строительства социализма врагов становится не меньше, а наоборот больше. А потому надо переломить в себе все человеческое, забыть о колебаниях и сомнениях.

И все-таки моральная «зачистка» давала сбои. Крайне редко и крайне слабые, но давала. У меня в руках любопытный документ – написанная в 1956 г. обзорная справка по архивно-следственному делу № 9096 по обвинению бывших сотрудников НКВД Свердловской области. Эти сотрудники были арестованы в феврале 1939 г. и обвинялись в том, что «по указанию бывшего вражеского руководства УНКВД Свердловской области Дмитриева и Боярского» применяли по отношению к арестованным, бывшим сотрудникам УНКВД, «провокационные методы воздействия»⁷⁴. Под этими словами имелись в виду пытки, избиения резиновой палкой, инсценирование расстрела и т. д.

В справке, в частности, цитируется заявление следователя Костина на имя наркома внутренних дел. Костин указал: «...В мае я допрашивал завоблвнуторгом Шлиперман, как правого, который дал показания, разоблачающие секретаря обкома Кабакова. В эти показания нач. управления Дмитриев внес пункт, что Шлиперман противодействовал майскому решению ЦК ВКПб о хлебной торговле... Я возражал против такой подтасовки, но Дмитриев заявил, что протокол надо посылать в Центральный комитет партии и что без этого он теряет половину ценности... Дмитриев заявил, что я «мешаю ему работать», и я был арестован»⁷⁵.

⁷⁴ ПермГАНИ. Ф. 641.1 Оп. 1 Д. 16213. Л.152

⁷⁵ ПермГАНИ. Ф. 641.1 Оп. 1 Д. 16213. Л.155

Один из главных организаторов пыток Гайда показал на следствии, что «оперативные работники были запуганы и о незаконных методах боялись говорить. Тех, кто пытался выступить против этих методов, арестовывали... Так было с начальником Пермского горотдела Моряковым, который после критических выступлений на собрании в адрес Дмитриева, вскоре был арестован и осужден как участник контрреволюционной организации»⁷⁶.

Еще более яркий пример приводит в своей книге «Тайная история сталинских преступлений» Александр Орлов, бывший комиссар НКВД, бежавший на Запад. Начальник Горьковского управления НКВД Погребинский был одним из создателей коммун для бывших уголовников и трудовых школ для бездомных детей. Об этом рассказано в знаменитом в те годы кинофильме «Путевка в жизнь». В то же время в период подготовки первого Московского процесса Погребинский лично арестовал нескольких преподавателей Горьковской школы марксизма-ленинизма и заставил их признаться в том, что они собирались убить Сталина. Вскоре он понял, что возврата нет, его руки в крови невинных людей. Просто так уйти из НКВД невозможно. В апреле 1937 г. Погребинский покончил с собой. В последнем письме, адресованном Сталину, он писал: «Одной рукой я превращал уголовников в честнейших людей, а другой был вынужден, подчиняясь партийной дисциплине, навешивать ярлык уголовников на благороднейших революционных деятелей нашей страны»⁷⁷.

Легенда «о хороших чекистах»

Эта легенда все еще живет в народе, она подпитывается регулярным прокатом на телевизионных каналах кинофильмов (как старых, советских, так и вполне новых, современных) о благородных рыцарях революции.

Возможно, такие рыцари где-то встречались, не исключаю. Но «погоду» в НКВД делали другие. В этой связи

⁷⁶ ПермГАНИ. Ф. 641.1 Оп. 1 Д. 16213. Л.157

⁷⁷ Цитируется по книге Александра Орлова «Тайная история сталинских преступлений», М., 1991. С. 209-210

предлагаю проследить еще одну вполне типичную судьбу человека, преданно служившего злу. Возможно, это поможет внимательнее присмотреться к внутренним мотивам, побуждавшим подобных людей поступать так, а не иначе. Речь идет об уже упоминавшемся начальнике Свердловского УНКВД Д. М. Дмитриеве (более подробно о нем читайте в опубликованной в этой книге документальной пьесе «Прощай, Блюхер!»).

Он был из породы *первых учеников*, старавшихся во что бы то ни стало выслужиться, доказать преданность, перевыполнить любые задания начальства, лимиты на аресты и расстрелы. Особые надежды Дмитриев возлагал на разработанный им в 1937 г. сценарий по разоблачению право-троцкистской контрреволюционной повстанческой организации, якобы существовавшей в городах и районах Свердловской области (будущая Молотовская-Пермская область тогда входила в состав Свердловской).

Мне пришлось бы долго рассказывать, как, реализуя намеченный план, чекисты наметили на роль командующего несуществующей армии ни в чем не замешанного человека, как под пытками заставили его подтвердить заранее составленный список других командиров мифической армии, а также места расположения ее корпусов, полков, батальонов и рот. Тысячи людей прошли мясорубку психологических и физических издевательств.

Дмитриев рассчитывал добиться за это расположения и благодарности «хозяина». Но вышло иначе. Его арестовали. К нему применили те же средства устрашения, что использовал он по отношению к своим жертвам. Последовавшие затем действия Дмитриева были посвящены одной цели: выжить, чего бы это ни стоило ему и другим.

И тут наступает финальный этап. Примерно, в это же время арестовывают В. Блюхера, одного из героев гражданской войны, прославленного маршала, обвинив его в шпионаже. Как и Дмитриев, он верил, что заслужил особое доверие Сталина. Борис Соколов в своей книге «Берия. Судьба всесильного наркома» рассказывает: «Почти сразу же после ареста и еще до первых очных ставок маршала

стали жестоко избивать. <> Соседом Блюхера по лубянской камере совсем не случайно оказался тот самый бывший начальник Управления НКВД по Свердловской области Д.М. Дмитриев... После ареста... он выполнял малопочтенную роль «наседки» и уговаривал маршала сознаться во всем в призрачной надежде спасти собственную жизнь (разговоры в камере записывались на магнитофон)»⁷⁸.

Грубо говоря, Дмитриеву предложили сделку: если убедит маршала признаться в участии в «военно-фашистском заговоре» и в шпионаже в пользу Японии, ему гарантируют жизнь. Приводимая Соколовым магнитофонная запись свидетельствует, что Дмитриев очень старался. Избиения Блюхера, между тем, продолжались. В конце концов, он не выдержал пыток и умер.

Участь Дмитриева была решена. Первый ученик не выполнил задание партии. В марте 1939 года его расстреляли.

В который раз задаю вопрос: что ими всеми двигало? Идеиная убежденность, преданность революции? Но, как мы убедились, для большинства высших чинов НКВД эти романтические принципы выглядели, как словесный мусор. Принципы – не для них, они для «рядовых» строителей светлого будущего. Если уж по правде, настоящим мотивом их поступков был страх. Страх перед системой, которую они сами же и создавали. Страх перед сатанинской властью вождя.

Советского человека (вернемся к Авторханову) отучали думать. Для члена чекистского сообщества это означало гораздо большее: дойти до предела, освободиться от такой химеры, как совесть. Это значило, говоря современным языком, снять с себя ответственность за что-либо и делегировать её тому, кто вершит высшую власть.

Они не могли иначе, – говорят те, кто оправдывает чекизм. Они выполняли приказ, невыполнение приказа означало крушение всего: карьеры, беспредельной власти над людьми и, наконец, это означало смерть. И это правда. Они делали свой выбор. Свой страх они как бы спускали вниз, слабым мира сего, уже арестованным или еще нет,

⁷⁸ Б.В. Соколов. Берия. Судьба всемогущего наркома. М., 2008. С. 29

чья жизнь полностью зависела от них. На них они отыгрывались за свой страх.

У зла нет предела, нет моральных ограничителей. И потому, когда для палачей приходил час испытаний, вся их спесь, все «принципы» разлетались в пыль. Мало предать своих недавних сотрудников, своих соратников по великому ордену. Оказывается, это не последний предел, можно пасть и ниже – стать камерной «наседкой».

Не боясь преувеличения, замечу: в роли камерной «наседки» жили в те годы тысячи, если не миллионы советских людей. Массовое доносительство, подозрительность, недоверие всех ко всем поощрялись режимом, преподносились как благородная обязанность каждого.

Не позволю!

За 30 лет работы в обществе «Мемориал» я лишь однажды встретил человека, приговоренного за реальное политическое преступление. Остальных (а их миллионы) режим репрессировал за несуществующие проступки, по очевидно сфальсифицированным делам. Этого человека, Израиля Зекцера, десятиклассника пермской школы № 11, судили за создание в классе антисталинской организации (подробней о 16-летнем основателе нелегальной партии рассказывается в главе «Прошлое в настоящем»). Партия, действительно, была создана, она просуществовала целых два месяца.

Но тут лидера партии, шестнадцатилетнего Изю Зекцера, арестовали. В ходе допросов он понял, что в организации были «стукачи». Двое! Такие же мальчишки, одноклассники. Они побежали в НКВД с доносом через несколько дней после «учреждения» партии. С того дня чекисты пристально следили за каждым шагом подростков. Донос обошелся Изе в 9 лет тюрьмы и ссылки.

Характерный и одновременно ужасный пример приводит писатель Виктор Астафьев в одной из своих затесей «Так закалялась сталь». (Затеси – авторский жанр В. Астафьева. Слово «затеси» буквально означает «зарубки на деревьях». – Прим. авт.). На уроке анализируют произведение Н. Островского «Как закалялась сталь». Ученики восхищаются героическим пафосом романа. Аришка, семья которой

была репрессирована, прочитывает эту книгу по-своему:

«– Так тебе что, не понравилась книга? – удивилась «комиссарша».

– Да нет, нет, – залепетала Аришка, – понравилась. Но вот... Вот он, Павка, попу в тесто махорки насыпал... ребята смеются... А чего смеяться? В третьем годе голод был - народу скоко вымерло... моя сестра... мой братик... в зыбке... и мама... и бабушка... А он махорку в тесто... Нехорошо так над хлебом галиться... Бог накажет...»⁷⁹.

Учительница-комиссарша восприняла слова Аришки как контрреволюционные. И вот та, которая обязана воспитывать и защищать ребенка, бежит в НКВД с доносом. Торопится, чтоб не опередили другие. Опоздаешь – жди ареста.

Можно (хочется!) предположить, что все-таки в её душе шла борьба. Ведь как-никак женщина и, может быть, есть свои дети. Жалко девочку. Но тут вступает в действие мощный инструмент моральной самоцензуры. К черту жалость! Никаких колебаний. Не позволю – ни себе, ни детям. Идея выше, чем бездарная жалость! Ведь сказанное Аришкой может вызвать сочувствие класса, нанести вред воспитанию детей. Новая, нестандартная мысль, никем не санкционированный поступок вызывают у учительницы ужас: еще немного и все рухнет, обвалятся традиции – обвалится все.

В некоторых источниках называют число доносов, поступивших в НКВД в 1937-1938 годах, – около 4 миллионов. Не знаю, верить или не верить этой страшной статистике. Но уж в том, что счет идет на сотни тысяч, можно не сомневаться. Как не приходится сомневаться и в том, что это «общественное движение» было самым массовым и добровольным в те годы.

Фанатик, отстаивая ту ортодоксию, хранителем которой он себя считает, готов на все. Готов доносить, разоблачать, убивать. На всякий случай – цитата из философского словаря: Ортодоксия – греч., правильное мнение – приверженность к традициям, основам какого-либо учения, мировоззрения, полностью исключая даже незначительные отклонения.

⁷⁹ В. Астафьев. Так закалялась сталь. / Затеси. Красноярск, 2003. Тетрадь 6

Швейцарский психиатр Карл Густав Юнг указывает на то, что «фанатизм есть признак подавленного сомнения». В глубине души учительница-комиссарша прячет (от мира и от самой от себя) неуверенность в прочности «принципов», которые навязывает детям. И потому первая ее реакция на слова Аришки – найти дополнительные подпорки для якобы пошатнувшейся идеи. Донос, угроза ареста, насилие и страх. Таковы ее аргументы, других она не знает.

Как бы уговаривая учительницу и бесчисленные толпы ее единоверцев, К.Г.Юнг добавляет: «Если человек действительно убежден в своей правоте, он абсолютно спокоен и может обсуждать противоположную точку зрения без тени негодования».

Что и говорить, верное замечание! Но, что называется, не про нас.

Феномен чекизма состоит в том, что он не видит человека в том, кто не разделяет – полностью и безоговорочно – его Идею. Не признает за человека, за существо, достойное жизни! Чекизм, охраняющий «народ» от скверны инакомыслия, убежден в том, что спасает мир, человечество и саму истину от «противоположных точек зрения», а значит, от врагов.

Настоящее прошлого – 1

Ортодоксия – самое злое наследие чекизма. Я бы даже сказал, главное его порождение на личностном уровне. С нею мы редактируем историю, выбираем во власть себе подобных, травим нано-пятую колонну оппозиции. С нею живем, с нею и умираем. Не осознавая свою ущербность.

Ортодоксия и фанатизм, как явление, вернее, как зародыш будущего бедствия, замечены и описаны еще в 19-м веке в «Бесах» Федора Михайловича Достоевского. Великий писатель предсказал бесовщину 20-го века. И даже, может быть, массовую биологическую наследственность нынешнего поколения, раздираемого всеобщей глухотой и нетерпимостью.

Блага демократии, огромные возможности информационного обмена нам пока ничего не дали. Во многих случа-

ях, наоборот, побудили к самоизоляции, к свирепой защите «правильных» идей, как истины в последней инстанции.

Кто-то из великих сказал, что русские, однажды познав свою правду, тут же становятся на пост с ружьем в руках. Они охраняют ее до скончания дней своих, несмотря на то, что эта правда со временем, может быть, обветшала или покрылась ложью, враждебностью к человеку.

Но наш человек с ружьем не стоит на месте. Он не просто охраняет духовные и политические «скрепы», но навязывает их другим, навязывает агрессивно, исключая «даже незначительные отклонения» от правильной идеи.

Национальность тут ни при чем. Так же, как и уровень образования. Так же, как и партия, в которой вы состоите. Все это ровно ничего не значит. Духовная несвобода, законченность и агрессивная защита «завоеваний» отличают сегодня всех нас. Ну, хорошо, не всех, но многих.

Вспомните, сколько раз вам с гордостью говорили: мне не в чем каяться, я свои убеждения не менял! Мне и раньше виделось что-то ущербное в этих словах. Ведь человек развивается, меняются его представления о мире, о людях. Но вы, разрушители, идейные убеждения не трогайте, они даны раз и навсегда. Нас с детства убеждали, что менять убеждения позорно и даже преступно. Но так ли это?

Вот урок для ортодоксов, его дает нам классик. Вдумайтесь:

«Вы говорите, что нравственно лишь поступать по убеждению... Я вам прямо не поверю и скажу напротив, что безнравственно поступать по своим убеждениям.

...Недостаточно определять нравственность верно-стью своим убеждениям. Надо еще непрерывно возбуждать в себе вопрос: верны ли мои убеждения?» (Ф. М. Достоевский, из «Записных книжек»).

Бескомпромиссная правда этих слов в свое время поразила Юрия Федоровича Карякина. Глубокий исследователь творчества Достоевского, известный публицист, писатель, общественный деятель, увидел в этих словах протянутую ему руку помощи. Он написал предельно от-

кровенную книгу⁸⁰ об истории своих метаний и поисков. О заблуждениях и мучительном преодолении их.

Эта книга призывает нас думать о самих себе, о том, насколько мы честны перед самими собой. Вот что пишет Юрий Карякин, обращаясь к защитникам всяческих «основ»: «А вот посмотрите на тех, кто остался верен своим вождям и своим коммунистическим убеждениям, кому «не в чем каяться», кто заявляет, что «ни одного прежнего слова не берет обратно» и что ему «ничуть ни за что не стыдно»... И повторяется все это важно, напыщенно, с чувством погрязшей и восстановленной справедливости».

Цель книги Юрия Карякина не разоблачать, а рассказать о самопереубеждении. Она о себе, о своей глупости, о своей интеллектуальной нечестности и об одолении этого.

Трудно быть Богом, сказали братья Стругацкие. Сегодня быть независимым – это почти стать Богом. Не менее трудно! Нужно иметь великое мужество, чтобы оградить себя от атаки «реальных пацанов», ставших основой российской властной вертикали. Нужно быть мудрым, – чтобы слышать других. И нужно быть честным, чтобы, слыша других, менять себя.

«Наша эпоха не знает критики и идейного спора и не знает борьбы идей. Она знает лишь обличения, отлучения и кары. Инакомыслящий рассматривается как преступник. С преступником не спорят». Попробуйте угадать, когда написаны эти строки.

Не гадайте. Это 1937 год, пик «большого террора». Цитата заимствована из написанной в том же 1937 году статьи русского философа Н.А.Бердяева «О фанатизме, ортодоксии и истине».

37-й год и наш сверхпрогрессивный век. Вроде бы Россия вырвалась из лап «большого террора». Но все еще живет в сталинском средневековье? Всякий отход от единомыслия вызывает истерический всплеск ненависти, силу

⁸⁰ Ю. Ф. Карякин. Перемена убеждений (От ослепления к прозрению). Москва, Издательство «Радуга» 2007

которой удесятерят государственные теле- и радиоканалы. Общество постоянно живет в атмосфере истерики, в условиях осажденной крепости. Психически здоровому человеку жить в этих условиях неимоверно трудно. За последние годы объявляли войну до победного конца с таким количеством внутренних и внешних «врагов», что их список вряд ли уместится на этой странице. Грозил даже идти танковым походом на Москву. А теперь переменяли курс и наводим «порядок» в Украине, в Крыму, Беларуси.

«Наша эпоха не знает критики и идейного спора и не знает борьбы идей». Хочу особо выделить эти слова Н.А. Бердяева. Казалось бы, в новой России есть все формальные условия для свободного обмена идеями. Но на практике мы не слышим друг друга.

Самый страшный вид разобщенности – это когда власть не слышит общество. Когда идеи, предлагаемые снизу, отвергаются не потому, что они ошибочны или спорны, а потому, что их выражают неугодные власти слои населения, общественные движения и партии.

Предлагаю, однако, продолжить игру в «угадайку». Большинство из нас знают эту песню и ее замечательного автора Юлия Кима. Прочитую лишь два четверостишия:

Адвокатский вальс

Конечно, усилия тщетны

И им не вдолбить ничего:

Предметы для них беспредметны,

А белое просто черно.

Судье заодно с прокурором

Плевать на детальный разбор –

Им лишь бы прикрыть разговором

Готовый уже приговор.

Попробуйте угадать, когда написаны эти строки. Правильно, в 1968 году. Это когда ввели войска в Чехословакию, преследовали несогласных, когда вновь (после 36-38 годов) вошли в моду «большие» судебные процессы против

оппозиции – правозащитников, диссидентов. С того времени прошло больше полувека! И что же? Все то же заказное неправосудие, все тот же обвинительный уклон. И все те же разговоры о демократии – своей, особой, неповторимой.

Настоящее прошлого – 2

Теперь хочу сказать о главном. Чекизм в новой России терпит решительную победу. Первая попытка была сделана в августе 1991 года. Но тогда не сложилось, чекистский путч сорвался. Вековечную мечту наследников Дзержинского о полной власти в стране пришлось на время отложить. Ради конечной цели понадобилось изменить методы, смириться с эволюцией ради революции. Путчисты, которых ради этого простили и выпустили из тюрьмы, стали постепеновцами, поняли, что надо «работать с народом».

Вот они и работают.

Все объявленные путчем 1991 года цели и задачи сегодня реализуются в полном объеме. Новый старый порядок наводится в соответствии с накопленным предшественниками опытом. И вновь над седой равниной моря гордо реет буревестник, черной молнии подобный. Редкий по нынешнему времени идеалист-демократ (по-простому – либераст) робко прячет тело жирное в утесах.

Беспримерные поношения оппозиции, мифы о Госдепе, о внешних и внутренних врагах довершили и без того существующий раскол в обществе, расширили пределы взаимной нетерпимости, грубости, злобы.

В качестве политической опоры власть выбрала до предела простого, склонного к тяжелой ортодоксии человека. В качестве противников, врагов объявлены все остальные.

Грязную работу поручили «общественности» и прикормленным СМИ. Власть как бы дистанцируется от прямой травли своих оппонентов. Но каждый ее шаг в сторону очередных ограничений прав гражданина (а их много накопилось, этих шагов) сопровождается появлением новых «борцов из народа».

Как будто из болотной жижи, всплывают всячески поощряемые сверху теоретики и практики вчерашнего дня,

хранители самой правильной истории, оправдатели репрессий, реаниматоры сталинизма, гонители инакомыслия и любой оппозиции. Эти люди не знают сомнений. Они снова при деле, спасают мир, человечество, своих собратьев и саму истину от врагов.

Новый чекизм! Я бы даже сказал, модернизированный чекизм. Всякий думающий человек должен, на мой взгляд, признать факт его возврата, реанимации. Признать, чтобы выработать гражданскую позицию, понять, как жить и действовать дальше.

«... Не все человек должен терпеть, – пишет в упомянутой выше статье Н.А. Бердяев. – К современной нетерпимости, фанатизму, к современной ортодоксости совсем не нужно относиться терпимо, наоборот, нужно относиться нетерпимо. И врагам свободы совсем не нужно давать безграничной свободы. В известном смысле нам нужна диктатура реальной свободы».

Последние события в Донбассе, Крыму, Беларуси, неоднократные попытки устранения политических оппонентов с использованием боевого нервно-паралитического вещества, в том числе лидера российской оппозиции Алексея Навального, со всей очевидностью подтверждает тот факт, что сталинская охранка действует, она живее всех живых. И применяемые ею террористические методы, по-прежнему угрожают любому из нас, а вместе – всему миру.

Мы должны отстаивать свою свободу, – даже то малое, что удалось отстоять величайшими жертвами. Мы должны сопротивляться реабилитации чекизма. Мирно, но непримиримо.

ПРОЩАЙ, БЛЮХЕР!

Режиссёр Иван Кустов: Средствами этого спектакля мы, актерский коллектив и автор сценария Александр Калих, ведем разговор об эпохе Большого террора, хотим, чтобы у современного поколения была возможность взглянуть на реальную историю тех времён, осмыслить произошедшее. Спектакль – это такая «прививка» против террора.

Звучат бодрые песни 30-х годов.

ВЕДУЩИЙ. Для нас, потомков, ужас событий 1937 года обостряет их реальная близость – если хотите, вы можете пощупать предметы того времени, пройти по улицам, где ходили наши отцы и деды, можно даже зайти в их дома. В данном случае так и произошло. Вы находитесь в доме на улице Пушкина, 15.

Фотография дома на улице Пушкина, 15.

АКТЕР. Здесь в 30-е годы на первом этаже жила семья Георгия Васильевича Хрипунова, его жена и маленькая дочь Эльвина.

По ходу рассказа идет показ семейных снимков Хрипуновых-Тихомировой.

Дед Георгия Васильевича был кавалером четырёх Георгиевских крестов в годы Первой мировой войны, а в годы Гражданской войны – участником белого движения. Это и явилось основанием для его ареста и расстрела. Тогда же впервые пришли за самим Георгием Васильевичем.

АКТЕР. Первый арест окончился относительно благополучно. Через несколько лет его освободили. Георгий

Васильевич преподавал на артиллерийских курсах, работал на строительстве КамГЭС в должности ответственного исполнителя по учёту личного состава. О страшном дне 27 июля 1937 года, дне его второго ареста, вспоминает дочь Эльвина Георгиевна Тихомирова. Она навеки запомнила последний эпизод: люди в чекистской форме уводят отца. Он неотрывно смотрит на неё. В глазах усмешка и боль. И всё. Больше его никогда не видели.

АКТЕР. Еще один сюжет. Анатолий Павлович Кузнецов практически всю свою взрослую жизнь посвятил памяти отца, расстрелянного в 1937 году. В начале 90-х годов, когда приоткрылся доступ к еще недавно засекреченным архивным документам, он одним из первых добился права ознакомиться со следственным делом отца, Павла Николаевича. Он открыл для себя, что вместе с Павлом Николаевичем были арестованы 53 жителя Пермской области, все они прошли по делу о так называемой белогвардейской повстанческой организации.

По ходу рассказа идет показ семейных снимков Кузнецовых

АКТЕР. Из воспоминаний Анатолия Павловича Кузнецова:

«Я помню этот день. Ввалились трое, начался обыск. Папу усадили в угол. Я хотел подбежать к нему, чтобы, как всегда, забраться на колени, но меня отшвырнули. Запретили разговаривать. Мы сидели напротив друг друга, я смотрел на него, он на меня. У меня в чулане была фотолаборатория. Один из военных полез туда. Я зубами вцепился в него, закричал: «Не трогайте фотобумагу!» Начальник махнул рукой: «Ладно, не трогай».

В конце разрешили попрощаться. Я не могу сказать ни слова, слезы душат. Папа говорит: «Прощайте!». Не «до свидания», а именно «прощайте». Наверное, чувствовал.

ВЕДУЩИЙ. Эти люди, наши герои, стали жертвами чекистской операции по разоблачению некоей тайной белогвардейской повстанческой организации. Разумеется, такой организации не было – ни на бумаге, ни в мыслях этих людей. Но ведь чья-то иезуитская голова сподобилась придумать такое! Сообщаем: автором сценария операции по разоблачению право-троцкистской контрреволюционной повстанческой организации стал начальник Свердловского УНКВД, депутат Верховного Совета СССР Д. М. Дмитриев.

***На экране – фотография Дмитриева
и вырезка из газеты 1937 года.***

АКТЕР. Сразу заметим: белогвардейская подпольная армия – далеко не единственная забота в многогранной деятельности этого избранника народа. Таких операций было много, одна только польская операция чего стоила! По свирепости и числу жертв она, пожалуй, не уступала никакой другой. Но повстанческая организация – случай особый. Дмитриев сам придумал сценарий, гордился им, и свое авторское право никому уступить не собирался.

ВЕДУЩИЙ. Он был из породы *первых учеников*, ставшихся выслужиться, чего бы это ни стоило. Доказать преданность, перевыполнить любой приказ начальства. О том, каких жертв может стоить его старательность, подобные люди не задумываются. Вот именно такие и нужны чекистскому ордену.

АКТЕР. Этот сценарий Дмитриев разработал в начале 1937 года еще до выхода приказа 00447, который дал старт большому террору. Контрреволюционная повстанческая организация якобы действовала в городах и районах Свердловской области (будущая Молотовская-Пермская область тогда еще входила в состав Свердловской). Она создавалась по принципу формирования воинских частей, делилась на корпуса, роты, взводы со штабом контрреволюционных повстанческих организаций в Свердловске.

Повстанческая армия располагала вооружением, которое до поры до времени хранилось на складах Осоавиахима. Опять же – якобы...

АКТЕР. Какое-то время ушло на «подбор» руководителей подпольной организации. Вскоре чекисты арестовали несуществующего командующего несуществующей армии бывшего начальника Камского речного пароходства Кандалинцева. Под пытками заставили его подтвердить и свою командную должность, и заранее составленный список других командиров, а также места расположения корпусов, полков, батальонов и рот.

Обо всем этом автор сценария Дмитриев поспешил сообщить в победной реляции наркому Ежову. Нарком оперативно пересылает важную телеграмму Сталину.

На экране – портрет Ежова и текст спецсообщения.

АКТЕР. Читает спецсообщение Н.И. Ежова И.В. Сталину и телеграмму Д.М. Дмитриева о «повстанческой» организации на Урале:

16.08.1937 № 59206

Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ

Направляю копию телеграммы нач. УНКВД по Свердловской области тов. ДМИТРИЕВА.

Нарком внутренних дел Союза ССР

Генеральный комиссар госбезопасности ЕЖОВ

По показаниям арестованного бывшего полковника Генштаба ЭЙТНЕРА, бывшего члена Бюро обкома ВКП(б) ЯНА, бывшего начальника Камского госпароходства КАНДАЛИНЦЕВА и допросам арестованных кулаков устанавливается существование Уральского повстанческого штаба — рабочего органа подготовки вооруженного восстания. Штаб был создан блоком уральских троцкистов, правых, эсеров, белоофицер-

ской организацией и представителем крупной повстанческой организации митрополитом Петром ХОЛМОГОРЦЕВЫМ. Идея создания повстанческого штаба принадлежит КАБАКОВУ, который с середины 1935 г. повел переговоры через ряд лиц с троцкистами, эсерами и другими группами о необходимости выделения штаба, после чего штаб был создан.

По решению штаба область была разделена на 6 повстанческих округов, во главе которых стояли повстанцы-руководители.

13 августа № 918

ДМИТРИЕВ

ВЕДУЩИЙ: Кстати, на первом листе этого документа имеется рукописная резолюция Сталина: «т. Ежову. Дмитриев действует, кажется, вяловато. Надо немедленно арестовать всех (и малых и больших) участников «повстанческих групп» на Урале. Ст.».

АКТЕР. То есть Дмитриев бежал впереди паровоза. Сам разработал, сам проявил инициативу – и вот тебе на, действует «вяловато». Впрочем, он не знал об этой пометке Сталина. Считал, что выиграл счастливую карту. Указание вождя выполнялось в бешеном темпе. Списки и адреса сотен членов несуществующей повстанческой армии были подготовлены заранее. В разных концах региона, в Перми и Свердловске, в районах Коми-Пермяцкого округа, в десятках городов и сел развернулась настоящая вакханалия арестов. Ночью в квартиры врываются чекисты, начинался повальный обыск, затем арестованного уводили навсегда.

АКТЕР. Ничего не понимающих, запуганных людей обвиняли в подготовке вооруженного восстания, в участии в подпольной белоофицерской организации. Их заставляли давать ложные показания на себя и других людей. Все они прошли мясорубку психологических и физических издевательств. Чекисты применяли сильно действующий прием: к только что арестованным подсажали тех, кто уже сдался,

подписал фиктивные протоколы. Они рассказывали о пытках, убеждали, что упорствовать нет никакого смысла. Но самыми страшными были даже не пытки, а угрозы ареста родителей, жен и детей. Тем более, что это тоже случалось, и на очную ставку к подследственному приводили его родственников, запуганных и избитых. Мало кто выдерживал такое, люди подписывали любые, самые дикие обвинения.

АКТЕР. Бывший оперуполномоченный Гайда в ходе следствия показал, что «оперативные работники были запуганы и о незаконных методах боялись говорить. Тех, кто пытался выступить против, арестовывали... Так было с начальником Пермского горотдела Моряковым, который после критических выступлений на собрании в адрес Дмитриева, был арестован и осужден как участник контрреволюционной организации».

АКТЕР. Дмитриев рассчитывал добиться расположения и благодарности «хозяина». Но вышло иначе. Его арестовали. По мнению Сталина этот выскочка работал «вяло». Была и другая причина его падения – и не только его. После московских процессов началась чистка чекистских кадров. Нет, не за фальсификации, не за совершенные преступления их приговаривали к смерти – за то, что слишком много знали.

ВЕДУЩИЙ. Итак, Дмитриева арестовали. К нему применили те же средства устрашения, что использовал он по отношению к своим жертвам. Последовавшие затем действия Дмитриева были посвящены одной цели: выжить, чего бы это ни стоило ему и другим.

АКТЕР. В личном архиве А. Н. Яковлева, возглавлявшего с 1991 г. Комиссию при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий, сохранился «Документ № 356. Спецсообщение Л. П. Берия И. В. Сталину с приложением протокола допроса Д. М. Дмитриева» (по ходу чтения АКТЕРА показывает на экране этот документ). Протокол допроса представляет собой частокол из десятков, если не сотен, фамилий бывших соратников Дмитрие-

ва. Все они должны были стать его искупительной жертвой в борьбе за свою жизнь.

АКТЕР (читает).

Спецсообщение Л.П. Берия И.В. Сталину с приложением протокола допроса Д.М. Дмитриева:

23.10.1938

№ 109313

Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ

Направляю показания ДМИТРИЕВА Д.М., занимавшего до ареста должность начальника Управления НКВД по Свердловской области, а до этого долгое время работавшего в центральном аппарате НКВД в Экономическом управлении в качестве помощника и заместителя начальника Управления вместе с МИРОНОВЫМ.

ДМИТРИЕВ назвал большое количество участников заговора в НКВД уже репрессированных и показал о причастности к заговорщической деятельности: МИНАЕВА А.М. – ныне заместителя Наркома тяжелой промышленности, до этого занимавшего должность начальника контрразведывательного отдела ГУГБ и также длительное время работавшего в Экономическом управлении НКВД вместе с МИРОНОВЫМ и ДМИТРИЕВЫМ; ДЕНОТКИНА – помощника начальника контрразведывательного отдела ГУГБ....

АКТЕР. У нас нет возможности и нет желания зачитывать весь этот 15-страничный документ. От него исходят страх, предательство и вполне ощутимое безумие. Дмитриев подписывал все, что ему подсовывали следователи – обвинения в адрес недавних друзей, сотрудников и даже людей, которых никогда до того не знал и не видел.

АКТЕР. Но одну запись все же процитируем: на первом листе протокола имеются рукописные резолюции Сталина: «Деноткина, Агаса, Волынского, Николаева арестовать»;

«Арестовать: 1) Минаева 2) Инсарова (секретарь Леплевского) и допросить об украинских к.р. кадрах 3) Минаева 4) Фельдмана В.Д. 5) Волков в НКПС 6) Дзиов 7) Кучинский (следов.) 8) Дашевский».

ВЕДУЩИЙ. И тут наступает финальный этап. Примерно в то же время под колесо сталинских репрессий попадает Василий Блюхер, любимец народа, осыпанный высшими наградами страны, герой гражданской войны, прославленный маршал.

На экране снимок первых маршалов СССР.

ВЕДУЩИЙ читает: Перед вами - первые маршалы Советского Союза

*М. Н. Тухачевский, К. Е. Ворошилов,
А. И. Егоров, С. М. Буденный, В. К. Блюхер.*

Из них трое – Тухачевский, Егоров и Блюхер – стали жертвами политического террора.

ВЕДУЩИЙ. Как и Дмитриев, Блюхер верил, что заслужил особое доверие Сталина. За полгода до ареста он вошел в состав трибунала, приговорившего к смерти маршала Тухачевского, крупного военачальника Якира и многих других. Это ли не свидетельство преданности?

24 октября в 17 часов 10 минут Блюхера привезли на Лубянку во внутреннюю тюрьму НКВД СССР. Поместили в камеру № 93, где его встретил... Дмитриев.

АКТЕР. Борис Соколов в своей книге «Берия. Судьба всемогущего наркома» рассказывает: «Почти сразу же после ареста и еще до первых очных ставок Блюхера стали жестоко избивать. <> Соседом Блюхера по лубянской камере оказался бывший начальник Управления НКВД по Свердловской области Д.М. Дмитриев...»

Тюремная камера. Два охранника вталкивают Блюхера.

Лицо в кровоподтеках, погоны сорваны.

ДМИТРИЕВ. Василий Константинович, товарищ маршал, вы ли это?

БЛЮХЕР. Как видишь. А ты кто?

ДМИТРИЕВ. Начальник УНКВД по Свердловской области Дмитриев. Теперь уже, наверное, бывший... А вас-то за что? Знаменитый маршал, герой Гражданской войны, командующий Дальневосточным округом.

БЛЮХЕР. Есть у меня враги, завистники. И вот наклепали: заговор в армии, японский шпион. Это я-то? Да кто ж в это поверит?

ДМИТРИЕВ. Не сомневайтесь, поверят. Народ у нас любит разоблачать врагов.

БЛЮХЕР. Мне плохо. Дай воды. Я твердо верил, что меня взять не могут. Не за что.

ДМИТРИЕВ. И я так думал. Служил верой и правдой.

БЛЮХЕР. Кто же меня подставил? Ворошилов? Ведь чувствовал – обстановка меняется. Упрекали, что плохо бо-

рюсь с врагами народа в Дальневосточной армии. Брала ни в чем неповинных людей. А я молчал... Хуже того, давал согласие на аресты. Худо мне было. Пил по-черному. Не помогало...

ДМИТРИЕВ. Да уж, слышал, о ваших запоях в армии много говорили. О склонности к женскому полу. Двух жен бросил, а третьей – всего 17 лет. Сплетничали. Но не решались осуждать, все-таки прославленный маршал.

БЛЮХЕР. А чего это ты так говоришь, будто все в прошлом? Я жив, я не сдался. Все вернется. Никогда люди не забудут мои дела, мои награды. Что скрывать, горжусь. Орден Красного Знамени тогда был высшей наградой. Мне первому его вручили.

ДМИТРИЕВ. Да, об этом много написано. Легендарный рейд армии Блюхера по тылам противника. Полторы тысячи верст прошли с боями, вышли у Кунгура, соединились с частями Красной армии.

БЛЮХЕР. А в 30-м году наградили орденом Красной Звезды, и тоже за № 1. Это за успешные операции на Китайско-Восточной железной дороге. Я военная косточка. Столько прошел, что не пересказать – сначала на первой мировой, потом на гражданской.

ДМИТРИЕВ. Понимаю вас, приятно вспомнить. Но пока забудьте о наградах. Взгляните правде в глаза – вы в тюрьме, на Лубянке. Сейчас важно понять, как себя вести на допросах. Какую тактику избрать. Я, например, быстро понял, что тут никому ничего не докажешь.

БЛЮХЕР. Что же это – придумывать на самого себя?

ДМИТРИЕВ. Не беспокойтесь. Они придумают сами. Разве вы не заметили? Протокол допроса подсовывали? Заранее подготовленный, там уже все сказано – ты только подпиши.

БЛЮХЕР. Мне нечего признавать. За мою пьяную болезнь, за баб – за это не прячут в тюрьму. Разве что за озеро Хасан... Но заговор тут причём?

АКТЕР. В секретном приказе наркома обороны Во-

рошилова, изданном 31 августа 1938 года и посвященном итогам боев у озера Хасан, говорилось: «Руководство... маршала Блюхера в период боевых действий у озера Хасан было совершенно неудовлетворительным и граничило с сознательным пораженчеством...» «Виновниками... являются... начальники всех степеней, и в первую очередь... маршал Блюхер».

ВЕДУЩИЙ. В тот же день Блюхер был отстранен от должности. Ворошилов, однако, демонстрировал к нему полное благорасположение. Предложил опальному маршалу отдохнуть вместе с семьей на своей даче в Адлере. Здесь его и арестовали. Кстати, пансионат назывался «Бочаров ручей». Теперь там летняя резиденция президента Российской Федерации.

БЛЮХЕР. Эта неудачная война за три метра территории гроша ломанного не стоит... Обидно... А тут еще японскую разведку шьют. С ума они, что ли, сошли?

ДМИТРИЕВ. Никому ничего не докажете. Будете упираться, - переведут в Лефортовскую тюрьму, там умеют выбивать показания.

БЛЮХЕР. (Молчит. Отчаяние. Ходит по камере).

ОХРАННИК. Блюхер! На допрос!

БЛЮХЕР уходит.

На экране возникает портрет Александра Григорьевича Орлова.

По ходу рассказа идет показ фотографий из семейного архива Орловых.

АКТЕР. Из воспоминаний сына, врача Вадима Александровича Орлова.

АКТЕР (читает от имени В.А. Орлова). 28 сентября, темной сентябрьской ночью в дом пришли чекисты. Начали обыск, перерыли всё.

Через много лет мне удалось ознакомиться со след-

ственным делом отца, хранящимся в краевом архиве. Если быть точным, дело включает протоколы допросов не только А.Г. Орлова, но и еще 53 жителей Перми, арестованных по делу о повстанческой армии. В этом списке отец значился под номером 25. Вот выдержка из протокола его допроса от 12 октября 1937 года:

АКТЕР – Следователь. Вы арестованы как участник белогвардейской повстанческой организации в г. Перми. Когда, при каких обстоятельствах вы были завербованы в эту организацию? В чем заключалась ваша роль?

АКТЕР – А.Г. Орлов. Участником организации я не был, никто меня не вербовал и никакой роли на меня не возлагал.

АКТЕР – В.А. Орлов. Следователь пытался запугать арестованного, ссылаясь на неведомых ему «подельников», которые, якобы, уже признались, дали «изобличающие» показания на него. Отец стоял твердо: «Членом организации не состоял, никакой борьбы против Советской власти не вел». Не дал себя запугать, никого не оговорил, остался до конца честным человеком.

Орлов А.Г. расстрелян в городе Свердловске 20 октября 1937 года.

Снова – тюремная камера. Вталкивают избитого Блюхера. Он едва ходит.

ДМИТРИЕВ. Выражаю сочувствие, Василий Константинович. Сам это прошел. Ну что, вы признались? Дали показания?

БЛЮХЕР. Не в чем мне признаваться.

ДМИТРИЕВ. Никуда не деться, Василий Константинович. Сейчас пойдут очные ставки. Услышите, что говорят о вас ваши подчиненные. И родственники. Все подтвердят, что вы враг, что готовили заговор. Никто не выдерживает эти муки. Всем жить хочется. Вот и заговорят.

БЛЮХЕР. А ты сам-то? Все признал?

ДМИТРИЕВ. Все признал. К чему принуждали, то и

признал. Теперь вроде перестали пытаться, жду положительного решения.

БЛЮХЕР. Странный вы народ, чекисты. Пожираете друг друга, как скорпионы. Для вас предать – ничего не стоит. Вот ты, Дмитриев, откуда ты такой? Небось образованный?

ДМИТРИЕВ. У меня отец был мелким лавочником. В Екатеринославе год учился в земском коммерческом училище. Вот и все образование. С начала 20-х годов служил в ВЧК.

БЛЮХЕР. И далеко ведь пошел. Большим начальником был при Ежове, служил в центральном аппарате НКВД. Да, да, вспоминаю. А потом тебя отправили в Свердловск. И там ты развернулся...

ДМИТРИЕВ. Я здесь, на Лубянке, вспоминаю все, что делал в должности начальника областного управления НКВД. Мне не в чем себя упрекнуть. Да, идет жестокая борьба с врагами народа. Не до сожалений, не до жалости. Без интеллигентских соплей. Эту тяжелую работу кто-то должен был взять на себя. Не я, так другой. Партия поставила задачу – значит решай, действуй, оглядываться некогда.

БЛЮХЕР. Теперь у тебя есть время оглянуться. Ну как, доволен? Ведь признал, что готовил заговор внутри НКВД.

ДМИТРИЕВ. Партия, лично товарищ Сталин потребовали признать. Я солдат партии. И этот приказ тоже выполнил, все подписал. Теперь вам, Василий Константинович, предлагают сделать то же самое. Советую подчиниться.

БЛЮХЕР. Как же я могу признать то, чего не было? Ты-то ведь мелкая сошка, тебя никто не знает. А я маршал, о моих подвигах писали газеты, рассказывали детям в школах. И после этого оболгать, приговорить самого себя? Не просто к смерти – к позору.

ДМИТРИЕВ. Наши с вами эмоции не имеют никакого значения.

БЛЮХЕР. Мы с тобой разные. Ты лавочник. А я из рабочей семьи. Четверо нас, детей, было. Церковно-при-

ходская школа – все мое образование. Меня революция жизни учила, военное образование получал в боях. Ты понимаешь, что это такое: пройти путь от рядового солдата до маршала? Ради советской родины я все отдал, и здоровье тоже.

Они, твои собратья НКВД-шники, меня не просто пытаются, а бьют по самым больным местам, где были ранения. В 15-м году подо мной взорвалась граната. Едва выжил. Разбило у меня левое бедро, левое и правое предплечье. Восемь осколков извлекли. Левая нога стала короче на полтора сантиметра. Вот они и бьют по старым ранам. Я света божьего не вижу, кричу: Сталин, видишь ли ты, что делают с твоим маршалом!?

ДМИТРИЕВ. Вы эти мысли, Василий Константинович, оставьте на потом. Сейчас надо выжить. Надо найти какие-то смягчающие обстоятельства. А вы своим бессмысленным упрямством только усложняете положение. А ведь доведете дело до того, что повезут в Лефортово. Там бьют профессионалы, не то, что здесь. Что вам стоит написать признание? Надо это свое благородство переступить, раз в жизни себя пожалеть. Потом будет поздно.

БЛЮХЕР. (колеблясь) Это как же так... Как быть... Где вы, мои друзья, родные, мои дети – помогите отцу. Я здесь совсем один, ни до кого не докричаться...

ДМИТРИЕВ. Раз люди говорят, значит, есть основания... Не стройте из себя невинную девушку. Можно прийти и сказать, что я подтверждаю и заявляю, что меня завербовал... Кто?

БЛЮХЕР. Никто меня не вербовал... Я могу признать, что был виноват. Но не в том, в чем меня обвиняют.

ДМИТРИЕВ. Вы лучше подумайте, что скажете Берии... Один здесь три месяца сидел, ничего не говорил. Когда ему дали в Лефортово, — сразу сказал... Я вас тоже считаю японским шпионом. Больше скажу: факт, доказано, что вы шпион. Что, неужто вам нужна встреча с Берией?

АКТЕР. За восемнадцать дней пребывания Блюхера во внутренней тюрьме НКВД его допрашивали двадцать один раз. Семь допросов арестованного № 11 провел лично Л.П. Берия. Нарком, можно сказать, перестарался. Одна из выживших родственниц Блюхера, которую вызвали на очную ставку с ним, вспоминает: маршал, по её словам, выглядел так, будто его переехал танк. Он был в полубессознательном состоянии, лицо как сплошной синяк, один глаз вытек.

ВЕДУЩИЙ. 9 ноября 1938 года Василий Константинович Блюхер скоропостижно умер. В свидетельстве о смерти было записано – из-за «закупорки легочной артерии тромбом, образовавшимся в венах таза». Только через 4 месяца, 10 марта 1939 года, судебные инстанции приговорили мертвого маршала к высшей мере наказания за «шпионаж в пользу Японии», за «участие в антисоветской организации правых и в военном заговоре».

АКТЕР. Но на этом Сталин не успокоился. Тем же решением к расстрелу были приговорены первая жена Блюхера Галина Покровская и жена брата Лидия Богуцкая. Еще через четыре дня расстреляли вторую жену бывшего маршала Галину Кольчугину. Третью – Глафиру Безверхову – Особое совещание при НКВД СССР приговорило к восьми годам лагерей. В феврале был расстрелян и брат Василия Константиновича капитан Павел Блюхер – летчик, командир авиазвена. Всех детей (их было 5), в том числе и грудного Василина, отобрали у матери, четверых сдали в детский дом, а Василина под другим именем отправили в сочинский дом ребенка. Судьба Василина так и осталась неизвестна.

АКТЕР. Разумеется, вы давно уже поняли – Дмитриев, еще недавно вершитель судеб сотен людей, исполнял в камере постыдную роль «наседки». Разговоры в камере записывались на магнитофон. Борис Соколов в книге «Берия. Судьба всесильного наркома» цитирует эти записи. Часть из них вы услышали сегодня.

ВЕДУЩИЙ. Грубо говоря, Дмитриеву предложили

сделку: если убедит маршала признаться в участии в «военно-фашистском заговоре» и в шпионаже в пользу Японии, ему гарантируют жизнь. Приводимая Борисом Соколовым в книге «Берия. Судьба всемогущего наркома» магнитофонная запись свидетельствует, что Дмитриев очень старался. Блюхер стоял на своем. В конце концов, он не выдержал пыток и умер.

Участь Дмитриева была решена. Первый ученик не выполнил задание партии. В марте 1939 года его расстреляли.

ПАУЗА

Из темноты на экране возникает почтовая открытка.

АКТЕР. Это, можно сказать, письмо с того света. Редчайший документ из 1937 года – почтовая открытка, отправленная машинисткой газеты «Звезда» Алевтиной Вишневецкой из Свердловской тюрьмы НКВД. Она знает: где-то рядом, в одной из соседних камер томится ее муж Павел.

На экране – фотография Алевтины и Павла Вишневецких.

АКТЕР. Его арестовали на три недели раньше, чем ее. Она верит, что еще увидит мужа. Откуда ей было знать, что Павла уже расстреляли и что самой ей жить осталось всего 4 месяца.

Снова на экране почтовая открытка.

АКТЕР. Алевтина обращается к бабушке, она еще верит, что вернется. Как получилось, что открытка вырвалась из тюрьмы и дошла до адресата, – неизвестно. Ее письмо звучит как завещание близким и детям.

Читает АКТРИСА:

«3.12.1937. Привет из Свердловска милые, родные мои Миша, Женя, бабушка. Я здорова. Приеду на место, сообщу адрес и тогда вы мне пошлете валенки, пальто и все, что мне необходимо. До моего письма ничего мне не пиши-

те. Прошу и умоляю, поддержите ребят, помогите им сообщать до моего приезда. Возьмите к себе мою маму с сестрой и Левой, также Костю и помогите моим детям встать на правильный честный путь. Знаю, родная, что тебе тяжело... за всю тяжесть, что свалилась на твою седую голову. Береги свое здоровье, не оставь ребят, живите дружно все вместе, не забывайте меня. Передай мою просьбу Наталье Михайловне, чтобы она помогла моим детям. Не отдавай ребят, они не оставят тебя в трудную минуту, да и вам вместе легче перенести разлуку и тяжесть. Милые Миша и Женя, не забывайте свою маму, она вас любит и думает о вас в надежде встретить вас хорошими ребятами. Учитесь, слушайтесь бабушку. Скучаю. Крепко целую вас всех... Продавай все, что можно, корми ребят, не бросай их. Ваша мама».

ВЕДУЩИЙ. Известный русский поэт Алексей Решетов. Год рождения 1937-й. И этим все сказано. Ровесник «большого террора», лишившийся в 37-м родителей и детства.

***На экране – фотография Алексея Решетова
Рядом с фотографией возникает текст
стихотворения.***

*Ведущий читает первые строчки стихотворения.
Затем к нему один за другим присоединяются актеры.
Второе четверостишие читают все вместе.*

**Не плачьте обо мне. Я был веселый малый.
Я тридцать лет копал подземную руду.
Обвалами друзей моих поубивало.
А я еще живу. Еще чего-то жду.**

**Не плачьте обо мне. Я сын “врагов народа”,
В тридцать седьмом году поставленных к стене.
В стране, где столько лет отсутствует свобода
Я все еще живу. Не плачьте обо мне.**

КОНЕЦ

ВСЕ МЫ ЧУВСТВУЕМ ДЕФИЦИТ ПРАВДЫ

Интервью Анастасии Сечиной со сценаристом спектакля «Прощай, Блюхер!» Александром Калихом – о палачах из 1937 года, домысленных репликах и потребности в достоверности.

– Откуда взялся сюжет для спектакля?

– Вместе с историком Андреем Суловым я на протяжении почти 20 лет редактировал краевую Книгу памяти жертв политических репрессий. И не только редактировал, но и сам записывал воспоминания многих репрессированных. Обучал волонтеров «Мемориала», участников проекта «По рекам памяти», умению вести интервью, а затем готовил их записи к публикации в Книге. В моей памяти десятки таких сюжетов.

Многие годы мне не дает покоя тема палачей, непосредственных организаторов и участников террора против собственного народа. Кто эти люди, что побудило их переступить преступный порог, как они объясняли сами себе, чем оправдывали «право» на убийство?

В беседах с репрессированными (их имена звучат в этом сценарии) я впервые услышал о масштабной операции НКВД по «разоблачению» несуществующей право-троцкистской контрреволюционной повстанческой организации. Её жертвами стали сотни людей, в том числе отцы моих собеседников. Я засел в архивы. Документы назвали имя руководителя операции – начальника УНКВД Свердловской области Дмитриева. Он был не просто исполнителем приказов «сверху», он был исполнитель инициативный, так сказать, с выдумкой. Именно Дмитриев придумал и осуществил сценарий операции.

Дальнейшие архивные изыскания открыли невероятный сюжет, связанный с арестом Дмитриева, его

встречей в тюремной камере с маршалом Блюхером, с той предательской ролью, которую по поручению следствия он пытался сыграть во имя спасения самого себя.

– Насколько сценарий спектакля документален? Есть ли там вымышленные сцены?

– Спектакль практически полностью основан на реальных документах эпохи. Исключение составляют разве что диалоги Дмитриева и Блюхера. Как известно, они были записаны чекистами на магнитофон. В спектакле использованы эти записи, но домыслены несущественные реплики, которые необходимы героям при знакомстве, рассказах о своем прошлом.

Думаю, я имел право добавить такие фрагменты в сценарий. Да, речь идёт о документальном театре. В нём преобладает точный, подтверждённый документом факт. Но всё-таки прежде всего это – театр. Спектакль, если он вызывает однолинейные эмоции – слабый спектакль. Даже сухой, абсолютно официальный документ должен заговорить в театре языком образа, художественного обобщения. Вот в чём заключалась главная задача и главная сложность не только при написании сценария, но и при постановке.

– Скажите одним абзацем, что лично вы хотели сказать этим спектаклем зрителю.

– Я хотел рассказать зрителю, как может ломать человеческую душу тоталитарный режим. И не просто ломать – извращать, уничтожать, обесчеловечивать. И хотел спросить у современного зрителя: нравится ли ему это?

– Почему, по-вашему, важно искать новые формы для разговора с аудиторией о политических репрессиях?

– Все мы чувствуем дефицит правды. Причём не только в разговоре о политических репрессиях. И если власть позволяет себе удовольствие в создании зон умолчаний и лжи, то мы себе это позволить не можем. Нормальные люди сегодня, как никогда, ощущают острую потребность в достоверности. Иным языком невозможно говорить ни со своими единомышленниками, ни, тем более, с оппонентами.

Так что рождение вербатима (то есть документального театра, хотя эти понятия не до конца соответствуют друг другу) – это ответ на реальную потребность, живущую в обществе. Если же говорить о личном, то мне эта новая театральная форма очень близка. Она лаконична, убедительна и понятна зрителю. И поэтому невероятно трудна для всякого автора, клюнувшего на её внешнюю простоту.

ПРОСТО ЛЮДИ

Отчет о командировке в Чечню

Оказывается, от Назрани до Грозного в хорошую погоду можно доехать всего за полтора часа. Но это в мирное время. В том времени, в котором мы живем, лучше не загадывать. Главное доехать. Есть два маршрута: через Горогорск или по трассе Ростов-Баку. Через Горогорск, особенно если вы лицом не вышли или что-то не так с документами, ехать вроде бы проще, там почти нет блок-постов. Но кого вы встретите в дороге – это уж как повезет. Говорят, что в Радужном и Побединском базируются банды, которые по-прежнему зарабатывают, беря в плен заложников. Не знаю, мы проехали по этому маршруту и ничего такого не заметили. Кроме, может быть, разбросанных вдоль дороги здоровенных баков и цистерн, в которых местный криминальный бизнес держит самопальный бензин. Ну, это вы не раз видели по нашему телевидению: подпольные заводы по переработке нефти и наши солдатики, взрывающие самодельные производства.

Ехать по трассе Ростов-Баку вроде бы спокойнее. Хотя, как сказать. Блок-пост «Кавказ» – это отдельная песня. На самом деле он состоит из множества постов: на одном регистрируют машину, на другом проверяют ваши документы, на третьем еще чего-то досматривают. И так далее. Русские и чеченские милиционеры ведут себя вполне вежливо. Меня за несколько поездок ни разу не тронули, а вот друга моего Черкасова несколько раз вызывали из машины на тревожные переговоры. Причиной тому была, конечно, окладистая борода, которую Черкасов вздумал вырастить как раз перед поездкой в Чечню⁸¹. А может, дело было проще. После нескольких типовых вопросов Александру предлагали заполнить форму № 50. Он не соглашался, ссылаясь на то, что средств на все блок-посты у него не хватает. Тогда ему предлагали заполнить форму № 30. Но он, жадина, упор-

⁸¹ Наличие бороды у мужчины вызывало у представителей силовых структур сильное подозрение: вполне возможно, что перед ними чеченский боевик. Вообще же мусульмане рассматривают бороду как символ мужественности, а её отращивание по завещанию пророка Мухаммеда считается необходимым, чтобы отличать мусульман от неверных огнепоклонников.

но стоял на своем. В конце концов, вежливый милиционер снижал запрос и требовал «на водичку». Черкасов возвращался в машину довольный - опять сторговался на десятку.

В Чечне по сравнению с прежними годами – почти мирное время. Напряжение вроде бы спало, можно шутить и смеяться. Только как-то не шутится. Вот навстречу нашей «Ниве» ползет бронетранспортер, по бокам вдоль дороги почти на полкилометра растянулась цепочка солдат в касках. Идет разминирование. В другой раз, когда мы стояли в очереди к блок-посту, метрах в 200 от трассы стали стрелять. Что случилось? Да ничего особенного. Никто даже внимания не обратил. Тишина в Чечне обманчива, она полна подтекстов и страха. Страх, ставшего частью жизни, привычкой.

И еще Чечню переполняет память о недавней истории. По этой дороге в начале 90-х, когда дудаевцы взяли столько суверенитета, сколько им пообещал президент Ельцин, уходили русские беженцы, жители Грозного. В 99-м, в начале второй войны в Чечне, по этой же трассе уходили чеченцы. Двигалась колонна из десятков тысяч беженцев. Я дилетант в военном деле, но понял так: федеральные войска, готовясь к захвату Грозного, ультимативно предложили мирным жителям в два дня покинуть город. И двигаться в сторону Серноводска и Ассиновской – там, мол, создана зона безопасности. Многотысячная толпа женщин и детей двигалась вот именно здесь, по этому асфальту. И именно здесь их настигла бомбардировка. Летчики расстреливали легковые машины, гонялись за людьми. Погибли сотни.

За одно десятилетие – два несчастья, две трагедии. Русский исход. И чеченский исход. И те, и другие брошены на произвол судьбы. Ограблены и унижены.

II.

На краешке равнины у самого подножья Кавказа расположилось древнее село Д. Как и везде, война оставила здесь свои отметины – разрушенные дома, следы автоматных очередей на стенах. Мы приехали, чтобы встретиться с двумя молодыми людьми, недавно вернувшимися после

многих дней неволи. Их похитили в ночь с 7 на 8 декабря прошлого года. Мои спутницы, Элиза и Наташа⁸², работающие в правозащитном центре «Мемориал», узнали о захвате в Д. наутро, в тот же день встретились с семьями пострадавших, записали их рассказы. Все было, как и в сотнях других случаев: ночью в дом врываются люди в масках. Не представляясь, ничего не объясняя, – руки в наручники, на голову до самого носа – спортивную шапочку и сверху обматывают скотчем, чтобы человек не видел и не слышал.

Родственники рассказали, что люди в камуфляжной форме прибыли целой колонной – «Урал», «Нива», УАЗ и даже бронетранспортер. Все машины без номеров. Говорили по-русски, вроде бы без акцента. Но поди разберись ночью, да еще в шоковом состоянии в этих самых акцентах.

Нас принимают в доме одного из пострадавших, того, что старше по возрасту. Он выглядит совершенно больным. Ему трудно дышать и говорить, переломы ребер отзываются резкой болью. Как все это было? Бросили в машину, везли примерно часа полтора. Куда? Кто его знает... Потом он оказался в бетонном помещении. Холод. Руки, зажатые наручниками, страшно распухают и мерзнут.

Во время допросов отклеивали скотч с ушей, гремела музыка. Он запомнил слова припева: «Пойду служить. Как все, как все...». Били по ребрам, по почкам, по ногам. Руки и ноги отморожены. Почки отбиты, но он еще этого не чувствует, почки дадут знать о себе позже, надо срочно лечиться.

Их вывезли и бросили на обочине дороги, заклеенных и связанных скотчем, слепых и глухих, неспособных стоять на ногах. Подобрали случайные люди. У второго парня по-

⁸² В те дни, когда писались эти строки, я не решился вслух назвать фамилии моих спутниц. Можно только подивиться их мужеству – ведь каждый день они действовали в условиях предельного риска для жизни. Действовали, чтобы защитить права простых людей, ставших жертвами поголовного разбоя, захватов заложников, незаконных арестов. Но их критика как кадыровского режима, так и федеральных «силовиков» вызывала ненависть с обеих сторон. Наташа Эстемирова, одна из моих спутниц, известная всему миру правозащитница, погибла 15 июля 2009 года. Виновники ее убийства до сих пор не найдены и не наказаны.

мимо перемолотых ребер и отбитых почек сломана нога. Но в таких случаях в Чечне не принято жаловаться. Ведь живы! Чего еще желать? В половине подобных случаев люди исчезают бесследно, нередко их останки находят в местах захоронений.

Элиза и Наташа уговаривают парней лечиться. Рядом в селе Ч. неплохая больница, там есть специалисты. Но парни отказываются: «Не надо, мы уж как-нибудь дома, домашними средствами». Они не хотят назвать истинную причину своего нежелания лечь в больницу. Гордые чеченцы! А причина проста – страх. В больнице они будут чувствовать себя еще более беззащитными, чем дома. Могут схватить в любой момент, и никто не спасет.

Нередко члены семей, откуда похищают мужчин, отважно бросаются вслед за людьми в масках. Они сопровождают их на машинах, пытаются узнать, куда везут родственника. А потом матери и дети перекрывают дороги, сутками митингуют у комплекса правительственных зданий в Грозном (в народе – КПЗ. Видели бы вы этот комплекс! Высоченные заборы наглухо отгородили новую чеченскую власть от простых людей). И день, и два стоит толпа у КПЗ. Прокуратура, как водится, возбуждает уголовное дело, людям что-то обещают, что-то расследуют. Но почти всегда безрезультатно...

В Чечне идет охота на мужчин. Похищают все: боевики, федералы, служба безопасности и просто бандиты. Действуют абсолютно одинаково. Ночь, машины без номеров, маски, скотч. Но у каждого похитителя своя причина – кому-то нужен выкуп, кому-то сведения о прошлом своего пленника, компромат на его соседей, а кто-то использует так называемые адресные зачистки, чтобы насладиться предсмертными мучениями врага.

...Откровенны ли с нами молодые люди? По-моему, да, доверяют – особенно моим спутницам, многое сделавшим, чтобы они оказались на свободе. Но есть тема, к которой по молчаливому согласию мы стараемся не прикасаться. Они не хотят говорить о допросах. Что было, что удалось выбить следователям? Не дай бог задать такой вопрос. Мало

кто выдерживает пытки. Называют первые попавшиеся адреса. «Оперативная разработка» продолжается, ширится, захватывает все больше людей. «Гости» в масках врываются в новые и новые дома.

Человек, под пытками давший показания на соседа, вносится в список доносчиков. Вырваться из этого круга невозможно. Иначе вы рискуете опять попасть в бетонный подвал, и неизвестно выйдете ли оттуда живым.

15 января в Грозном мне вновь «повезло» стать свидетелем трагических событий. В этом доме несчастье произошло несколько часов назад, ночной ужас еще не оставил встретивших нас женщин. Они успели проследить за машиной, увозившей братьев М-вых в сторону Ханкалы. Жены написали заявления в районный УВД, в прокуратуру. Приехал чин из МВД Чечни. Ему говорят: надо в Ханкале искать. А он машет руками, что вы, никто из нас туда доступ не имеет. Обращайтесь в отдел по розыску пропавших. Через день женщины, пытаясь привлечь внимание к своей беде, перекрыли Ханкальскую трассу. Случайно там оказалась бригада телевизионщиков из Москвы, снимали участников пикета. Огласка помогла, вскоре заложники вернулись домой. Сегодня это редчайший случай - российские журналисты в Грозном⁸³, да еще делающие сюжет не о новых достижениях местной власти, а о рыдающих женщинах, потерявших своих мужей.

III.

Кто поможет простому человеку в Чечне? «Если ты не работаешь в администрации, не сотрудничаешь с властью, – говорят они мне, – ты никому не нужен, никто тебя не защитит». Грозненские правозащитники обещают помочь, но не гарантируют успех. Они знают, чего это стоит – найти че-

⁸³ Вторая чеченская война (1999-2000 гг.) проходила под знаком жесткой информационной блокады, покончившей с журналистской «вольницей» предыдущей военной кампании в Чечне. Постановлением правительства № 1538 в декабре 1999 г. был создан Российский информационный центр, который монопольно фильтровал информацию с театра военных действий.

ловека и вырвать его из рук похитителей. Средств защиты не так уж много. Письма в «инстанции», обращения к известным российским и международным организациям.

Каждая происходящая в Чечне «адресная зачистка» находит отражение в электронной Хронике насилия, наподобие той, что выходила в далекие уже советские 60-80-е годы. Хроника расходуется по всему миру. И мир отзывается, пишет, звонит, выступает в Страсбурге, не дает покоя министрам, разным уполномоченным, отвечающим за соблюдение прав человека в Чечне. Иногда слово пробивает стену. Мне так и вовсе повезло: все три случая похищений, в расследовании которых пришлось поучаствовать, закончились вполне по местным меркам благополучно. Братья М-вы вернулись буквально через два дня после передачи на российском телевидении. Правда, одного из них тут же увезли в реанимацию, но врачи обещали привести его в порядок.

29 января вернулся из плена и Хамзат Осмаев, врач, мануальный терапевт. Мои новые друзья из ПЦ «Мемориал» в Назрани сообщили: «Состояние тяжелое, но он жив!». Необычность этого случая заключается в том, что Осмаев с 1999 года (с момента начала второй войны в Чечне) живет в Ингушетии. Но и здесь, в соседней республике, его достала нескончаемая «оперативная разработка», чей-то вольный или невольный донос. Жена Хамзата, с которой мы говорили наутро, рассказала, что некий знакомый недавно предупредил: у ФСБ имеется снимок начала 90-х годов, где изображен Осмаев на большом спортивном празднике, неподалеку какой-то полевой командир, который тогда таковым еще не был, но в будущем им станет. Сейчас идет «разработка» по этому снимку, так что имейте в виду.

Ну вот, оно и пришло. Почти на три недели человек исчез. За это время в его защиту выступили Московская Хельсинкская группа, международная организация Хьюман Райтс Вотч. Председатель комиссии по правам человека при президенте РФ Белла Панфилова пересказала на радио «Эхо Москвы» историю с фотоснимком, который стал причиной ареста-похищения. Требования освободить известного в Чечне и Ингушетии врача шли в генеральную

прокуратуру РФ, прокуратуру Чечни. И какая-то кнопка сработала!

Ни одно российское силовое ведомство официально не признало свое участие в похищениях и пытках в Чечне. Не подтвердило, но и не опровергло. Хранит молчание и служба безопасности.

Есть, правда, свидетельства некоторых военных. Опять же не подтвержденные, но и не опровергнутые. Вот что говорит офицер воинской части, дислоцированной в горной Чечне⁸⁴:

[Журналист]: Это вы похищаете по ночам людей и потом уничтожаете?

[Офицер]: Процентом 30 из них похищены и убиты в результате криминальных разборок между самими чеченцами. 20 процентов – на совести боевиков, которые уничтожают тех, кто сотрудничает с федеральными властями. А процентов 50 уничтожаем мы. С нашим продажным судом просто нет другого выхода. Если пойманных боевиков, как положено, ловить и отправлять в следственный изолятор «Чернокозово», их очень скоро родственники выкупят. Такими методами мы стали действовать, когда основные группы боевиков в горах были уже уничтожены. Войска встали. Приезжали прокуроры, стали заниматься ерундой, типа мир устанавливать. Все должно быть подкреплено доказательствами и т.д. Допустим, у нас есть оперативная информация, что человек бандит, руки по локоть в крови. Приезжаем к нему с прокурором, а у него дома ни одного патрона нет. За что его арестовывать? Поэтому уничтожать боевиков под покровом ночи – это самый эффективный способ войны. Они этого боятся. И нигде не чувствуют себя в безопасности. Ни в горах, ни дома. Крупные операции сейчас не нужны. Нужны операции ночные, точечные, хирургические. С беззаконием можно бороться только беззаконными способами».

⁸⁴ См.: В. Речкалов. Человек из другого ущелья: Беседа в бронетранспортере с начальником разведки по дороге на Дуба-Юрт // Известия. 2003. 28 марта.

Не берусь комментировать этот монолог. Не стану также разводить участников тех событий на правых и виноватых. Могу только, вместе с Элизой и Наташей, засвидетельствовать, что офицер говорит правду. Правду о войне, о взаимной ненависти, превращающей обычных людей в уголовных преступников.

Любой житель Грозного, даже самый маленький, знает, что такое Ханкала. Это военная база на окраине Грозного. За колючей проволокой сосредоточены практически все федеральные силовые ведомства – ФСБ, ГРУ, органы дознания, всякие разведки, спецназы и так далее. Сюда, как утверждают местные жители, везут многих похищенных.

Такой же ужас вызывает возглавляемая Рамзаном Кадыровым служба безопасности ЧР. В ней на первых ролях недавние боевики и бандиты. Особой жестокостью прославился некий Пират, который руководит охраной местного лидера партии «Единая Россия». В свое время Пират получил «срок» за прежние подвиги, совершенные при Масхадове, а теперь срочно амнистирован. И таких много. Конечно же, эти Пираты ни за какую свободу и независимость не воюют. Война им мать родна. Они наслаждаются безнаказанной властью над людьми, сводят счеты с кровными врагами, пытаются и грабят.

IV.

Юрист Лидия Юсупова возглавляет Грозненский пункт правозащитного центра «Мемориал». Недавно ей пришлось в качестве адвоката защищать 19-летнего парня, недавнего школьника, арестованного службой безопасности. Ему предъявили немыслимые обвинения: убийства, подрывы, обстрелы. Вот ее рассказ.

«Я никогда не спрашиваю у подсудимого: тебя бьют? Нет, так нельзя, потому что представьте состояние молодого чеченца: он унижен! Спросила, как бы в шутку: ну как, вас тут, массируют? Он опустил голову. Я говорю: подними рубашку. Он не поднимает. Говорит, мне неловко, у мужчин так не принято. Тогда я сама подошла и подняла рубашку. Не знаю... Это были сплошные бурые, кровавые,

запекшиеся полосы. Видимо, били дубинкой. Вся грудная клетка, вся спина в этих полосах. И при этом чистое лицо, по самое горло. Мастерски бьют. Вижу, ему трудно дышать, так бывает, когда ломают ребра. Я говорю присутствующему во время нашего разговора оперативнику: вот это и есть ваше представление о законе? Он не отвечает, будто дар речи потерял. Это был, между прочим, мой бывший студент (Лидия преподает на юридическом факультете Грозненского университета).

Вызвала его начальника и спрашиваю: когда сюда поступил мой подзащитный, были ли зафиксированы побои? Улыбается. Я потребовала журнал, где должен быть зарегистрирован мой подзащитный и состояние его здоровья. Он говорит: врача нет, журнала нет, врач уехал.

Потом Лидия беседовала один на один с несчастным парнишкой. Его избивали в течение месяца. Он все выдержал, не оговорил ни себя, ни знакомых, ни родных. Но сорвался и подписал все, что требовали, когда, как он выразился, «притронулись к брюкам». Ему, доведенному до крайней степени унижения, сказали: мы сейчас тебя за «Машку» пушим...

V.

Один мой собеседник, которому я рассказал о командировке в Чечню, с видимой болью сказал: «Не надо смотреть на происходящее их глазами. Не забывайте, это именно они расправились с русскими в начале 90-х, десятки тысяч людей изгоняли из своих домов». Было такое, еще как было! Особенно после того, как наши доблестные генералы то ли отдали, то ли продали дудаевцам целые арсеналы оружия.

На общую нашу беду, и русским, и чеченцам есть, о чем вспомнить и чем похвастаться.

Этот жертвенный курган создавали все мы вместе – каждый привнес к его подножию не одну пригоршню вражды. Так и живем – каждый со своей правдой. И со своей неправдой. И всем нам «недосуг» разобраться, где начало и где конец.

23 февраля 1944 года по приказу Сталина войска НКВД под командованием Берии, генералов Серова и Круглова провели операцию, за которую названные полководцы получили по ордену Суворова I степени. По статусу этим орденом могли быть награждены командующие фронтами и армий за разгром численно превосходящего противника. То есть насильственную депортацию чеченского и ингушского народов товарищ Сталин уподобил крупнейшим операциям, проведенным на фронтах Великой Отечественной войны. Всего в районы Казахстана, Сибири, Урала было вывезено около 500 тысяч человек.

Вот где истоки памяти, горькой памяти...

Через несколько дней после начала депортации, 27 февраля 1944 года, войска НКВД собрали жителей высокогорного Галанчожского района, чтобы доставить их к местам погрузки. Жителям предстояло совершить двух-трехдневный переход по заснеженным горным тропам. Средств для перевозки детей, престарелых и больных не было. Дальше цитирую записку заведующего сектором отдела административных органов ЦК КПСС В. Тикунова и сотрудника Главной военной прокуратуры Г. Дорофеева от 31 октября 1956 года (по распоряжению Н.С. Хрущева этим чиновникам было поручено провести специальное расследование по вскрывшимся после открытия архивов фактам):

«Собраным на хуторе Хойбахой жителям сельсовета представители НКВД объявили, что все больные и престарелые должны остаться на месте для лечения и перевозки в плоскостные районы. По свидетельству очевидцев, значительное число граждан, в основном женщины с детьми, беременные, больные и старики, были отделены от бывшей колонны.

После увода переселяемых солдаты завели оставленных жителей в большой колхозный сарай и подожгли его, а находившихся там людей стали расстреливать из автоматов и пулеметов».

Погибли около 700 человек. Для чеченцев и ингушей трагедия в Хойбахое стала трагическим символом. Как у других народов – Лидице, Хатынь, Куропаты, Сонгми.

VI.

... В Грозном мы побывали у Мемориала жертв депортации чеченского народа. В центре – каменная рука с громадным кинжалом. На мемориальной стене, расстрелянной всеми видами оружия, выбиты слова: «Не забудем. Не заплачем. Не простим».

Вся площадка заполнена надмогильными памятниками (чуртами). На многих сохранилась древняя арабская вязь. После депортации чеченцев из Грозного в опустевшие дома заселили тысячи русских, привезенных из центральной России. Новая местная власть испытывала острую нехватку строительных материалов. Приняли решение использовать надгробные камни на мусульманских кладбищах. Из них делали заборы, их закладывали в фундаменты жилых домов, в основание дорог. Через много десятилетий первое, что сделал генерал Дудаев, – приказал искать эти камни. Их свозили сюда, к Мемориалу, со всей Чечни. Выстроившись тесными рядами, они стоят до сих пор.

Мемориал разрушен и расстрелян. Разрушено все вокруг. Неподалеку место, где стоял бывший республиканский комитет партии (позже дворец президента). Его нет, снесен до основания. Если проехать еще немного, – печально знаменитая площадь Минутка. Напротив – разрушенный многоэтажный дом. Черными глазницами окон смотрит он на Мемориал⁸⁵.

2004 г.

⁸⁵ В феврале 2014 года Мемориал жертв депортации чеченского народа демонтирован и перенесен в другое место, далекое от центра Грозного. По указу главы республики Р. Кадырова официальный День депортации чеченцев 23 февраля перенесен на 10 мая, день похорон его отца, А. Кадырова.

БЫТЬ СВОБОДНЫМ В УСЛОВИЯХ НЕСВОБОДЫ

Сахаров и Солженицын: близкие и далекие?

Сила убеждений

Натан Щаранский:

В тюрьме легко ощущаешь глубины свободы

САХАРОВ И СОЛЖЕНИЦЫН. БЛИЗКИЕ И ДАЛЕКИЕ

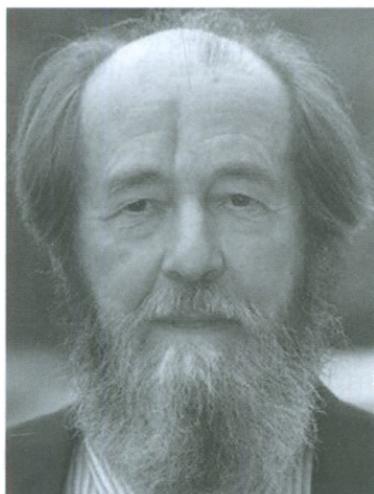
Ведущая Светлана Маковецкая (Центр «Грани»):

Перед нами две исторические фигуры – Сахаров, и Солженицын. Символичным является их противостояние, их сотрудничество. Александр Михайлович Калих, который мало того, что журналист с тридцатилетним стажем, он является организатором, основателем и бессменным руководителем Пермского «Мемориала». Имеет смысл представителю именно этой организации исследовать сложные переплетения их взаимоотношений, их идейного спора.

Мы требуем от наших лекторов пристрастности. Это выступления людей о том, что их волнует. И это мнения тех, кто своей практикой, своими взглядами и своими амбициями доказал право представить себе и нам пристрастное экспертное мнение.

А.Д. Сахаров

А.И. Солженицын

АК: Дорогие друзья, не могу не согласиться. Прямо и откровенно признаю, да, пристрастен, потому что этих людей не только почитал, но и, было время, – поклонялся. И даже знаю в зале людей, которые примерно то же переживали вместе со мной. Это было время иллюзий, время, возможно, ошибок. А дальше мы выросли, что-то менялось, но вот так получилось, что через почти всю жизнь прошло наблюдение – не то слово – размышление об их жизни, характерах, человеческих качествах.

Я думаю, что они оба незаслуженно и даже в каком-то смысле хамски забыты. Особенно, Сахаров. Ну, Солженицына как писателя еще знают, не слишком, правда, глубоко. А вот насчет Сахарова сложнее. Он не писатель, он выступал в роли публициста, в роли правозащитника, и это усваивается и помнится, наверное, немножко хуже. Всё-таки время стирает какие-то важные грани, и, возможно, то, что было актуально тридцать лет назад, сегодня, может быть, уже не отвечает на наши запросы и сомнения.

С Андреем Дмитриевичем Сахаровым мне довелось встретиться в 1988 году на учредительной конференции всесоюзного общества «Мемориал». Для провинциала это было настоящее потрясение. Андрей Дмитриевич Сахаров стал первым председателем общества «Мемориал». Больше скажу: не просто председателем, а человеком, идеи которого или, лучше сказать, духовные принципы оставили отпечаток на всей жизни и развитии «Мемориала».

Кстати, недавно я выступал с этой темой перед студентами педуниверситета. Для начала спросил у ребят, кто такие они, Сахаров и Солженицын? Солженицына они всё-таки вспомнили, кое-кто даже читал. А с Сахаровым возникла пауза; одна девочка сказала: это кто-то из военных. И тогда, понимаете, я почувствовал, что надо говорить, надо напоминать и, может быть, вместе думать о прошедшем. Это мой личный некий долг...

...Итак, давайте сначала о встречах, реальных личных встречах этих людей. Первая произошла 26 августа 1968 года. Я надеюсь на некоторые ностальгические воспоминания старшего поколения. 1968 год, 26 августа – это, значит, через несколько дней после ввода советских войск в Чехословакию и выхода на Красную площадь семерки блестящих молодых людей с лозунгом «За вашу и нашу свободу!» Они, с моей точки зрения, спасли честь страны. Солженицын и Сахаров тоже не хотели молчать, намеревались выступить с заявлением. Свой вариант текста им предложил известный кинорежиссер Михаил Ромм – вас, может быть, удивит этот факт... Встреча произошла на квартире Евгения Файнберга, сотрудника и друга Сахарова, доктора наук.

Позже Сахаров вспоминал, как Солженицын вошел в квартиру, проверил все окна, задернул шторы и сказал, что это конспирация. Андрей Дмитриевич же, наоборот, всегда и везде вел себя подчеркнуто свободно, он не желал никакой конспирации. Тем более, что она была и невозможна: он был секретным, охраняемым и сопровождаемым суперученым мирового класса. И страна бережно «сопровождала» его, в том числе, во время его правозащитных, диссидентских акций.

Так получилось, что эти увлекающиеся, страстные люди обсуждали не столько события августа шестьдесят восьмого, сколько недавно вышедший меморандум Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», распространившийся по всему миру. Солженицын сразу же бросился в атаку, он заявил, что Сахаров преуменьшает преступления Сталина и напрасно отделяет его от Ленина, Сахаров осуждает лишь сталинизм, а не коммунистическую идеологию. Солженицын заявил, что России не нужна многопартийная система, нужна беспартийная.

Позже Александр Исаевич оформит свои претензии в форме личного письма к Сахарову. В этом письме он выска-

зал принципиальную мысль: «Нет и не может быть нравственного социализма. Всё это гипноз целого поколения». Вы помните, о чем идет речь? Нравственный социализм – социализм с человеческим лицом. Это та самая Чехословакия, это заблуждения первого поколения диссидентов, вера в то, что социализм можно усовершенствовать. Что ему можно придать человеческое лицо...

Сахаров не ответил на это письмо, не ответил, наверное, потому, что 1969 год прошел под знаком болезни его первой жены, Клавдии Алексеевны, а это была его первая любовь. Ему было не до дискуссий. Тем не менее, в будущем в своих воспоминаниях они рассказали об этой встрече.

Солженицын о Сахарове.

«С первого вида и с первых же слов,- говорит Солженицын, – он производит обаятельное впечатление: высокий рост, совершенная открытость, светлая, мягкая улыбка, светлый взгляд, теплогортанный голос. Мы просидели с ним четыре вечерних часа, для меня уже довольно поздних...».

На секунду отвлекусь. Солженицын был человеком крайне четкой организации труда: в девять вечера он уже спал – для него это было позднее время. Но читаем дальше.

«...так что я соображал неважно и говорил не лучшим образом. Я был, наверное, недостаточно вежлив и излишне настойчив в критике, хотя сообразил это уже потом: не благодарил, не поздравлял, а все критиковал, опровергал, оспаривал его меморандум. И именно вот в этой моей дурной двухчасовой критике он меня и покорил! – он ни в чем не обиделся, хотя поводы были, он не настойчиво возражал, объяснял, слабо-растерянно улыбался – а не обиделся ни разу, нисколько. Признак большой, щедрой души».

Сахаров о Солженицыне.

«Мы встретились на квартире одного из моих зна-

комых. Солженицын с живыми голубыми глазами и рыжеватой бородой, темпераментной речью необычайно высокого тембра голоса, контрастировавшей с рассчитанными, точными движениями, – он казался живым комком сконцентрированной и целеустремленной энергии. Я в основном внимательно слушал, а он говорил – страстно и без каких бы то ни было колебаний в оценках и выводах».

Вот это тоже запомните: без каких-либо колебаний. Солженицын часто был жестко прямолинеен, но все понимали: он выстрадал свои убеждения. Школа тюрем и лагерей.

«Он остро сформулировал – в чем он со мной не согласен. Ни о какой конвергенции говорить нельзя. Запад не заинтересован в нашей демократизации, он запутался со своим чисто материальным прогрессом и вседозволенностью, но социализм может его окончательно погубить... Я преуменьшаю преступления Сталина и напрасно отделяю от него Ленина. Неправильно мечтать о многопартийной системе, нужна беспартийная система, ибо всякая партия – это насилие над убеждениями ее членов ради интересов заправил. Ученые и инженеры – это огромная сила, но в основе должна быть духовная цель, без нее любая научная регулировка общества, – самообман, путь к тому, чтобы задохнуться в дыме и гари городов. Я сказал, что в его замечаниях много истинного, но моя статья отражает мои убеждения».

Для молодежи я все же поясню: конвергенция – идея Сахарова, это идея взаимопроникновения двух враждебных систем, капиталистической и социалистической, взаимопроникновения лучшего в них. Конвергенция для Сахарова важная, дорогая идея, он к ней возвращался не раз. И нам с вами есть, о чем подумать.

Следующая их встреча произошла в 1970 году, в мае. Они обсуждали новый меморандум Сахарова – «Письмо руководителям КПСС и СССР». На этот раз Солженицын

сказал Сахарову: я радуюсь тому, что вы, наконец-то, перешли ясно и бесповоротно на рельсы противостояния существующему режиму. Это было не до конца так, но, тем не менее, да, Сахаров, двигался в сторону от социализма... от идеи социализма с человеческим лицом в сторону еще не ясного либерализма, скажем так: не ясного, не сформулированного для него самого.

Интересная деталь: по окончании разговора Сахаров попросил Солженицына выступить в защиту арестованных правозащитников - генерала Григоренко и Анатолия Марченко. Солженицын отказался. Они уже были осуждены, один сидел в психушке, другой в тюрьме. Солженицын: «Они сами выбрали свой путь. Если мы будем вытаскивать их из тюрьмы, из психушки, то это нанесет вред и им самим, и всему движению». Правильно или неправильно, но у Сахарова это вызвало особые эмоции. Честно говоря, писал он, «у меня холодок прошел».

Тем не менее, через месяц Солженицын и Сахаров вместе – теперь уже вместе – выступили против психиатрической госпитализации Жореса Медведева, брата Роя Медведева, известного публициста. Оба брата известные ученые, публицисты – не буду уходить в детали, читайте и узнаете. Редкий случай, заявление возымело действие, Жореса выпустили на свободу.

Следующая встреча прошла на фоне развернувшейся в стране – и старшее поколение обязательно это помнит – газетной и телевизионной травли Солженицына и Сахарова. Сначала весь вал «критики» был направлен против Солженицына. Он первым открыто выступил против режима. Сахаров стал ясен как противник режима несколько позже. И вот теперь они догнали в этом смысле друг друга. Я надеюсь, вы можете при желании поднять газеты того времени, в которых на свой вечный позор выступали крупные ученые, известные писатели, артисты, выступали против Сахарова и Солженицына. И не стеснялись в выборе слов и эпитетов: вырожденцы, шпионы, пособники, ну и так далее.

И тот, и другой, скажу я вам, достаточно спокойно несли на своих плечах крест этой травли. Они знали, на что шли. Угрозы и предательства, ложные, бессмысленные обвинения не мешали им размышлять о будущем страны, о своих следующих шагах, о том, как объяснить людям и миру свою позицию.

В 1972 году Солженицын жил неподалеку от Москвы в деревне Жуковка на даче у Ростроповича, всемирно известного виолончелиста. Прославленный музыкант дал Солженицыну пристанище. И вот там они с Сахаровым стали встречаться вновь. К тому времени у каждого из них были новые семьи. Солженицын расстался со своей первой женой, которая ждала его из заключения. Чувствую, надо бы, учитывая состав аудитории, подробнее рассказать о судьбе этих людей. О том, например, что Солженицын в 40-50-е годы отсидел в лагерях восемь лет, потом была ссылка. Обо всем этом можно прочесть: «Раковый корпус», «В круге первом», «Бодался теленок с дубом» и другие произведения.

И надо бы рассказать о Сахарове, великом ученом, создателе водородной бомбы, человеку, который первым же и восстал против водородной бомбы, против ее испытаний в воздушной среде. Он одним из первых понял как ученый, как человек, как гражданин, что еще немного – и последствия этих испытаний станут необратимыми, и не только на территории СССР. Он был обласкан властью, невероятно обласкан, он имел все, как говорят обыватели. Персональную дачу, охрану, академический оклад. Член-корреспондент, академик...

И что-то стало происходить с этим человеком: сначала выступил против испытаний, затем все более сближался с правозащитниками, стал их духовным лидером. Проявил редкое мужество, порвал с лживой системой, отказался от всех ее благ и обрел свободу. На одном из пленумов ЦК товарищ Хрущев, который освободил миллионы репрессированных, стучал кулаком и орал... не говорил, а орал: «Ваше дело – заниматься физикой, не лезьте в политику, для этого

есть мы». А Сахаров предостерегал, советовал – он тогда еще советовал – прекратить ядерные испытания. Кстати сказать, в 1963 году, еще при Хрущеве, был-таки заключен Договор о прекращении ядерных испытаний в воздушной среде, а затем и под землей.

Так вот, они встречались в Жуковке, во время этих встреч часто присутствовали жены. В «Дневниках писателя» Солженицын (это уже где-то в 2000 году) писал, вспоминая Сахарова тех дней, что он прозрачен от собственной чистоты. Но вот Елена Боннэр его раздражает, она не оставляет мужа ни на минуту, не дает возможности один на один обсудить вопросы, которые, как он считал, ни в коем случае не должны попасть ненужным адресатам. Солженицын был непрост, но и Боннэр, прямо сказать, человек... Сложный, жесткий – ну, как хотите.

Последняя их встреча состоялась 1 декабря 1973 года. Солженицын открыто раздражен, презрительно намекает Елене Боннэр, что ее присутствие ему мешает. Резко высказывается в адрес нелюбимых им «лохматых диссидентов». Открытой ссоры не было. Сахаров выдержал тяжелый пресс «всемирной» травли, но он не вынес обиды, нанесенной любимому человеку. Десять лет они с Солженицыным не общались, десять лет почти не упоминали друг друга в своих выступлениях, печатных и устных.

Через много лет Солженицын напишет о тех днях:

«Хотя мы продолжали встречаться с Сахаровым <...>, но не возникли между нами совместные проекты или действия. Во многом это было из-за того, что теперь не оставлено было нам ни одной беседы наедине, и я опасался, что сведения будут растекаться в разломаченном клубке вокруг «демократического движения», – он его плохо выносил, это демократическое движение.

И следующая цитата:

«Давние, многомесячные усилия Сахарова в поддержку эмиграции из СССР, именно эмиграции, едва ль не предпочтительнее перед всеми остальными проблемами,

были наваяны в значительной мере тою же волей и тем же замыслом». Тайнственно сказано.

Ответ Сахарова:

«Это уже что-то демоническое, почти протоколы сионских мудрецов!»

Объясняю, почему и о чем эта фраза. Как правозащитник Сахаров защищал многих людей, обращавшихся к нему. Но одной из самых актуальных проблем времени было право человека на свободный выезд из СССР и проживание в любой стране мира. Особенно остро звучал в те дни вопрос об эмиграции евреев. Намерение выехать на жительство в другую страну советская пропаганда подавала почти как предательство, евреев и представителей других национальностей унижали, запугивали, чинили бессмысленные препятствия. Все это вызывало волну возмущения в мире и в нашей стране. Сахаров был одним из самых активных защитников тех, кому по надуманным причинам запрещали выезд.

К сожалению, Александр Исаевич, не считавший эту проблему сколько-нибудь важной для страны, и не слишком скрывавший свою антипатию к евреям, не стеснясь, отделял русского Сахарова и его жену Елену Боннэр – еврейку по национальности. Отсюда его раздраженные, недобрые слова о том, что поддержка Сахаровым эмиграции наваяна *«в значительной мере тою же волей и тем же замыслом».* Это, напоминает Сахаров, прямая цитата из «Протоколов сионских мудрецов» - библии антисемитов и фашистов всех поколений.

С досадой и болью приходится говорить о том, что вслед за Солженицыным (или параллельно ему) аргумент о тайном «замысле», о зловредной еврейке, сбившей невинного ученого с верного пути, получил распространение в десятках изданий и статей, инициированных организаторами травли Сахарова. С болью и сожалением говорит Андрей Дмитриевич:

«Мне обидно, что Александр Исаевич, гонимый своей целью, своей сверхзадачей, так многого не понял, или вер-

ней – не захотел понять, во мне и моей позиции в целом, не только в вопросе об отъезде, но и в проблеме прав человека, и в Люсе», – свою жену Елену он называл Люсей, – «в ее истинном образе и ее роли в моей жизни».

Но забудем на время их личные отношения. Было нечто гораздо более важное для них (и для нас), вызывавшее принципиальное несогласие и заочную полемику. В марте 1974 года Солженицын опубликовал в самиздате «Письмо вождям Советского Союза». Хочу вместе с вами перечитать отклик Сахарова «О письме Александра Солженицына «ВОЖДЯМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА» (3 апреля 1974 г.). Кстати, что такое самиздат, все ли знают?

Запрещенные романы, стихи, политические воззвания, письма перепечатывались на пишущих машинках... Все то, что невозможно было опубликовать в открытой печати. Сколько экземпляров брала печатная машинка? На папиросной бумаге – до восьми экземпляров. За распространение и за чтение самиздата люди получали серьезные сроки. Но только так можно было узнать, что на самом деле происходит в стране, и только так они могли узнать мнение о происходящем Сахарова, Солженицына и еще многих достойных людей, настоящих граждан.

Возвращаюсь к отклику Сахарова на «Письмо вождям...». Первое, что обращает внимание: Сахаров решительно возражает против подчеркивания страданий и жертв именно русского народа. Александр Исаевич осознал себя защитником прав и интересов русских, считая их наиболее пострадавшей нацией в период большевизма. Позже, в 2000-е годы он определил свою позицию как «национальный патриотизм», «национал-патриот». И в то же время Солженицын не считал нужным сблизиться или как-то сотрудничать с национал-патриотами, считал их «узколобыми» и часто действовал вопреки их призывам. В конечном итоге он, желая всегда оставаться независимым, не примкнул ни к одному политическому течению.

Сахаров:

«...ведь все мы знаем, что ужасы гражданской войны, раскулачивания, голода, террора, Отечественной войны, неслыханных в истории антинародных жестоких репрессий, миллионов вернувшихся из плена, преследования верующих, – что все это в совершенно равной мере коснулось и русских и нерусских подданных советской державы. А такие акции, как насильственная депортация – геноцид, как борьба с национальными освободительными движениями, подавление национальной культуры, – это даже в основном привилегия именно нерусских».

Не буду комментировать: я думаю, понятно. Солженицын верит в то, что заменой марксизма на здоровую идеологию, может быть только православие. В скобках: Солженицын вынес из лагерей глубочайшую веру в бога, православную веру, и она определяла многие его поступки и даже его, скажем, политическое лицо. И нравственное – это особенно.

Но читаем Сахарова дальше:

«Ему рисуется... православие спасет русский народ. Эта уверенность лежит в основе всей его концепции. Но я убежден, что в действительности националистическая и изоляционистская направленность мыслей Солженицына, свойственный ему религиозно-патриархальный романтизм приводят его к очень существенным ошибкам, делают его предложения утопичными и потенциально опасными».

Далее. Сахаров считает неприемлемым предложение Солженицына о необходимости для России умеренного авторитарного строя: *«Солженицын пишет, что, может быть, наша страна не созрела до демократического строя и что авторитарный строй в условиях законности и православия был не так уж плох, раз Россия сохранила при этом строе свое национальное здоровье вплоть до XX века. Эти высказывания Солженицына чужды мне. Я считаю единственным благоприятным для любой стра-*

ны демократический путь развития. Существующий в России веками рабский, холопский дух, сочетающийся с презрением к иноземцам, инородцам и иноверцам, я считаю величайшей бедой, а не национальным здоровьем».

Лично мои представления совпадают с этими мыслями Сахарова. Но, если подумать, многое важное кроется и в позиции Солженицына. Он не стесняется, пусть косвенно, проявить очевидное недоверие народу, точнее его гражданской зрелости. Но, в самом деле, вопрос актуален и сегодня: способны ли россияне враз перебраться в демократическое будущее, в царство свободы и прав человека? Я часто думаю об этом, и на многие вопросы не могу найти ответа. А у Солженицына нет сомнений, он говорит об авторитарном строе как верном варианте для России. Он считает, что России нужен духовный пастор, умный, прозревший будущее воспитатель народа.

Основой всего Солженицын считает православие, его возвышающий и оберегающий духовный аспект.

Сахаров выступал против преувеличения Солженицыным опасности технического прогресса. Вряд ли аудитория знает об этом: Александр Исаевич считал, что в больших пыльных и грязных городах невозможно возродить национальный дух... Он предлагал осваивать северо-восток страны, – за Уралом, север Сибири. Там надо осесть, там все начать заново. Жить небольшими общинами, отказаться от больших городов, заменить крупные производства простыми предметами труда. Короче говоря, вернуться в прошлое ради того, чтобы накопить новый потенциал, национальный потенциал, духовный потенциал.

Но Сахаров возражает:

«Наша страна не может жить в экономической и научно-технической изоляции», – кстати сказать, вековая славянофильская жажда особого пути, уверенность в полной самодостаточности нации – при всем прекраснодушии эти идеи предстают как тот же искус, искус изоляционизма.

Мы не можем жить *«без мировой торговли, в том числе и без торговли природными богатствами страны»*, – говорит Сахаров, – *в отрыве от мирового научно-техниче-*

ского прогресса, который представляет собой не только опасность, но и одновременно единственный реальный шанс спасения человечества». «А община, в частности, тоже не представляется мне панацеей от всех бед, хотя я не отрицаю ее привлекательности в определенных условиях. Мечта Солженицына о возможности обойтись простейшей техникой, почти что ручным трудом, выглядит вообще непрактичной, а в трудных условиях Северо-Востока – заранее обреченной на провал».

Сахаров продолжает. Он считает, что нам необходима не изоляция, а сближение с Западом. *«...Я в первую очередь возражаю против стремления отгородить нашу страну от якобы тлетворного влияния Запада, от торговли, от того, что называется «обменом людьми и идеями». Единственная форма изоляционизма, которая разумна, – это нам не лезть с нашим социалистическим мессианством в другие страны, прекратить тайную и явную поддержку смуты на других континентах, прекратить экспорт смертоносного оружия».*

Не скрою, я сейчас испытываю отчетливое ощущение, будто речь идет не о тех уже давних годах, а о сегодняшнем дне, о сегодняшних дискуссиях, время которых давно прошло и в которых Сахаров уже «все себе (и нам) доказал».

В ноябре 1974 года, уже будучи в Париже, в вынужденной эмиграции, Солженицын выступил против этой статьи Сахарова в сборнике «Из-под глыб». Как и прежде, он добивал Сахарова за его... ну, не совсем четкую и жесткую позицию по отношению к марксистской идеологии. Он писал о том, что марксистская идеология выкручивает наши души. Ядом этой идеологии пропитано все в нашей стране. Дальше ответ Андрею Дмитриевичу – о темпах демократизации в СССР: *«быстрая демократизация опасна, так как межнациональные противоречия, десятикратно накаленные, чем в прежней России, разорвут страну и затопят кровью рождение у нас демократии».*

Надеюсь, участники дискуссии еще вернуться к этому высказыванию Солженицына и оценят насколько оно справедливо в наши дни. А сейчас – самое важное для присутст-

вующих здесь правозащитников – отношение Солженицына к идее прав человека. В разных источниках он по-разному высказывался на этот счет, но в целом идея прав человека оставалась на обочине его размышлений и представлений о будущем России. Не удивительно, что он отвергает сахаровскую концепцию прав человека и даже называет ее одной из форм анархизма.

Осмелюсь изложить сахаровскую концепцию прав человека – так, как она изложена в его знаменитом эссе «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Человеческий масштаб Сахарова таков, что в его осмыслении всем известная идея приобретает глобальный смысл. Он считает, что соблюдение прав человека является необходимым условием не только здорового развития нашей страны, но и необходимым условием мира. Если идея прав человека станет смыслом и целью деятельности каждого отдельного человека и всех правительств, эти принципы смогут изменить мировое сообщество. Они могут стать импульсом к развитию демократии, к созданию свободной экономики, развитию гражданского общества. Для Солженицына все это звучало несколько отвлеченно и утопично. Он не мог считать права человека универсальным выходом для человечества, потому что твердо верил в другие ценности, в другие маяки, которые могут указать путь в будущее.

От теоретических размышлизмов возвратимся к событиям их жизни. Февраль 1974 года, арест и высылка Солженицына. Сцена ареста и высылки ярко описана в его эссе «Бодался теленок с дубом». Прочтите, пожалуйста. Она описана так ярко, что и плачешь, и смеешься. Недолгое время он живет в Швейцарии и во Франции. Затем с семьей переезжает в США и далее на многие годы – знаменитое Вермонтское отшельничество.

Теперь он, как когда-то с СССР, «бодается» с Западом, упрекает его за моральное разложение, эгоистическую и бездуховную погоню за деньгами и т.д. Запад, встретивший его с восторгом, вскоре поутих, интерес к мятежному писа-

телю стал падать. Главным итогом того периода его жизни я считаю манифест «Как нам обустроить Россию?». В июле 1990 г. документ огромными тиражами был опубликован на родине. Это – сложная и, по-моему, крайне противоречивая работа. В ней содержится масса предложений (около двухсот) о том, как обустроить Россию. Концептуально они исходят из его ориентации на прошлое, на 19-й век, который он считал базовым в процессе становления русской нации и русского государства.

Солженицын предсказывал скорый развал Советского Союза, и все его мысли посвящены тому, что надо сделать, чтобы процесс раскола прошел бескровно.

Но давайте читать выдержки из этого манифеста:

«...Всё равно «Советский Социалистический» развалится, всё равно! — и выбора настоящего у нас нет, и размышлять-то не над чем, а только — поворачиваться проворней, чтоб упредить беды, чтобы раскол прошёл без лишних страданий людских...»

«Отделением двенадцати республик - этой кажущейся жертвой — Россия, напротив, освободит сама себя для драгоценного внутреннего развития».

Эти предвидения, пожалуй, не вызывают желания спорить. Что случилось, то случилось. Но дальше... Вот как он видел отделение Казахстана:

«Во всём раздутом Казахстане казахов — заметно меньше половины. Их сплотка», — сплоченность, место проживания, — «их устойчивая отечественная часть — это большая южная дуга областей, охватывающая с крайнего востока на запад почти до Каспия, действительно населённая преимущественно казахами. И коли в этом охвате они захотят отделиться», — именно в этом, южном охвате — ну и бог с ним, — «то и с Богом».

Дальше, об украинцах. *«Это всё — придуманная не-давние — (недавно) — фальшь, что чуть не с IX века существовал особый украинский народ с особым не-русским языком».* В сущности, Солженицын отказывает украинцам

в праве на их национальный язык. Вольно или невольно.

В целом, предлагает он, необходимо создать единую республику – единый славянский, Российский Союз. И зачем в таком случае украинцам их украинский язык? Две последние фразы вызвали в Казахстане демонстрации, на Украине (теперь принято говорить – в Украине) жгли портреты Солженицына. Как не раз бывало в прошлом, погруженность в идею, почти фанатичная уверенность в ее единственность приводят Александра Исаевича к ненужному противостоянию, тому самому, от которого он сам предостерегает читателей.

Он пишет:

«...Мы оказались на том краю государственного спектра, где столь сильна центральная власть... Не следует нам спешить опрометчиво сдвигаться в хаос: анархия – это первая гибель, как нас научил 1917 год».

О чем речь? *«...Уже созданный статут потенциально сильной президентской власти нам ещё на немалые годы окажется полезным».*

То есть в отличие от большинства демократов первого разлива Солженицын выступал за сохранение сильной президентской власти. Что вполне соответствует его концепции сильной власти, авторитарной власти.

«...Демократию мы выбираем не потому, что она изобилует добродетелями, а только чтоб избежать тирании», – сильная фраза. – *«Выбираем – с сознанием её недостатков и поиском, как их преодолевать».*

Обратите внимание, дорогие друзья, он говорит о демократии, но имеет в виду нечто свое: *«Никакое коренное решение государственных судеб не лежит на партийных путях и не может быть отдано партиям. При буйстве партий – кончена будет наша провинция и вконец заморочена наша деревня».*

Помню, у меня манифест «Как обустроить Россию» вызвал странное чувство. Я ожидал от своего кумира чего-то нового, каких-то прорывов, открытий. Да, показалось мне, много важного, много полезного, но иногда крайне

спорного, даже не основательного. Сам факт выхода манифеста вызвал общественный взрыв, помню, все бегали в поисках приложения к «Комсомолке», где он был опубликован. Но нашло ли это произведение широкого и понимающего читателя? Как ни странно, оно прошло по касательной общественного внимания, не задев в людях живой нерв, не найдя достойный отклик.

Задолго до публикации Солженицын передал свой манифест Горбачеву. Но тот не решился выдвинуть его на обсуждение депутатов Верховного Совета. И, в конце концов, заявил, что это все устарело - община, земства как форма самоуправления и все прочее... Всенародного обсуждения не было, разве что отдельные публикации в прессе, демонстрировавшие скорее недоумение, чем поддержку и понимание. Из прошедшей тогда недолгой и неглубокой дискуссии мне запомнилась лишь одна фраза: то, что предлагает Солженицын, – это ретроутопия.

27 мая 1994 года. Ровно через двадцать лет после ареста началось триумфальное возвращение Солженицына на родину. Он планировал свой приезд заранее, за много лет. Он хотел увидеть всю страну, хотел знать, что с ней происходит. Спецпоезд с семьей Солженицына двигался от Владивостока на запад. Первое, что он сделал, – спустился на землю Магадана и преклонил колени перед всеми жертвами ГУЛАГа, перед всеми людьми, которые разделили с ним его страдания. Это был, конечно, сильный шаг.

В каждом городе его приветствовали многотысячные митинги. Путь растянулся почти на полтора месяца. В Перми его тоже ждали члены общества «Мемориал», студенты, преподаватели. Андрей Борисович, помните?

А.Б. Суслов: Помню-помню. Он мне сказал по телефону, говорит: понимаете, так вот получилось, не смогу. Устал в дороге.

АК: Я тоже помню переполненный актовый зал педуниверситета. Мы сидели часа два, если не три, ждали его. Обидно, но встреча не состоялась.

А.Б. Суслов: Но он не вышел к публике: его ждали журналисты и, в общем, вся общественность города.

АК: Ну, не надо старые обиды беречь, Андрей Борисович.

Смех.

Что было потом? Широко разрекламированный цикл передач на телевидении. Сначала они привлекали к экранам миллионы людей, потом все меньше и меньше. Наконец, обидев живого классика, цикл прервали на полуслове – низкий рейтинг. Выступление Солженицына в российской Думе. Полупустой зал, вежливое, безучастное внимание. А он так готовился к этому выступлению!

Что это было? Усталость народа, пережившего за последние годы столько испытаний? Антипатия интеллигенции, представителей которой он как-то обозвал образованцами? А может, сам классик стал чужим, далеким, непонятным? Затрудняюсь ответить. Время покажет и, надеюсь, всех и все расставит на свои места.

А теперь вернемся к Сахарову. Январь 1980 года – арест и ссылка Сахарова в Горький. Об этом пишет вся западная пресса. Он лишен званий трижды Героя Социалистического труда, а также званий лауреата Государственной и Ленинской премий. Полная изоляция, попытка писать воспоминания, научные статьи, рукописи которых исправно исчезали по воле КГБ. Попытки протеста, голодовки, насильственное кормление. Кстати, нынешний главный врач больницы, который производил это самое кормление, сейчас спокойно работает на своем посту, жив-здоров.

Еще одно «знаменательное» событие: Сахарова посетил в Горьком (неизвестно, как и почему, ведь не допускали никого) печально известный публицист Николай Яковлев, автор книги «ЦРУ против СССР», даже по тем временам удивительной по количеству лжи и грязи, которые он вылил на Сахарова и Солженицына. О Сахарове он, напри-

мер, писал, что его избивает Елена Боннер, что он целиком подчиняется ей и вынужден идти у нее на поводу. Кстати, в Интернете можно при желании найти эту нечистую книгу. Так вот Сахаров при всей его мягкости и интеллигентности врезал Яковлеву пощечину и выгнал из дома.

1986 год, декабрь. Неожиданно на квартире устанавливают телефон. Звонок Горбачева: возвращайтесь, включайтесь в общую работу. 23 декабря Андрей Дмитриевич возвращается в Москву. Выборы в Верховный Совет СССР. Миллионы людей голосуют за Сахарова. Он стал народным депутатом. Тогда же создающееся общество «Мемориал» предложило населению страны проголосовать за тех, кого бы они хотели видеть в составе рабочего совета «Мемориала». Было, без преувеличений, всенародное голосование. В результате и Солженицын, и Сахаров вошли в состав рабочего совета. Но Солженицын отказался (видно, по давней своей нелюбви к «лохматым» диссидентам), а Сахаров согласился, и стал первым почетным председателем всесоюзного общества «Мемориал».

Как и Солженицын, Сахаров оставил свой проект переустройства страны. Речь идет о проекте «Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии» (14.12.89 г.). В преамбуле Андрей Дмитриевич писал: «Цель народов СССР - счастливая и достойная жизнь, благополучная жизнь. И мир во всем мире». Такова же цель его Конституции. Она коренным образом противостояла действовавшей тогда советской конституции, в которой полностью отсутствовала сама идея защиты прав человека. О многом мы уже знаем. Вновь звучит Сахаровская концепция нераздельной связи между правами человека и миром на земле, между выживанием человечества и открытостью общества. В связи с этим он предлагает закрепить в Основном законе страны:

свободу эмиграции, свободу передвижения (ст.6); запрещение медицинских и психологических опытов над людьми без их согласия (ст.6); соблюдение принципа презумпции невиновности (ст.9); запрещение дискриминации

по национальным, религиозным и политическим убеждениям. Существенным было и его предложение о том, чтобы Всеобщая Декларация прав человека ООН и Пакты о правах человека, а также другие международные соглашения имели на территории страны прямое действие и приоритет перед законами Союза и республик (ст.5).

Какова судьба сахаровского манифеста? Его проект не был принят и, более того, не обсуждался в Верховном Совете – законодательном органе того времени. По моим ощущениям идеи сахаровской Конституции не задели общество, она не попала в эпицентр общественного внимания. В узких кругах единомышленников – да, проект обсуждали. Но как-то вяло. И так же вяло отреагировали на то, что Верховный Совет отказался выставить проект Сахарова на обсуждение депутатов.

Два великих человека, два Нобелевских лауреата, которые смогли, в сущности, сдвинуть эту страну, предложили свои проекты обустройства будущего нашей родины. Но страна их, в сущности, не заметила. Почему? Разумеется, у каждого из них были свои противники, которые в принципе не хотели никаких перемен, а тем более предлагаемых вчерашними «врагами народа». Могучее коммунистическое лобби сделало свое дело, спустило «на тормозах» проекты Сахарова и Солженицына.

А народ? Что народ? Он был занят совершенно другим: выживанием, своими бедами, несчастьями. Бурные годы перестройки вызвали новый приступ усталости и равнодушия. Общество в целом (в целом!) почитало Сахарова и Солженицына как духовных отцов нации. Но их идеи казались какими-то неуместными, заоблачными, неосуществимыми, далекими от реальных событий и проблем времени.

При всем том не могу сказать, что идеи Сахаровского проекта совсем не нашли отражения в российской Конституции и других законодательных актах. Нашли, в этом легко убедиться. Другое дело, как они реализуются в повсед-

невной жизни. Здесь можно много говорить, у каждого из нас наболело: действия власти очень часто идут не просто вразрез, но против смысла и буквы действующей Конституции. И дело тут не в Сахарове, а в нас самих.

Два великих человека жили среди нас. Два великих утописта. Только один звал в прекрасное, но невозвратное прошлое, а другой в, казалось бы, неисполнимое будущее (футуристическая утопия).

Они ушли из жизни – очень близкие и в то же время очень далекие люди. Ушли не примирившись, не найдя согласия в многолетней дискуссии. Вот так же на протяжении веков не могут найти общего языка славянофилы и западники, сторонники «особого» пути России и те, кто ощущает ее как часть огромного мира. Надеюсь, мы еще не раз вернемся к их духовному наследию, разберемся, поймем, начнем жить по-другому. Как Роден, отсечем лишнее, не оправдав себя. И будущее станет вполне реальным, вполне исполнимым. Собственно, для этого жили они и живем мы.

*На лекции присутствовали 72 человека.
В дискуссии выступили 17 человек.*

СИЛА УБЕЖДЕННОСТИ

Слово об Андрее Дмитриевиче Сахарове (21 мая 1921 – 14 декабря 1989), великом физике, академике, политическом деятеле, правозащитнике, одном из создателей советской водородной бомбы, лауреате Нобелевской премии мира.

Сахаров-ученый получил в жизни все – славу, награды, премии. Он мог жить спокойно, не утруждая себя муками совести, заботами о правах человека. Но он отказался от всего — от комфорта, научной карьеры, наград.

Говорят, политика грязное дело. Невероятно сложно увязать политику с требованиями совести. Пожалуй, Сахаров один из первых, кто решил увязать и увязал несовместимое. Смыслом его политической деятельности стала совесть. И в этом его коренное отличие от партийных деятелей застойных, да и нынешних лет. Какая уж там нравственность? Любыми средствами удержать власть, привилегии, а для этого вбить послушание, единомыслие в общество, любыми средствами заставить выполнить «предначертания»... Поменьше самостоятельной мысли, побольше слепого подчинения!

Потому-то мы и имеем сегодня то, что имеем. Кризис не просто экономики, не просто политики – мы имеем кризис морали. Уроком для меня, да и для всех нас должна стать (жаль, что не стала еще при жизни Сахарова) простая истина: действительно только то, что по совести, что необходимо народу, отражает его интересы.

Впрочем, все в жизни непросто. Помните, каким ударом, каким болезненным открытием для всех нас стало то, что те, ради кого он шел на лишения, его не понимают. Стыдно вспоминать некоторые выступления на съездах на-

родных депутатов. Стыдно и страшно! Как оттирали его от микрофона, мешали, озлобленно топали ногами защитники Державы...

Андрей Дмитриевич не был агнцем божьим. Когда понадобилось, нашел в себе силы ответить пощечиной стукачу Яковлеву, преследовавшему его в 70-х годах (явно по заказу КГБ) ложными обвинениями в печати. Это был взрыв, понятный и справедливый, однако совершенно несвойственный Сахарову. Чего только не приходилось ему выслушивать в свой адрес! Он умел это делать спокойно – по крайней мере, внешне. И продолжал тихо доказывать свое.

Он не заботился об ораторских эффектах. Только мысль, только идея... Если надо, – услышите, поймете.

Общество «Мемориал» – во многом его создание. Но и здесь он никогда не солировал, всегда был чуть в тени. Только при обсуждении самых принципиальных вопросов вставал и говорил: «Здесь так, а здесь вот так...».

«Мемориалу» никак не удавалось провести свою учредительную конференцию. Мешали на всех уровнях, вплоть до ЦК. Любое демократическое движение можно задавить мелочами. Затянули с представлением зала, запросили за аренду невероятные деньги, наложили другие ограничения.

Сахаров вместе с Евтушенко, Афанасьевым были в ЦК, пытались выяснить, кто и почему мешает открытию конференции. Какой-то чинуша пытался что-то объяснить. Они не удовлетворились, дошли до М. С. Горбачева. Буквально на следующий день нашелся зал, появилась возможность провести конференцию.

Я был ее делегатом и там впервые увидел Андрея Дмитриевича Сахарова. Уже тогда были заметны на нем следы усталости, напряженной научной и политической работы, горьковской ссылки – всего, что ему пришлось пере-

жить. Одежду носил небрежно: пиджак съезжает в сторону, галстук не на месте. Лицо очень простое, никаких следов гениальности. Но когда идет спор, борьба, тут он совсем другой. При всем том, что у него и тихий голос, и мягкие черты лица, проглядывает сила, – не упорство, а именно сила убежденности...

Я наблюдал, как это совершенно неотразимо действует на людей. Когда конференция стала обсуждать вопрос о том, как быть с теми, кто в годы репрессий проявил себя палачами, многие делегаты потребовали расправы над ними. Честно говоря, и наша маленькая делегация приехала с убеждением, что в принципе нужен свой Нюрнберг, нужны жесткие кары. Эти мысли до сих пор проскальзывают в печати, а тогда они доминировали. Вопрос шел к завершению, готовилась декларация, в которой мы хотели потребовать от Верховного Совета преследования всех, кто «отличился» в годы репрессий. И тут Андрей Дмитриевич говорит совершенно другое: не надо повторять 37-й год, не надо призывать народ к новым расправам. Главное – нравственное осуждение, и оно должно стать всеобщим.

После выступления Сахарова в зале наступило оцепенение. Как быть? Делегатам, среди которых было немало бывших узников политических лагерей, казалось, что он либеральничает, не понимает общее настроение, царящее в зале. Создали комиссию из авторитетных правозащитников, юристов. Что делать – комиссия, а потом и вся конференция вынесли резолюцию: «Признать массовые незаконные репрессии преступлением против человечества и провести общественный суд над Сталиным и всеми виновными в репрессиях». Это решение во многом изменило ход конференции.

Шла жесткая борьба между разными идейными течениями в «Мемориале», но мудрость Сахарова как-то умирала пыл, создавала рабочую обстановку в зале. Люди

стали слушать и слышать друг друга. Наиболее радикальная часть (в основном молодежь) утверждала, что ни на какие контакты с аппаратом идти нельзя. И опять же Андрей Дмитриевич заявляет – на компромиссы с аппаратом идти надо, чтобы использовать все возможности для решения проблем репрессированных, защиты их прав и интересов. Но при этом не терять свои позиции, не уступать в главном.

После учредительной конференции для журналистов (я представлял газету «Звезда») устроили пресс-конференцию, на которой кроме советских журналистов были коллеги из многих стран мира: Японии, США, Франции, Англии.

Конечно же, большинство вопросов журналисты адресовали Сахарову. Его, например, спросили о задачах, которые ставит перед собой движение «Мемориал». Как всегда, Андрей Дмитриевич ответил кратко и внешне просто. Но эта формулировка – навсегда. «Мемориал», сказал он, это триединство задач. Первая – вернуть прошлое, вернуть историю народу. Второе – защитить тех, кто попал в сталинскую мясорубку, вернуть им утраченное достоинство, компенсировать материальные потери. Причем в это число входят и раскулаченные в конце 20-х – начале 30-х годов, и те, кто пострадал в брежневские 60-70-е годы. «Мемориал» одинаково отвечает за всех. Государство должно выплатить им компенсации за моральный и материальный ущерб. И третья задача – создать гарантии неповторения того, что произошло с обществом в прошлом. Вот почему «Мемориал» поддерживает демократические начинания любых неформальных движений.

На фоне всеобщего безверия и отрицания эти слова Сахарова выглядели святотатством. Но здесь – мудрость. Не случайно именно «Мемориал», благодаря такой позиции, сумел вырасти в воистину массовое движение. Побеждает тот, кто умеет объединить людей, порой разных взглядов, ради общей, признанной всеми идеи.

На пленуме «Мемориала», состоявшемся незадолго до смерти А. Д. Сахарова, прозвучал такой вопрос: «Так

скажите, Андрей Дмитриевич, что же построили в нашей стране? Социализм или что-то иное?».

Вдруг просит слово белорусский писатель Алесь Адамович: Андрей Дмитриевич, одну минуточку, байку расскажу. В Китае развернулась дискуссия: что они построили – социализм или?.. Долго спорили и пришли к мнению, что это нечто такое – как назвать, никто не знает. И решили китайцы не обзывать социализмом то, что построено. Сформулировали следующее утверждение: современное поколение китайцев еще не достойно жить при социализме, а потому давайте отложим его еще лет на сто. Так и порешили.

Байка вызвала улыбки в зале. Сахаров же высказал мысль, которая запомнилась всем: «Общественный строй должен удовлетворять двум требованиям. Он должен быть эффективным и справедливым. А то, как он называется, – не имеет никакого значения».

По-моему, Сахаров сумел в двух словах сказать все, что нам сегодня надо. Наша система, действительно, не эффективна и несправедлива. Значит, путь к цивилизованному обществу один – создать здоровую экономику на основе здоровой нравственности.

В конце мая 1989 года после окончания первого съезда народных депутатов Пермский горком партии выпустил инструкцию для пропагандистов и агитаторов города о том, как надо объяснять то, что происходило на съезде. Конечно же, там указывалось осуждать все выступления Сахарова, особенно его предложение об отмене 6-й статьи Конституции⁸⁶.

Тогда мне запомнился комментарий одного известного журналиста: «Вот она – вечная проблема русской интеллигенции. Сахаров настолько ушел вперед, что от зала съез-

⁸⁶ Статья 6-я Конституции СССР 1977 года гласила: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза». А.Д.Сахаров был одним из зачинателей общественной кампании против политической монополии КПСС.

зда его отделяли десятилетия». Так оно и было. То к чему мы, плутая в потемках, еще только приходим, он прожил и сформулировал 20-30 лет назад.

Сахарова нет с нами. А нам еще жить и жить, чтобы прийти к нему.

Александр КАЛИХ

Газета «Зеркало», июнь 1990 г.

«В ТЮРЬМЕ ЛЕГКО ОЩУЩАЕШЬ ГЛУБИНЫ СВОБОДЫ»

Интервью с Натаном Щаранским в его доме в Иерусалиме

Натан Щаранский. Фото – Андрей Калих

Натан Щаранский:

– Большую часть своего срока я провел во Владимирской и Чистопольской тюрьмах. А пермский «период» прошел либо в самой 35-й зоне⁸⁷, либо в ШИЗО⁸⁸ той же 35-й зоны. В общей сложности, я, наверное, пару лет провел в изоляторе и месяцев 9-10 в самой зоне.

⁸⁷ 35-я – одна из трёх зон так называемого «Пермского треугольника» лагерей, в которых в бывшем СССР содержались политические заключенные. В «треугольник» входили исправительно-трудовые колонии ВС-389/35, ВС-389/36, ВС-389/37.

⁸⁸ ШИЗО (штрафной изолятор) – отделение исправительного учреждения, где расположены камеры для нарушителей режима содержания. Режим ШИЗО отличался особой жестокостью содержания заключенных.

– Мы привезли вам привет от одного из ваших друзей по зоне.

– Кто же это?

– Виктор Полиектов⁸⁹.

– Не может быть! Он совершенно исчез из моего поля зрения, никаких следов не было. Я о нем рассказал в своей книге «Не убоюсь зла»⁹⁰.

Ирина Кизилова:

– Я с Виктором переписываюсь.

– Как у него сложилась жизнь?

Ирина Кизилова:

– Он сейчас учится в магистратуре в Восточно-Европейском институте психоанализа в Санкт-Петербурге. А в 1995 году окончил философский институт Санкт-Петербургского государственного университета. Он мне написал, что благодаря вам выдержал все, что с ним происходило после встречи с вами в «Перми-35». Сначала его отправили в Институт имени Сербского в Москву на проведение психиатрической экспертизы. Конечно, признали шизофреником, как делали это с многими противниками режима, и перевели на лечение в психиатрическую больницу в Ленинград. Но

⁸⁹ Виктор Полиектов был арестован в 1984 году как член молодёжной антикоммунистической группы в Ленинградской области, где он служил в армии. Военный трибунал приговорил его по ст.ст. 70 и 72 УК РСФСР к 4 годам лагерей и 2 годам ссылки. Цитата из сборника «Вести из СССР» <https://vestiizsssr.com/2016/11/27/molodyozhnaya-antikommunisticheskaya-gruppa-1987-14-3/>

⁹⁰ Натан Щаранский. Не убоюсь зла. – Век, Олимп, 1991. – 400 с. – 100 000 экз.

когда сломалась политлагерная система, Виктора признали здоровым, и он смог поступить в университет. И еще он сегодня один из ведущих экскурсоводов по Питеру.

– Авиталь! Ты слышишь? Помнишь парня, которого я перевербовал, которого приставили ко мне, а он потом открыто объявил об этом? Так он сейчас один из лучших экскурсоводов по Петербургу. А мы как раз обсуждаем, задумали вскоре ехать в Санкт-Петербург, встретимся с друзьями. У вас, наверное, есть моя книжка? Про Полиектова многие детали уже не помню, почитайте там.

На снимке: Авиталь на приёме в Белом доме в период борьбы за освобождение мужа. Слева направо: президент США Рональд Рейган, Авиталь Щаранская, Иосиф Менделевич, вице-президент Джордж Буш, 28 мая 1981 г.

Авиталь – жена Натана Щаранского. В 1976 году Щаранский в соответствии с еврейской религиозной традицией заключил брак с Авиталью Штиглиц. Авиталь репатрировалась в Израиль, ожидая, что Натан присоединится к ней. Вместо этого он был осуждён. Авиталь вела упорную борьбу за освобождение мужа. У них две замужние дочери, Рахель и Ханна, и семь внуков.

– Детали могут забыться, ведь столько лет прошло. Но главное вряд ли ушло – атмосфера несвободы, в которой вы жили. Можно ли назвать это жизнью?

– Ну почему? Я с большим удовольствием вспоминаю ту жизнь, жизнь свободного человека. Там, как раз наоборот, ощущаешь себя гораздо более свободным человеком, чем в повседневной жизни. Там ты должен принять только одно решение, это сказать – нет. Каждый день ты должен заново говорить «нет» КГБ. У политического заключенного, как в моем случае, судьба очень простая: в любой день ты можешь освободиться, пойти на пресс- конференцию, сказать, что они правы, а ты не прав. В обмен на мягкий приговор. И мне все время об этом напоминали. Полковник Володин, который руководил группой из 17 следователей, говорил даже с некоторой гордостью: «Я тот человек, который вел дело Красина и Якира⁹¹. Вы же видите, мы им обещали, и мы их освободили. Поступайте умно, и мы вас освободим».

Как раз за несколько дней до ареста я слышал по радио «Голос Америки», как Красин в Париже устроил пресс-конференцию, встал на колени и каялся, просил прощения у своих бывших друзей. Я говорю полковнику: «Знаете, я не прошу двух конференций, мне лучше ни одной». Он: «Все, что мы от тебя хотим – это всего лишь слова. Только скажи, что мы правы, ты не прав».

⁹¹ Петр Якир, сын знаменитого генерала Красной армии, расстрелянного Сталиным в тридцать седьмом году. Самого его арестовали в возрасте четырнадцати лет, он семнадцать лет провел в лагерях. Вернувшись в 1956 году в Москву стал одним из самых яростных обличителей сталинских преступлений. Виктора Красина, отец которого погиб на Колыме, арестовывали несколько раз. Один из основных организаторов борьбы за права человека. В 1973 году вместе со своим соратником Петром Якиром он публично покался в «антисоветской деятельности» и дал КГБ показания против товарищей. Их показывали по телевидению: они признавали свою вину и каялись во время процесса, который был поставлен как грандиозное шоу.

Я конечно понимал, что это значит на самом деле... Я говорил себе: «Слава богу, когда ты стал диссидентом, ты стал свободным человеком. А сейчас они хотят забрать у тебя свободу, чтобы ты опять стал двоемыслящим, покорным, лояльным советским гражданином, который говорит одно, а думает другое. Чтобы остаться свободным ты должен каждый день говорить КГБ «нет». И на этом заканчиваются все твои обязанности. И ты свободный человек.

Полтора года допросов – все эти дни и месяцы мне угрожали смертной казнью. Я должен был сделать выбор, и принял сознательное решение, что моей целью не может быть физическое выживание. Потому что, если твоя цель физическое выживание, они тебя рано или поздно сломают. Никому не дано знать, сколько ему суждено жить. Но ты можешь твердо сказать себе, что останешься свободным до конца. Они будут наращивать давление - еще карцер, еще голод и холод, еще год без переписки и без свиданий с родными, но лишит тебя свободы они не могут.

Я провел 405 дней в карцерах и несколько лет в одиночке. Но это все чисто физически тяжелые вещи, а в моральном отношении именно здесь легко ощущаешь всю глубину своей свободы. Ты не делаешь то, во что не веришь. Сразу после суда, я принял решение – с КГБ не общаюсь. Говорю им: «Вы незаконная организация в тюрьме. Я не обязан с вами разговаривать».

Почему я так действовал? Во-первых, так спокойней. Они любое твоё слово будут использовать в своих интересах, если с ними общаться. А во-вторых, чтобы исключить провокации.

Случай с Полиектовым оказался наиболее ярким. В зоне первое, что ты ощущаешь – все вокруг неясно, непонятно. Не знаешь, с кем можно говорить откровенно, с кем нельзя. Но когда ты совершенно ясно, открыто отказываешься иметь дело с КГБ, это повышает вероятность того, что люди будут тебе доверять. Действительно, за то время, что я провел на зоне «Пермь-35», у меня «накопился» ре-

корд по числу наказаний за отказ сотрудничать с КГБ. И все это знали хорошо. Один за другим стали приходиться ко мне люди и рассказывать, как их вербуют, как понуждают к доносам. И я знал, чем интересуется КГБ в отношении меня. У меня были, можно сказать, свои осведомители.

Что касается Вити, то он сначала ничего не говорил. Его посадили ко мне в поезд на последнем перегоне из Перми на станцию Всесвятская⁹². Он рассказывал о себе. И потом, уже в колонии, я все время видел: парень чего-то боится, чего-то не договаривает. Там были другие зэки, с которыми у меня хорошие отношения складывались. Они предупреждали, будь с ним поосторожнее. Я им: «Давайте присмотримся к парню, он ведь совсем еще мальчишка». И мы стали рассказывать ему о том, как здесь ломают людей, как легко попасть в сети КГБ и как трудно из них выпутаться. О том, как опасно иметь с охранкой общие, пусть даже самые пустяковые, тайны, о том, как страдают люди, за которыми связь с органами тянется до самого конца... Витя жадно слушал, переспрашивал, интересовался всеми деталями, и еще больше мрачнел.

Из книги Натана Щаранского «Не боюсь зла»:

«Наконец, как-то в конце февраля я подошел к нему и сказал без обиняков:

– Послушай, мальчонка, я вижу, тебя что-то очень мучает...

Наполнившиеся слезами глаза Вити смотрели на меня достаточно красноречиво. Дрогнувшим голосом он сказал:

– Хорошо, что ты сам меня спросил. Я давно уже думал признаться вам. Только сделать это я хочу не по секрету, а публично.

– Вот и прекрасно! – обрадовался я.

На следующий день в рабочее время в жилом бараке собралась небольшая компания: несколько свободных от смены зеков, Полиэктов и я. Витя рассказал нам, как во

⁹² Место расположения колонии «Пермь-35»

время следствия и после суда КГБ сумел убедить его в том, что все от него отказались, что друзья, которым он доверял, дали на него показания. С ощущением, что он предан всем миром, Виктор отправился на этап. В Пермской тюрьме его встретил выехавший ему навстречу Захаров. Несколько часов беседы с кагебешником, и парень подписал заявление, в котором обязался «оказывать содействие органам КГБ в борьбе с врагами советской власти»».

У него был настоящий кризис. Он назвал свою агентурную кличку, сказал, где и когда ему выдают продукты в награду за «работу», как вызывают на вахту, как он передает информацию «оперу» Захарову...

– *Его там подкармливали еще?*

– Естественно. У меня уже был тюремный опыт. Стукача легко распознать. Очень простой признак: если у зэка появляется чай второго сорта (а в зоне чай был главной «валютой»), это значит, что его подкармливают за некоторые услуги надзиратели. Если же он пьет грузинский первого сорта или тем более цейлонский чай, то это от «кума» (заместителя начальника по режимно-оперативной работе) или опера (начальника оперотдела) Захарова.

И вот он все рассказал. И подал заявление о том, что прекращает всякое сотрудничество с КГБ. Это был действительно отчаянный поступок, уникальный случай, когда человек так открылся! И мы решили отметить такое событие, устроили большой пир. Ели продукты, которые Виктор получал, он нам все выставил. Пришел Захаров, увидел, что мы торжественно пьем чай и едим хорошие консервы, и даже не стал подходить к нам.

Из книги Натана Щаранского «Не убоюсь зла»:

«...Назавтра после работы меня вызвали на вахту и зачитали рапорт: держал белье в неподобающем месте – под подушкой. Четверо суток ШИЗО...

Смехотворный срок – четверо суток – никого, конечно, обмануть не мог. За ним последовал новый: пятнадцать суток, потом еще пятнадцать. После этого меня перевели в ПКТ под тем стандартным предлогом, что я плохо влияю на других зеков. «Что ж, на сей раз это вроде бы соответствует действительности», – подумал я, с удовольствием вспоминая... всех, кого успел «перевербовать» за два месяца пребывания в зоне».

Все это было бы более или менее терпимо, если бы не очередной запрет на переписку с домом. На сей раз его сделали полным – и моих писем не отсылали, и мне не выдавали корреспонденцию. В начале мая, через три месяца после получения мамой моего последнего письма, я объявил голодовку.

– Это была вторая голодовка в вашей тюремной «карьере». Первую начали, когда в 1982 году администрация Чистопольской тюрьмы лишила вас всех связей с родными. И тогда, и сейчас вы не признавали компромиссов – победа или смерть. Страшно сказать, вы были готовы к любому исходу.

– Когда меня арестовали, я весил шестьдесят пять килограммов, к моменту начала первой голодовки – чуть больше пятидесяти, а в конце, после 110 дней изнурительной борьбы – тридцать пять. Я едва переставлял ноги. Врач сказал: «У вас дистрофия миокарда; потребуются месяцы, пока это пройдет». Но и через много лет, уже после освобождения даже небольшая физическая нагрузка сразу же напоминала мне о тех ста десяти сутках в чистопольской тюрьме.

Но и в том и другом случае я добился своего. Они были вынуждены вернуть мне контакты с родными людьми.

Из книги Натана Щаранского «Не убоюсь зла»:

«До конца срока оставалось несколько часов. Появился майор Осин.

– Ну как, Щаранский, не хотите ли побеседовать с оперуполномоченным Балабановым? – спросил он и, услышав отказ, заметил: – И себе жизнь осложняете, и нам.

Вскоре пришел дежурный офицер и зачитал постановление: «Щаранский нарушал режим: лежал на полу. Одиннадцать суток ШИЗО».

...Начальник лагеря Осин... был настоящим садистом, упивавшимся своей властью над зеками и наслаждавшийся физическими и моральными мучениями, которые им причинял».

Пониженное карцерное питание для голодающего не наказание: какая разница, от какой еды отказываться? Но холод... У меня в «Перми-35» было несколько периодов. Первый раз, когда я там сидел, все прошло относительно неплохо. Фонарь, который в камере ШИЗО горел, тогда не был огражден железной сеткой. Открутишь колпак, – и за пазуху. Обжигаетесь страшно, но зато согреваетесь. А когда меня через три года снова привезли на 35-ю зону, фонарь в ШИЗО уже был в железной решетке, так что его уже нельзя было открутить и погреться.

– *Сергею Адамовичу Ковалеву⁹³ тоже пришлось провести немало недель и месяцев в этом ШИЗО. Он рассказывал, что ребята из зоны каким-то образом умудрялись передавать ему старые газеты. Он ими укутывался, окутывается, газетная бумага греет.*

Ответьте, Натан: вот эти люди – Володин, Осин,

⁹³ Сергей Адамович Ковалёв – советский диссидент, участник правозащитного движения в СССР и постсоветской России, российский политический и общественный деятель. Один из авторов Российской Декларации прав человека и гражданина (1991 год) и 2-й главы Конституции РФ – «Права и свободы человека и гражданина» (1993). Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации в 1994-1995 годах.

Захаров и многие другие, которые вас «охраняли» – что они за люди? Фанатики? Идейные? Или просто циники, которые ни во что не верят, применяют насилие, не задумываясь и не тревожась о своей душе.

– Какая уж там душа? Чтобы выжить в этой системе, безусловно, надо быть циником. Но были среди них и те, кто искренне считал: это правильно, что власть так устроена. Вот мой следователь, который со мной регулярно общался, старший лейтенант Солонченко. Когда делали документальный фильм об истории диссидентства в СССР «Они выбирали свободу»⁹⁴, стали его искать, оказалось, умер несколько лет тому назад. Жалко, потому что у нас много с ним было бесед, интересно было бы продолжить.

– *Интеллектуальных бесед?*

– Ну, да. Солонченко – это советский интеллектуал. Такая кэргэбэшная интеллигенция. И еще один следователь, майор Черныш. Они себя считают подлинными хранителями интересов государства, элитой. А потому по праву пользуются распределителями, всякими льготами и т.д. Иногда даже казалось, что часть из них нормальные люди, просто ну так у них жизнь сложилась. Но потом, когда начинаешь беседовать, открываешь глубины, за которыми фальшь, лицемерие, элементарная непорядочность. Например, документы Хельсинкской группы о политических репрессиях в СССР объявлены клеветническими. И под это собираются «доказательства». Психиатрические репрессии? Клевета! Их, мол, не было никогда. Я читаю материалы по моему делу и начинаю смеяться. Смотрите, говорю, что написано в заключении экспертов института Сербского в отношении одного из диссидентов: «Навязчивая идея свободы. Ле-

⁹⁴ Российская презентация документального фильма Владимира Кара-Мурзы (младшего) «Они выбрали свободу» об истории диссидентского движения в СССР состоялась 1 декабря 2005 г. в Общественном центре им. А.Д. Сахарова в Москве.

чить». Там даже указано, какими препаратами лечить эту навязчивую идею.

Следователь-«интеллектуал» отвечает: «Анатолий Борисович, а зачем нам, собственно, доказательства? Я хочу, чтобы мои дети и все мы жили при социализме. И очень важно, поэтому, любыми средствами укреплять наш строй. Вы и ваши сторонники, по существу, пытаетесь всячески его ослабить. То есть у моих детей будет меньше шансов жить при социализме».

Вроде, думаешь, культурный человек, в театры ходит... Разве нормально утверждать, что у человека болезнь - навязчивая идея свободы? Которая якобы переходит в манию и от которой надо избавить общество. Кто же из нас больной?

Но в целом, я думаю, уже к 70-80-м годам настоящих фанатиков, безраздельно веривших в коммунистическую идею, почти не было. А циники – да, они здравствовали до конца, потому что с полной выгодой для себя они себя уговорили, убедили, что это правильное устройство мира. И, поскольку они на переднем крае защиты, им положены и распределители, и дачи, и даже признание общества.

– Признание общества?

– Да, да. Думаю, не случайно они так настойчиво вдавливают в головы людей миф о славной истории советских, а теперь и российских «органов». Что стоит за этой кровавой историей, мы знаем – и её не затрешь, не залакируешь. Это навсегда. Для себя же я установил одно: как только начинаешь жить на основе прочных моральных устоев, приходит чувство счастья от того, что ты не должен врать, у тебя нет с ними ничего общего, и ты, слава Богу, живешь в другом мире...

– А все-таки, Натан, в периоды предельных испытаний, одиночества, запугиваний смертным приговором,

голодовок, пронизывающего холода были минуты колебаний? Что помогало вам, что защищало? Еврейская идея? Вы ведь боролись за право евреев на выезд.

– Огромную психологическую поддержку оказывало сознание того, что весь еврейский – и не только еврейский – мир требует твоей свободы. И особенно то, что за тебя борется жена. Вроде бы полная изоляция вокруг, информации почти никакой. За 9 лет у меня было всего два свидания с родственниками. Но я твердо верил, что так оно и есть, по-иному быть просто не может.

До какого-то предела я жил жизнью обычного советского человека. То есть жизнью во лжи, как говорил Солженицын. Возврат к национальным корням дал мне силы стать свободным человеком самому и бороться за свободу других. Я стал «споуксменом»⁹⁵ двух движений: сионистского и демократического. Лидерами последнего стали мои товарищи Юрий Орлов, Сергей Ковалев, Андрей Дмитриевич Сахаров, Людмила Алексеева и многие другие. Вместе с ними я участвовал в деятельности Инициативной группы по защите прав человека в СССР, а затем Комитета по правам человека.

Как сказал Андрей Сахаров: «Щаранский говорил все то же, что говорили и мы, но он говорил это по-английски, и поэтому его посадили». У меня было много связей, целая сеть друзей-журналистов, информировавших мир обо всем, что тщательно скрывалось в СССР. Поэтому после ареста следователи «вели» меня сразу по двум движениям: сионистская деятельность, которая вся шла по статье «Измена Родине», и антисоветская деятельность, которая шла по 70 статье.

– *Антисоветизм?*

⁹⁵ Споуксмен – представитель официального лица или организации, публично выражающий их позицию.

– Да, антисоветизм, антисоветская агитация и пропаганда. Также как Юрий Орлов и многие другие активисты. Всех нас повели по 70 статье, а меня, кроме того, еще по 64-ой за сионизм.

– *Итак, вы были участником двух движений, демократического и сионистского. В результате, получалось, что демократы недовольны тем, что вы отдаете слишком много сил сионистскому движению, а те, наоборот, требовали вернуться к тому, что вам, как говорится, на роду написано.*

– Да, меня критиковали с обеих сторон. Прежде всего, конечно, сионисты. Они говорили: «Мы же решили, что уезжаем, что наше будущее в Израиле. Зачем ты вмешиваешься? Во-первых, это даже нечестно вмешиваться, раз ты собираешься уехать. Русскому народу надо самому решать свои проблемы». «Во-вторых, зачем дразнить КГБ?». Они думали: «Пока мы боремся только за то, чтобы уехать, КГБ это не нравится, но это одно дело. А другое, когда речь идет об изменении политического строя. Так они будут бороться с нами с удвоенной жестокостью». Меня призывали: остановись, участие в правозащитном движении - это твое личное дело, твое хобби. Но из-за него ты ставишь под угрозу все движение еврейских отказников.

– *И как вы отвечали?*

– Я отвечал так. То, что некоторые из вас хотят уехать втихую, это наивно. Один человек еще может как-то договориться о своем отъезде, но мы же говорим о целом народе. Нам надо совместными усилиями прорвать железный занавес. Иначе не получится.

Что же касается сотрудничества с правозащитниками, то здесь я не видел каких-то препятствий. Разве что сам на себя наложил некие ограничения. Тогда в демократическом

сообществе шла довольно острая дискуссия о том, каким должно быть будущее России, каким путем ей развиваться. Вот в этот спор я не вмешивался. Это, действительно, не совсем мое дело. Хотя, стоп, хочу уточнить сказанное. Судьба России всегда волновала меня – и тогда, и сейчас. Просто появились дополнительные обязательства, придававшие моей жизни новый смысл. В главном же я остался верен себе: если вижу, что страдает конкретный человек – не важно какой национальности, – если он несправедливо осужден, незаконно арестован, то за мной остаётся обязанность вмешаться, помочь и защитить, сделать для него все, что смогу.

С другой стороны, и диссиденты задавали простые вопросы. Замечательные женщины Лидия Чуковская, Мальва Ланда говорили мне: «Как ты можешь отстаивать уникальные права одного народа? Получается, как только будет решена проблема выезда евреев, ты перестанешь бороться за права человека?» Лидия Чуковская искренне не понимала нас: «Мы же вместе страдали, вместе боремся, и вдруг оказывается, что у вас есть какая-то другая страна и какой-то другой интерес, и вы уже не часть нас. Как я должна чувствовать?».

Что скрывать, это был болезненный надлом. Но мы не стали чужими, жизнь не отдалила, не развела нас. Мы учились понимать друг друга. Осмелюсь сказать: я ответил Лидии Чуковской всей своей жизнью. Возврат к национальным корням помог сконцентрировать силы на защите прав еврейского народа. Но точно также словом и делом я отстаивал права и свободы граждан других народов.

– Что собой представляет нынешний Израиль? Многонациональное государство? Или национальное еврейское государство?

– Безусловно, национальное еврейское демократическое государство. Но у нас проживают граждане и других

национальностей, они обладают равными с евреями правами. Например, арабы. У них свои школы, учреждения культуры, их представители участвуют в деятельности органов власти всех уровней. Это, однако, не отменяет нашу стратегическую цель – борьбу за выживание, в первую очередь, еврейской культуры и языка.

Касательно евреев. Неважно где вы живете, в Париже или в Перми, если вы захотите уже завтра стать гражданином Израиля, то вам нужно просто взять билет, приехать и получить гражданство. Государство Израиль заботится о том, чтобы каждый еврей гарантированно имел свой дом, своё государство.

– В начале 2000-х вы встречались с Владимиром Путиным. Есть хорошие фотографии, где вы улыбаетесь ему. У вас тогда были надежды? С тех пор что-нибудь изменилось в вашем отношении к нему?

– Я был тогда в правительстве Израиля министром промышленности и торговли. В частности, занимался вопросами, связанными со скандальной утечкой секретных технологий из России и других стран в Иран. Эту проблему сначала обсудили с министром иностранных дел Евгением Примаковым. Я ему предъявил документы, подтверждавшие наличие утечек. Через некоторое время он пригласил меня еще раз и сказал: да, мы срочно проверили, все подтвердилось.

Это был большой успех. В нашем правительстве решили, что Щаранский большой специалист в вопросах безопасности. И поручили мне встретиться с главой ФСБ Владимиром Путиным. Мы говорили об опасных проявлениях антисемитизма в России, об угрозе еврейских погромов, а также вновь об утечках военных секретов в Иран. Я сразу понял, что речь идет о другом типе руководителя. Он намного умнее своих бывших коллег из КГБ.

Я привел примеры, подтверждавшие реальность этих угроз. И напомнил, что обычная реакция на наши предупреждения советских, а потом и российских чиновников, была следующая: никакого антисемитизма в России нет и быть не может. Путин сказал, да, есть у нас дураки, которые так говорят. Но поверьте, меня эта проблема беспокоит не меньше, чем вас. А может быть, и больше. Ведь сам факт погрома означает, что ситуация в стране выходит из-под контроля. И я знаю, что может натворить озверевшая толпа. Можете быть спокойны, погромов в России не будет.

В 2000 году открывается главный еврейский центр в Москве⁹⁶ Я туда приглашен, это большое событие. Неожиданно для меня на открытие приходит Путин, уже в качестве президента. Стоит на ногах от начала до конца церемонии. Увидел меня, стал расспрашивать, как дела, как жизнь. Спрашивает – вы еще долго здесь? Я сказал – еще сутки. Он вдруг предлагает встретиться. На следующий день жду сигнала, но ничего нет. Еду в аэропорт. Уже подъезжаю, звонят из Кремля, Путин приглашает на ланч. Что делать, развернулся, попросил поменять билет.

– Что же он от вас хотел?

– Под конец беседы я понял, что он хотел. Меня, как всегда, интересовал еврейский вопрос в России. Он сказал, что советская власть ошибочно считала независимую еврейскую жизнь опасной для страны. А он считает, что это, наоборот, хорошо, что это мост, который соединит Россию с Западом. Поэтому Путин приветствовал открытие грандиозного еврейского центра в Москве и даже, как мне известно, пожертвовал личные деньги на строительство синагоги. И еще раз заверил: можете быть уверены, никаких ограничений жизни еврейской общины мы не допустим.

⁹⁶ Президент России принял участие в открытии еврейского центра в Москве, крупнейшего в Восточной Европе. https://www.ltv.ru/news/2000-09-18/285475-prezident_rossii_prinyal_uchastie_v_otkrytii_evreyskogo_tsentra_v_moskve_krupneyshego_v_vostochnoy_evrope

Президент Владимир Путин и израильский министр Натан Щаранский на встрече в Кремле, 2000 г. Фото из личного архива Н.Щаранского (http://a.kras.cc/2016/10/blog-post_221.html)

Но не только для этого он меня звал. Он сказал, мы начинаем новую страницу отношений с Западом, но мешает поправка Джексона-Вэника к закону о торговле США. Будем настаивать, чтобы её, наконец, отменили. Что вы думаете по этому поводу? И тогда я понял, он хочет мобилизовать меня как человека, который встречается с руководителями США, который боролся за право евреев (и не только их) на эмиграцию, сидел за это в тюрьме.

Суть поправки Джексона-Вэника: до тех пор, пока нет свободы эмиграции из СССР, не будет свободы торговли. Однако к тому времени поправка уже устарела. Ограничения на свободу эмиграции были отменены Горбачевым еще в 1987 году. Процесс переговоров продвигался трудно, но торговые ограничения были в конце концов упразднены в 2012 году.

Потом мы еще несколько раз встречались. Я продолжал настаивать на нашей позиции по Ирану, который все

больше превращался в центр терроризма на Ближнем Востоке. Но уже чувствовалось отчуждение, Путин руководствовался другими интересами и целями. А потом стал так сильно зажимать гайки, в том числе и внутри России, что лично мне встречаться с ним стало трудно, а может быть, и бесполезно.

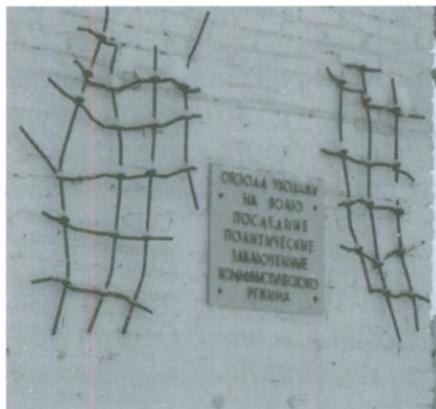
– *Это уже был другой человек?*

– Может, человек тот же, но его политическая практика изменилась, она все более непредсказуема, все больше напоминает замашки диктатора. При этом я по-прежнему признаю, что в еврейском вопросе Путин изменил положение к лучшему.

– *А как же Ил-20, помните, сбитый в сентябре 2018 года?*

– Это другое дело. Случай с самолетом показывает, насколько антисемитские настроения сильны, даже если Путин их не хочет использовать. Заявление министра обороны РФ о том, что якобы Израиль подставил русских солдат, что евреи прятались за русским самолетом, намеки на старый, злобный миф о евреях, которые прячутся в Ташкенте... Лучше уж я оставлю эти нападки без комментариев.

Мы представили бесспорные доказательства о том, что израильских самолетов не было в этом районе в момент катастрофы. С тех пор – молчание... Ни извинений, ни опровержений.

Зимой 1991-1992 года из колонии «Пермь-35» вышел на свободу последний в истории СССР политический заключенный. В память об этом событии Пермский «Мемориал» установил на одном из зданий бывшей политзоны мемориальную доску со следующим текстом: «Отсюда уходили на волю последние политические заключенные коммунистического режима».

На этом Россия покончила с ГУЛАГом. Однако вопрос в том, покончила ли она с политическими репрессиями, с преследованиями граждан за инакомыслие, за независимость, остается открытым.

– В 1986 году КГБ проводит операцию по выдворению из страны государственного преступника Щаранского. На печально знаменитом мосту Глинике⁹⁷ вас встречает посол США Ричард Берт. А еще через несколько часов в аэропорту Тель-Авива вас приветствовали тысячи израильтян во главе с премьер-министром Израиля. Начался новый период жизни.

– Обратите внимание: девять лет в советской тюрьме, девять лет в правительстве Израиля, девять лет во главе Сохнута⁹⁸. Такое совпадение. Признаюсь, в политике я никогда не чувствовал себя комфортно.

⁹⁷ До объединения Германии по середине этого моста проходила граница между Западным Берлином и ГДР. Мост получил всемирную известность благодаря тому, что по крайней мере четырежды на нём состоялся обмен известными всему миру заключенными между советскими и американскими спецслужбами.

⁹⁸ Сохнут (Еврейское агентство) – международная организация, которая занимается репатриацией евреев разных стран в Израиль и помощью репатриантам.

Диссиденту очень трудно быть политиком. С одной стороны, у тебя есть преимущество, ты видишь событие более крупно, объёмно. С другой – не считаешь возможным отступить или промолчать, когда яснее других предвидишь последствия ошибочного решения. Я работал в составе четырёх правительств. И дважды подавал в отставку именно по этой причине. Не держался за кресло.

– Может быть, ваш пример объясняет, почему бывшие советские диссиденты, кроме, пожалуй, Сергея Адамовича Ковалева, работать во власти так и не смогли. Или не захотели.

– Ну почему же? У меня среди товарищей по «Перми-36» был Генрих Алтунян. После освобождения его избрали в парламент Украины, он там даже какой-то важный закон провел. Андрей Сахаров, Михаил Молоствов, Левко Лукьяненко стали народными депутатами. Но уже тогда чувствовалось – долго во власти им не протянуть. Слишком чужие, из другого мира.

– В этом смысле вы установили своего рода рекорд – почти два десятилетия во власти. И это несмотря на неспособность, как вы сами говорили, к компромиссам.

– Так это же другая страна! Страна, где ценят чужое мнение, где уважают достоинство человека. Моя страна. Я о ней мечтал даже в самые страшные, тяжелые минуты моей жизни.

Интервью вели:

Александр Калих

Ирина Кизилова

Андрей Калих

ПОМОЛИМСЯ ЗА РОДИТЕЛЕЙ

Мама Нина спасла нас
Нет, я не Робертино Лоретти
Отец – безродный космополит?
Он написал письмо Сталину
Уральские показыны

**Помолимся за родителей, за всех живых и небожителей,
И в час, когда станет холодать, их души свечами согреем
Помолимся за родителей, ангелам нашим, хранителям
Помолимся, и когда-нибудь помолятся дети за нас**
Сосо Павлиашвили

Мама

Мои деды погибли в годы Гражданской войны – это единственное, что я знаю о них. Поэтому рассказ о своих предках я вынужден начинать с родителей. С 6-лет до 18 они воспитывались в детдоме. Мама была тринадцатым ребенком в семье, никто из старших братьев и сестер не смог взять ее к себе. Был голод, своих детей нечем кормить.

Из детдома двух сирот отправили в город Херсон, устроили их учениками в типографии. Мама, Нина Мاستинская, проработала в типографии недолго, около 5 лет. Она получила свинцовое отравление – профессиональное заболевание наборщиков шрифтов, работавших в те времена со свинцовыми литерами. Ее уволили, а папа остался. Отцу было 20, маме 18 лет, когда они поженились.

Мама научилась печатать на машинке и этим зарабатывала на жизнь, с этим ушла на пенсию размером 54 рубля.

Папа Эммануил, друзья его звали Миля или Миша, еще до призыва в армию в 1939 году успел поработать железнодорожником.

В 41-м, к началу войны мне было всего два месяца, а сестре Фаине уже 8 лет. Она запомнила бомбёжки Херсона, когда стекла в окнах дрожали и звенели, а по улицам стелился дым от пожаров.

С этого момента я передаю слово старшей сестре Фаине, ее воспоминания остаются для нового поколения нашей семьи связующей нитью с прошлым.

По вечерам я видела в темном небе светящиеся перепутанные следы от трассирующих пуль. Отца забрали на фронт, мама осталась одна со мной и маленьким братиком на руках. Но нам повезло, перед самым вступлением немцев в город маме сообщили, что из Херсона уходят два товарных вагона с семьями железнодорожников.

Я ярко помню весь этот ужас. Мы ночью бежали через весь город к станции, земля тряслась под ногами, шла бомбёжка, по сторонам улиц горели дома, вокруг были развалины. Мама кричала мне, чтоб я держалась за ее юбку, в одной руке она несла братика, а другой рукой волочила по земле тяжелый узел с вещами.

Потом мы спрятались от бомбёжки в какой-то ров, накрытый жестью, были яркие вспышки от взрывов бомб, все тряслось, осколки стучали по жести. К рассвету мы нашли наш состав, он двинулся через пару часов. Мама Нина спасла нас в последнюю минуту. Я помню, как сестра мамы тетя Вера уговаривала ее никуда не ехать, она говорила, что немцы культурный народ и ничего страшного не будет. Через два года, после возвращения из эвакуации, мы узнали, что тетя Вера и двое ее сыновей погибли в еврейском гетто.

Пока ехали через прифронтовую полосу, над нами все время летали немецкие самолеты и бомбили. Один старик, единственный мужчина в вагоне, стрелял из охотничьего ружья по низко летящим самолетам, а мы прятались под деревянными топчанами. Помню внезапную остановку среди полей. Впереди чинили разбитый железнодорожный путь, и мы разбежались по полю, рыли руками картошку. Развели костер и пекли ее.

Потом прибыли на большую станцию всю в развалинах, вдали взрывался вагон со снарядами, другие вагоны горели, валялись по сторонам вверх колесами. Мы отбежали к лесу и сидели в большой воронке от бомбы, а нам на голову сыпались клочки сажи.

Мама старалась на станциях выменять свои платья на какую-то еду. На одной из остановок выменяла хлеб, яйца,

но когда вышла на перрон, то увидела хвост медленно уходящего поезда.

Всю жизнь она вспоминала этот случай. Она держала продукты в подоле, но увидев уходящий поезд, все бросила и бежала так, что просто летела. Последний товарный вагон имел крытую платформу, на ней стоял солдат. Он кричал маме - не подходи, военный объект! А когда мама, наконец, вцепилась в ручку, чтобы подняться по ступенькам, он начал прикладом винтовки бить ее по пальцам. Она кричала ему - там мои дети! И он пустил ее.

Помню, что я сильно кричала «Мама, мама!», бросалась к дверям вагона, но люди меня не пускали. Я решила, что мы с братом остались одни. На следующей остановке мама пришла в вагон. Нам повезло.

Дорога была долгой. Больше чем через месяц прибыли в Петропавловск, город в Северном Казахстане. Город переполнен эвакуированными, работы для мамы нет, мы ели макуху (отжимки от подсолнухов при производстве подсолнечного масла), которыми кормили коров. Я заболела дизентерией, попала в больницу.

От безвыходного положения мама пошла на рынок и стала торговать маленькими сибирскими яблочками-ранетками. Не знаю, по какой причине, но ее забрала милиция. На второй день пришел милиционер и отвел нас, детей, к матери. Потом с ребенком на руках она пошла в райком партии, выстояла три часа в очереди, и там пообещали ее трудоустроить.

Нашлась работа водовозки. Эта картина и сегодня стоит перед моими глазами: лошадь, запряженная в сани, на санях деревянная бочка в виде усеченного конуса высотой, примерно, в полтора человеческих роста, мама в выданных ей полушубке и валенках кнутом погоняет лошадь. Примерно в 10 кварталах от завода надо из водокачки набрать полную бочку воды, накрыть крышкой и везти в заводскую столовую. Там двумя ведрами надо вычерпать воду и перелить в столовский бак. И так несколько ходок в день.

Но недолго продолжалось это «счастье». Мама надорвалась, у нее началось кровотечение, скорая помощь увезла ее в больницу. Мы с братиком спали возле ее кровати на полу, на матрасе. На заводе решили, что мама пострадала на производстве, а потому после выхода из больницы ее трудоустроили уборщицей в заводскую столовую.

Стало нам легче. Брату дали место в заводских яслях, я со школы приходила к маме на работу и ела то, что готовили в столовой. Помню, как помогала ей мыть столовские полы. Потом маму повысили в должности – она стала раздатчицей. В обеденный перерыв у большого окна наполняла рабочим миски первым и вторым блюдами. Через некоторое время ее поставили помощницей повара, она с ночи драила огромный котел на несколько ведер, разжигала под ним топку и готовила овощи для борща.

Мама очень старалась. Последняя ее должность в той заводской столовой – повар. Она готовила пищу для сотен людей. Это уже в конце 1943 года. Мне было 10 лет, мама стала меня посылать в очереди за хлебом. Я с вечера занимала очередь, на ладони писали номер, часов в 11 вечера еще раз ходила отмечаться, а ранним утром перед школой по карточкам получала хлеб – половину буханки на семью.

Вдруг в начале 1944 года приехал к нам в Петропавловск наш папа. Вышел приказ Сталина вернуть с фронта всех железнодорожников. Я так хорошо помню папу молодым, с благородным овалом лица. Он сказал, что скоро железнодорожников отправят в командировку на Украину, они будут ремонтировать разрушенное хозяйство. А пока, чтобы кормить семью, он устроился кочегаром на паровоз. Надо было всю смену вручную лопатой уголь перебрасывать из открытого тендера в топку паровоза. Он сильно застудился от сибирского зимнего холода.

В апреле 44-го года папу вместе с другими железнодорожниками отправили в командировку. Железные дороги были везде разбиты, им пришлось идти пешком почти через всю Украину. В только что освобожденном Херсоне

начали восстанавливать здание станции и разбитые пути.

Война подходила к концу. Чтобы выехать на родину, нам нужно было дожидаться специального вызова. А когда его получили, то, помню, маму провожали сотрудники столовой. Они подарили ей большую кастрюлю с гуляшом (!), залитым слоем говяжьего жира. Целый месяц пока медленно ехали в Херсон мы питались этим гуляшом. Если бы не такой невероятный подарок, не знаю, как бы мы добрались до дома.

...Наш поезд уже два или три дня стоял на какой-то станции. Братик, ему уже исполнилось три годика, играл внизу возле вагона в промежутке между составами. У него были длинные белокурые волосы, которые мама после этого случая срезала, и они, эти локоны, вот уже 66 лет хранятся у меня как память о войне, об эвакуации и об этом ужасном случае. Где я была в тот момент, не помню, но помню, что вдруг мама начала страшно кричать и плакать. Братик исчез. Все попутчики выскочили из вагона и побежали в разные стороны. И вдруг кто-то из прохожих говорит, что видел мужчину и женщину, которые несли на руках ребенка с белокурыми длинными волосами.

Мама бежала изо всех сил, я за нею едва успевала. Состав мог без оповещения тронуться в любую минуту. Пробежали всю длину состава, выбежали на открытое место, но нигде людей с ребенком на руках не было видно. Побежали через пути к станции. За станцией площадь. И тут мы их увидели в конце площади! Еще две минуты и эта пара свернула бы в одну из улиц и исчезла навсегда. Как сейчас помню белые вьющиеся волосики брата. Мама закричала так, что все, кто был на площади, обратили внимание на нас. Мужчина и женщина остановились, а братик протянул к нам руки. Нет слов, чтоб описать всё пережитое тогда. Мне было только 11 лет, но потрясение от потери брата осталось на всю жизнь. Мама начала на них кричать, а они говорили, что ребенок был один и как будто ничей.

...Наступило мирное время. Большая часть Херсона была разбита. Света в городе не было, по вечерам мы жгли лучину. В первую очередь восстанавливали электростанцию, потом водопровод, заводы, вокзал. Время голодное, я с другими детьми ходила на соседние поля, где собирали оставшиеся кое-где после жатвы колоски пшеницы. Или шли туда, где росла кукуруза. Все это я приносила домой, мама высушивала, а потом через самодельную машинку зерна перемалывали, и мама варила из пшеничной муки затируху, а из кукурузной – мамалыгу.

Помню День Победы. Было солнечно, большие черные громкоговорители кричали на всю улицу о конце войны. По радио объявили, что кино в этот день - бесплатное, а вечером будут гуляния на главной улице – Суворовской. Помню, как люди пели, танцевали, обнимались. А еще помню, как нам сообщили в один из дней, что сегодня на вокзал придет поезд с девушками, которых немцы во время оккупации вывезли в Германию. И я пошла на вокзал посмотреть на них.

Их приехало много, несколько вагонов. Мне запомнилось, как они красиво, даже роскошно одеты, как необычно выглядят, не так как мы, и они были с заграничными чемоданами, некоторые в шляпках, каких я раньше и не видала.

Мама в феврале 1945 года готовилась рожать. Однажды мы с ней пошли пешком вдоль путей много километров на какую-то небольшую станцию. Там недорого продавалась корова, мы хотели ее купить и пригнать домой.

Я запомнила, как хозяйка коровы после оформления покупки поставила нам на стол большую миску вареников с творогом, которые плавали в сметане! Как я объелась, никак не могла оторваться от них. Весь этот сельский дом, эти комнаты, деревня так и стоят перед глазами. Мы с мамой пригнали корову Машку домой, она кормила не только новорожденную сестренку Белу, но и всю семью. А Белаечно спала, по 18-20 часов в сутки, никогда не плакала и не кричала. Туго спеленатая, на головке платок из простыни, она лежала поперек большой кровати и спала. К осени 45

года стало полегче. На нашем огороде возле дома, который я помогала маме вскапывать лопатой и полоть сорняки сапкой, выросла картошка. Собрали два мешка. Мама сушила ее в двух комнатах. Хлеб, сахар, крупы были по карточкам, даже мыло, обувь были по карточкам. Но все же с коровой и картошкой стало нам легче».

На этом воспоминания Фаины прерываются. Она остановила кадры из прошлого потому, наверное, что для них, старших, закончился самый тяжелый период жизни. Пошла другая, хоть и нелегкая, но мирная жизнь, пошли будни.

А мне хочется дополнить воспоминания моей сестры теми семейными хрониками, которые родители берегли, пока были живы. Они рассказали нам о судьбе маминой сестры, тети Веры. Тетя Вера все-таки попыталась вместе с двумя детьми уйти из города, к которому стремительно приближался фронт. Но далеко не ушла, не выдержала непосильную тяжесть, вернулась с дороги обратно. А многие еврейские семьи даже и не трогались с места. Уговаривали себя все теми же надеждами: немцы такой культурный народ, ничего с нами не случится.

Через несколько месяцев «культурный народ» согнал евреев города в гетто. В районе рынка отгородили специальную зону, оцепили её колючей проволокой. Вскоре в гетто начался голод. Живые свидетели рассказали моей маме, что видели маленьких сыновей тети Веры, они пробирались в город под колючей проволокой, заходили в дома, просили милостыню.

В середине сентября начались расстрелы.

Запомнили люди и тот день, когда окончательно опустело гетто⁹⁹. Однажды фашисты загнали оставшихся евреев в большое складское помещение. И подожгли его. Больше никто и никогда не видел ни тети Веры, ни её детей.

⁹⁹ В огромном потоке литературы о судьбе еврейских гетто я бы выделил роман Анатолия Рыбакова «Тяжелый песок». Он опубликован в т.4 собрания сочинений Анатолия Рыбакова (М., 1982 г.)

За 31 месяц оккупации в Херсоне погибло больше 10 тысяч евреев¹⁰⁰.

Семья

После войны родители пропадали на работе, а мы, дети, жили своей отдельной жизнью. У нас собралась хорошая компания, которая делала регулярные набеги на кукурузные поля и сады. На железнодорожной станции стояла цистерна, полная патоки¹⁰¹. Равнодушно смотреть на этот почти что мед не было никаких сил. Там, конечно, была охрана, но разве это могло остановить пацанов? Воистину надо быть акробатом, чтобы забраться по скользко-липкой лестнице наверх цистерны и открыть тяжелую крышку. Дальше (помню, как в кино) надо свеситься внутрь в темноту к сладким испарениям и зачерпнуть литровую кружку патоки.

А потом – ходу! Бегом отсюда, тем более, что охранник уже заметил, уже свистит в свою свистелку! Виноват, но почему-то этот воровской грех моей мальчишеской жизни до сих пор вспоминается как счастье, счастье удачи. Мы неслись врассыпную, бежали как ветер. А потом всем пацаньчим двором сходились у дома с честно заработанной кружкой патоки.

Самым смелым и гибким из нас был Толик, сын директора школы-семилетки. И грамотным. Он научил меня читать. Помню первое произведение, которое я одолел самостоятельно, без помощи старших. Это был «Кавказский пленник» Льва Толстого. Повесть запомнилась мне как самое яркое и романтическое приключение детства. Воображаемые картинки, порожденные книгой, были даже по-

¹⁰⁰ См.: http://www.yadvashem.org/yv/ru/remembrance/names/witnesses_kherson.asp

¹⁰¹ Патока образуется как побочный продукт при производстве сахара и крахмала. В чистом виде патока не имеет цвета, а по консистенции похожа на молодой жидкий мёд.

сильнее, чем цистерна с патокой. Недавно я перечитал эти строки: «Служил на Кавказе офицером один барин. Звали его Жилин. Пришло раз ему письмо из дома. Пишет ему старуха мать: «Стара я уж стала...». До сих пор не понимаю, почему так колдуют меня эти до предела простые слова.

В 1948 году мама записала меня в школу-семилетку. Мой друг Толик тоже учился там в четвертом классе. Огромный пласт времени отделяет от тех дней, но я помню первую свою учительницу Надежду Ивановну, ее черные с ниточками седины волосы и усталое лицо. Мама сохранила мои школьные тетрадки в косую линейку за второй класс. В них мы писали сочинения о природе, о прочитанных книжках. Надежда Ивановна была строгая, пятерки не ставила, как я ни старался. По страницам тетрадок разбросаны ее пометки, сделанные красным карандашом.

Но мама очень гордилась другой оценкой, которую Надежда Ивановна выставила мне, а точнее, маме. Она сказала, что я прихожу в школу таким: «Одежда в заплатках, зато все чисто, все выглажено». Сам я эти заплатки совершенно не помню. Такими были все послевоенные дети, все носили обноски отцов и старших братьев. Старые рубахи, брюки перешивали, приноравливали к детским размерам. Были даже такие мастерицы, которые перешивали точка в точку, совсем не видно, что из старья.

...В 1950 году шла шумная кампания – выбирали депутатов в Верховный Совет. Это были, кажется, третьи выборы после 1937 года. Сценарий отработан до мелких деталей, народу особенно задумываться не приходилось. Надо Петрова, ну что ж, выберем Петрова. В этом сценарии были и приятные частности: угощения на избирательных участках, духовые оркестры, концерты самодеятельности.

Надежда Ивановна выдвинула меня в школьную бригаду, которая разъезжала по избирательным участкам с песнями и танцами. Предполагаю, что как певец я был так себе, не Робертино Лоретти, что там говорить. Но все это

не имело никакого значения. Я любил петь и в свои девять лет не знал сомнений. Над развитием моих вокальных данных работала старшая сестра. Фаина где-то переписывала слова модных песен и заставляла меня учить их. Помню, как мы с ней пели «Санта Лючия» и «Майскими короткими ночами». С этими песнями я и пошел выступать.

«Санта Лючия» у меня выходила под вежливые аплодисменты. А вот вторая песня...

Майскими короткими ночами,
Отгремев, закончились бои.
Где же вы теперь, друзья-однополчане,
Боевые спутники мои?

Первое же исполнение вызвало реакцию, которую я, глупый, не только не ожидал, но и не сразу понял. Вместо аплодисментов меня со слезами на глазах обнимали и целовали. Потом только я осознал причину этой незаслуженной любви – песня была о них, еще совсем молодых ветеранах и об их подругах. Всего четыре года назад мужчины вернулись с фронта. Всего четыре года, как их (не всех!) дождалась матери, жены и дети. Народ выстрадал возвращение. И это еще не отболело, не отошло в прошлое.

Не буду скрывать, я считал, что слезы слушателей вызваны моим талантливым пением. И потому соглашался выступать, где надо и не надо. Сейчас меня немного даже корбит от этих воспоминаний. А закончилось все очень просто. Через несколько лет на одном из концертов я дал «петуха». То есть вместо нормальной ноты вдруг сорвался на писк и... замолк. Зал тоже молчал, ждал продолжения. Я постоял на сцене и ушел. Как я страдал!

Потом мне объяснили, что это возрастное. Меняется голос, мутация. Я становлюсь мужчиной. Больше я на сцену не выходил. И никогда не хотелось.

Фаина закончила десять классов в женской школе № 14¹⁰². Она была красивая, черноволосая, как цыганка. Бог наделил ее разными талантами. Она помнила много стихов и «с выражением» их читала. Мне сначала не верилось, что это у нее серьезно. Но когда она вышла в финал областного конкурса самодеятельности, пришлось признать, моя сестра какая-то непохожая на всех.

Финал конкурса проходил в клубе имени Фрунзе. Помню Фаину на сцене в ослепительно белой блузке. Она читала, кажется, что-то из Лермонтова. Или «Стихи о советском паспорте» Маяковского, без них тогда не проходил ни один концерт. Стала лауреатом конкурса. Перед ней открывались светлые перспективы. Я тогда всерьез подумал, а не податься ли ей в артистки. Тогда всюду продавались черно-белые фотографии знаменитых артистов. Они меня просто завораживали, эти фотки. Думал, вот придет час, буду любоваться родной сестрой. Но ни родители, ни она сама не восприняли ее чтецкий успех всерьез. Фаина стала школьным учителем физики, а кроме того по путевкам общества «Знание» читала лекции, как тогда говорили, в трудовых коллективах. Увлеченно рассказывала о научных открытиях, о космосе, который вскоре приоткрылся всем нам вместе с полетом Юрия Гагарина.

Вообще, я старшую сестру ревновал. Рядом с ней стали возникать какие-то молодые люди. Ни один из них мне не нравился, о чем я спешил ей тут же объявить. Он не стоит тебя, говорил я ей. Ревность бестактна, это всем известно. Но я не мог сдержаться. Мои нападки, видимо, как-то влияли на их отношения, со многими она рассталась. Но пришел

¹⁰² Нынешним школьникам вряд ли известно, что значит женская и мужская школы. Дело в том, что с 1943 года в СССР было введено раздельное обучение мальчиков и девочек. Трудно объяснить, почему понадобилось проводить эту реформу в разгар войны. Одним из аргументов в пользу раздельного обучения стало утверждение о том, что природа детей в зависимости от половой принадлежности различна, возможны «не всегда здоровые взаимоотношения». В 1954 году реформа была признана неудачной, школы вернулись к совместному обучению детей.

час, Фаина вышла замуж, родила двоих детей и переехала с семьей в Одессу. При встречах я продолжал бурчать, что ее муж не тот и не такой. Выходило, что лучшим мужем для сестры могу быть только я. Ревность, как видите, не только бестактна, но и глупа.

Под влиянием Фаины я заболел чтением. Эта болезнь живет во мне до сих пор. Книги учили понимать жизнь и людей. А еще в трудные дни помогали отгородиться от мира, чужого и злого. Иногда они просто успокаивали, заменяли валерьянку.

В середине 50-х я поступил в машиностроительный техникум. Мама сказала: тебе скоро идти в армию, надо получить специальность. В принципе я свою задачу понимал, но учился без любви. Косинусы и синусы не вдохновляли. Перемогался, одним словом. Где-то на втором курсе оброс двойками, изнемог. И тут в руки попался роман «Два капитана» Вениамина Каверина.

Через неделю в техникуме вспомнили: а где Калих, куда он пропал? А Калих читал. Залез в кровать и целую неделю не мог встать, был в читательском запое.

Вызвали родителей. Вместо них в техникум пошла сестра Фаина. Вся такая студентка пединститута. Там грозили исключением, спрашивали, кто будет исправлять накопившиеся двойки. Вы, что ли? Как честный педагог Фаина должна была сказать, что я читаю «Два капитана», роман, без которого не может вырасти советский патриот. Но она не решилась, все равно не поверят. Поклялась, что за неделю брат исправит все двойки.

Именно в этот час летчик Санька Григорьев нашёл, наконец, остатки экспедиции замечательного капитана Татаринова. Он делает доклад в географическом обществе и разоблачает Николая Антоновича, из-за которого экспедиция погибла. Старик Сквородников говорит о Татаринове и Саньке: «Такие капитаны двигают вперед человечество и науку».

Конец. Я дочитал роман, на душе была торжественная пустота. И тут за меня взялась сестра. Целую неделю

она висела над моей душой, заставляя решать задачи и зубрить формулы. Двойки я исправил. Но прикажите мне сейчас вспомнить хоть одну из тех формул – не получится. А вот роман помню, хотя он, если говорить по-взрослому, вполне посредственная вещь. Но в 14 лет он меня крепко ударил. Или, может быть, усыпил наркотическим сном. Спасибо и за то, сладко ведь.

70-е годы. Папа и мама с нами, с детьми.

Меня нет в кадре, я снимаю.

А сестры – вот они, Фаина и Бела, красивые и молодые.

Жизнь разбросала нас по свету. Мы с Фаиной живем в Израиле. Она публикует рассказы и эссе в русскоязычной прессе. Недавно стала лауреатом российского конкурса на лучшую исследовательскую работу об А. П. Чехове.

Бела живет в Москве. Бог дал ей золотые руки, она мастерица, ее поделки из бисера вызывают восхищение людей. За что бы она ни бралась, у нее все получалось. В детстве родители подарили ей аккордеон «Вельтмайстер», и она заиграла на нем. Хотя с моей точки зрения, музыкального слуха там маленько не доставало. Но она заиграла, а я даже на гитаре не научился, хотя очень мечтал.

Потом она увлеклась настольным теннисом. Стала ездить на разные соревнования и даже чего-то выигрывала.

В семье меня называли Алик, Алька. Однажды, классе в третьем, Бела спросила:

– Алька, где ты был во время войны?

Я, не задумываясь, ответил:

– Как где? Партизанил.

На том она и успокоилась. Но лет через десять её вдруг осенило: как ты мог партизанить во время войны? Ведь ты родился в 1941-м...

Отец

Он был честный и преданный партии. Меня эта преданность раздражала, мне казалось, что таких, как он рядовых работяг, используют, как хотят. Сели на шею и ноги свесили. Но преданность идее была такова, что он этот груз на своей шее не чувствовал. Да, есть отдельные недостатки, но мы идем вперед. Ты разве этого не видишь? – говорил он мне.

Я любил его не только потому, что он был мой отец. Он честный, не финтил, не искал выгод и связей. А вот преданность непонятно раздражала, я его бесконечно дергал спорами о политике. До драк, конечно, не доходило, но не раз и не два наши шумные споры прерывала мама. Миша, ты вместо того, чтоб спорить, говорила она, угля привези или дров. Сына только баламутишь.

С 1939 года отец проходил военную службу. Он участвовал в освобождении Бессарабии¹⁰³. На некоторое время стал кавалеристом. Поход был длинный и тяжелый. Отец рассказывал, что с непривычки так натирал одно место, что приходилось ходить, широко расставив ноги.

Моя старшая сестра вспоминает отца совсем молодым. Он появился совершенно неожиданно на место эва-

¹⁰³ Что знали наши отцы? Освобождали тех, кто их особенно и не ждал, особенно в странах Прибалтики. Они выполняли приказ. Как и весь народ, не имели представления о секретном пакте Молотов-Риббентроп, о договоре между двумя диктаторами, решившими поделить территории этих стран.

куации нашей семьи. Шёл 1944 год. По приказу Сталина железнодорожников вернули с фронта – некому было водить на фронт составы с боевой техникой и людьми. Мама с нами, с детьми, снимала комнату в деревянной избе в Петропавловске, переполненной эвакуированными.

Сестра вспоминает папу красивым и веселым, ему всего 33 года, у него солнечная улыбка. А я ничего не помню. Сестра рассказывала, что я в ту минуту стоял в детской кроватке и смотрел на незнакомого дядю.

Некоторое время отец служил помощником машиниста, водил составы на фронт. Он рассказывал, как однажды в горячке схватился голый рукой за железный поручень паровоза. А был, между прочим, жестокий мороз. С той поры ладонь его правой руки стала как бы отпечатком того поручня, пришлось оставить на нем кожу с мясом.

Вскоре отца включили в ремонтную бригаду, и они выехали на запад. Шли пешком через всю освобожденную Украину, восстанавливали разбитые железные дороги. Он первый с бригадами путейцев входил в только что освобожденные южные города Херсон, Николаев и Одессу.

К концу войны отца, простого рабочего, избрали секретарем парткома большого железнодорожного узла. А в 1952-м в областной газете, появилась статья с разоблачениями его враждебной деятельности. Я помню ту статью до сих пор. На украинском языке, в газете «Наддніпряньська правда».

Мне было всего 11 лет, но помню, там было написано, что он не опирается на партийный актив, всю работу взял на себя. Станным образом выход статьи совпал с кампанией борьбы с безродными космополитами¹⁰⁴. Отца прогнали, и больше года он не мог найти работу. Никто не принимал. Тогда говорили – получил волчий билет. Увольнение в те времена значило: жди ареста. Это был как бы сигнал.

Семья жила в молчаливом и голодном ожидании. Что-то должно произойти, и это что-то сковывало всю жизнь.

¹⁰⁴ Одна из последних репрессивных акций сталинского режима, проводившаяся в 1948 -1953 годы.

Нам, детям, не объясняли. За полгода до статьи арестовали друга детства отца, директора одного из заводов. Но тут умер Сталин. В течение месяца из тюрем выпустили оставшихся в живых кремлевских профессоров, извергов-врачей, «отравивших» Горького и Жданова. Объяснили, что они стали жертвой доноса. Шумная кампания против космополитов враз потеряла «патриотический» пыл и смолкла.

Отца взяли кладовщиком на консервный завод, тот самый, где когда-то был директором его старый друг. Друга отец не дождался, он уже никогда не вернулся.

Мне было одиннадцать лет. Я слышал выступления Сталина по радио. До сих пор помню голос – тихий такой, очень тихий. Все диктаторы говорят очень тихо. Они заставляют нас вслушиваться и вздрагивать от каждого слова. Помню еще грузинский акцент: «Дарагие таварищи...»

День его смерти не только испугал меня, но и удивил. Разве он может умереть? Он же вечный. «Теперь мы все погибнем, – думал я. – Теперь совершенно непонятно, как жить». В школе отменили уроки. Директорша выступала перед нами, но не могла вымолвить ни слова, ее душили рыдания.

Нас учили любить страну и вождя. Это было одно и то же. Лучшей страны просто нет нигде и быть не может! Вся система воспитания и пропаганды, всё так поворачивало мозги, что ты реально верил в то, что - ну, какая там Америка! Тем более, что в газетах описывали, как нью-йоркские бедняки собирают объедки из мусорных баков.

В 55-м году я поступил в техникум. В коридоре техникума стоял бюст Сталина. Там всегда лежали цветы, даже еще и через два года после его смерти. Потом я перешел на второй курс, и тут – XX съезд КПСС, и на нем товарищ Хрущев говорит вдруг такие вещи, что народ онемел. О том, что творил Сталин и не только Сталин. Как взрыв бомбы прозвучали неведомые раньше слова: культ личности, политические репрессии.

Мне стало страшно, когда увидел бюст Сталина заплеванным и изрисованным матерными надписями. Трудно

передать ощущение, которое я тогда пережил. В памяти, в каждом сосуде сердца сидел религиозный ужас перед его недавним могуществом. Казалось, небо разверзнется от этих плевков, от такого святотатства. Но небо молчало.

Откуда у меня, мальчишки, этот мистический страх? Родился я, что ли, с ним?

В центральном парке культуры имени Горького стоял скульптурный портрет: в кресле сидят Ленин, Горький и Сталин. О чем-то спокойно и мудро беседуют. Наверное, о судьбах литературы – так мне всегда казалось. Однажды утром местные жители обнаружили, что в кресле не хватает Сталина, остались Ленин и Горький. За ночь успели не только отрезать часть композиции, но и закруглить кресло, как будто и не было еще одной фигуры.

Речь Хрущева на 20-м съезде в 1956 году от народа засекретили. Это было глупо, потому что только ленивый не знал, о чем говорили на съезде. Но не хватало реального текста, не верилось. Разговоры они и есть разговоры. Говорить публично, правда, побаивались, толковали шепотом на кухнях, в коридорах. В газетах ничего не писали. Лишь однажды проскочила информация о том, что в Москве, на партийном собрании в каком-то институте некие злопыхатели под видом борьбы с культом личности пытались подвергнуть сомнению итоги коммунистического строительства в нашей стране. За что были сурово наказаны. Я прочел эту речь через пару лет.

Всю остальную жизнь отец работал печатником в типографии. Он, между прочим, печатал ту самую областную газету. Однажды во время выборов газета вышла с огромной «шапкой» на развороте: «Отдадим свои волосы за блок коммунистов и беспартийных!». Это сейчас газета может выходить с каким угодно количеством ошибок. А то время было суровое, враз куда-то исчезли и редактор, и его заместитель.

Отец вел в типографии политинформации. Я до сих пор храню пособие, которым он пользовался: краткий курс «Истории Всесоюзной коммунистической партии (больше-

виков)». Отец был очень организованным и ответственным. Каждая страница учебника – с его подчёркиваниями и примечаниями.

– Главное, мы движемся вперед, – говорил мне отец. – А ты поменьше болтай. А то со своим языком добьешься.

Ему было тяжело. После 1956-го года рушилось все, что было для него святым. Но я-то, глухая тетеря, об этом не знал. Что они выдержали, о чем они молчали, наши отцы?

...Через много лет соседка, старая железнодорожница, рассказала мне, что отец писал Сталину заявление, в котором защищал арестованного друга, просил оправдать его. Отец показывал соседке черновик того заявления. Не то, что писать, даже видеть такие письма в ту пору было страшно. Все знали, чем могло это закончиться. Ну вот, отцу и выдали волчий билет. Благо, не успели арестовать. Сталин умер.

Уральские показыны

Вот он, пришел час, приехали на показыны. Или на смотрины. Не знаю, как правильно. У них тут, на Урале, все не как у людей, не так, как на Украине, откуда я есть пошел. У них не принято яркими красками красить двери дома, где живет потенциальная невеста. Парубку ведь очень удобно – адрес известен, приходи и бери.

Накануне мы, будущие журналисты, вернулись с целины. Загорелые, сильные, построили в казахском ауле три дома, заработали по 900 р. Договорились с ребятами из студенческого отряда – свадьба в ноябре, всем быть, как штык. А показыны или смотрины, это как промежуточный, но важный этап. Знакомство с родней невесты, пиджак, галстук, который я сроду не носил. Ну там выпить и закусить, показать себя со всех сторон. С лучших, конечно.

Будущая теща, Вера Александровна, оказалась хуленькой, веселой женщиной. Я волновался, конечно, но знакомство вышло легким, с шутками-прибаутками и все в таком простом, естественном стиле, которым владеют люди,

многое испытавшие. Позже я узнал, что ее мать умерла в тюрьме, когда разоренная большевистской властью до нитки, решила сорвать на колхозном поле десяток колосков. А саму Веру Александровну с тремя детьми бросил муж, оставил в бараке, в голоде и холоде. И вот она пробивалась одна, воспитывала детей. А потом, когда появилась наша семья, когда родились внуки Миша и Андрей, писала нам рифмованные письма – забавные стихи, иногда даже поэмы, в которых рассказывала о жизни, о простых, но каких-то теплых событиях. А ведь образование – девять месяцев сельской школы. Любила Пушкина, знала наизусть много его стихотворений. Читала Толстого и Тургенева. Записывала в тетрадку народные поговорки и присловья. Собрала четыре толстые тетради, мы их храним до сих пор.

Но я забежал вперед. Смотрины или показыны идут своим чередом. За столом чинно сидят родственники и, конечно, разглядывают меня. А я, по привычке, как бы рассматриваю себя их глазами. Студент, волосы длинные, патлатые. К жизни приспособлен мало. Книжный человек. И, между прочим, еврей. В их семействе такого еще не было. Они не знали, плохо это или хорошо.

На столе дымятся тарелки – сразу и борщ, и пельмени, и традиционные уральские пироги, все, что есть в доме. Моя еврейская мама ставила блюда по-другому, отдельно, сначала первое, затем второе, но лишь если съем первое. Порядок во всем! По привычке я и здесь упирался, старался, ел до дна, пока не обессилел. Теща смотрела на меня с веселым удивлением, вот это аппетит! Спасла невеста, прошептала на ухо: остановись, никто не требует поедать все до конца.

Сидевший рядом мужик, племянник Веры Александровны, внимательно приглядывался ко мне. После изрядного количества тостов, он, уже сильно на взводе, торжественно наполнил два стакана водкой и поднес мне один из них.

– Ну что, свояк, выпьем! За дружбу навек!

Я ни разу в жизни не пил водку стаканами. Замотал головой – не могу.

– Обижает, парень... Я ж к тебе со всей душой. Нельзя отказывать.

– Не могу, не хочу!

Мужик отодвинулся, в его практике такого не было. Он уже протянул руку, чтобы неумолимо взять меня за галстук, когда к нам бросилась теща.

– Что ты, Петенька, родной! Он ведь не умеет. Отступись, прошу.

И он отступился. Встал и ушел. У меня на душе свербило чувство вины. И гости чувствовали себя неловко. Один из них прошептал через стол:

– Чего ты, в самом деле, уперся. Ведь он по-хорошему просил...

– Ладно вам, хватит, – сказала теща. – Ему ведь не на Петьке жениться. А на моей Иринке.

И они успокоились. Её любили, слушались. Она во время войны села за рычаги трактора. С ним и мужики-то не всегда справлялись. Мужья ушли на фронт, а бабы их заменяли. Однажды, заводя трактор, сломала руку. Но надо было кормить детей, и от работы никто не освобождал. Как она справлялась, никто не знает.

Петенька и другие племянники хорошо помнили, как она их приютила после службы в армии в своей барачной комнатухе. Они жили в ее семье по многу месяцев в страшной тесноте, пока не получали место в общежитии. Возвращаться в колхоз ребята не хотели. Власть превратила крестьянина в крепостного. Его лишили паспорта, а без него куда ты денешься? И только после армии парням выдавали паспорт, а с ним и возможность поселиться у городских родственников.

... Гости к той минуте уже насытились, казалось, до последнего предела. Но все еще налегали на тещины пироги. И тут, кстати, вернулся Петя. Наверное, все-таки преодолел обиду. Стерто – забыто.

КТО Я БЫЛ? СВОЙ? ЧУЖОЙ?

Мой первый «Мемориал»

Вопрос о любви

Ревизионисты мне понравились

Звёздный билет

Я был стилигой. В душе

Хотелось защитить Сахарова, но как?

Муравьев

1967 – это был мой первый год после окончания факультета журналистики. Распределили в Киров. Первая моя газета носила веселое название «Комсомольское племя»¹⁰⁵. Нынешнее поколение уже не знает, что в каждой области бывшего Союза наличествовал обязательный набор: областная партийная газета, молодежная газета и, иногда, «Вечёрка». Остальное не приветствовалось. А и зачем приветствовать? Идея была одна на всех. Хватало.

Все было внове – первые гениальные строчки, командировка в какой-то колхоз, который плохо организовал уборочную кампанию. Я ничего не понимал в сельских делах, но это как-то не мешало. По пути в колхоз мы с фотокорреспондентом заметили, что вся дорога к элеватору усеяна пшеничным зерном. Машины, на которых везли урожай, были сплошь дырявые. Посчитали, сколько зерен лежит на одном квадратном метре. Умножили на ширину, а потом на длину дороги. Получились тонны. А что? Ведь зерно не свое. Вышел довольно-таки шумный репортаж.

Потом при газете родился клуб «Парус». Мои «парусята» нашли на каком-то чердаке дневники – две толстенные книги, исписанные совершенно непонятным почерком. Целый год мы расшифровывали эти записи. Оказалось, их автором был директор областной библиотеки Муравьев, арестованный в 1937 году. Он записывал события своей жизни с 19 лет.

Это был дневник-роман. Книга об испытаниях, которые пришлось пережить рядовому деревенскому пареньку. Почему-то именно его бог наделил невероятной жаждой знаний, мечтой об образовании. Полуголодный и нищий, он поступил на философский факультет МГУ. Но на третьем курсе пришлось уйти из-за туберкулеза – сказались лише-

¹⁰⁵ Выражение «комсомольское племя» принадлежит И. В. Сталину («Приветствие Ленинскому Комсомолу» // Правда. 1928. 28 окт.).

ния и вечный голод. Муравьев вернулся в Киров. Не успел подлечиться, как вышел приказ о назначении его директором областной библиотеки имени Герцена.

Арестовали его на вокзале. Он возвращался из командировки, в корзинке была стопка книг, томики Ленина и других классиков. Почему-то книги не отобрали. Так и пошел он с ними по этапам и лагерям. Мои ребята-старшеклассники отыскивали родственников Муравьева, а потом нескольких его сокамерников. Бывшие политзеки рассказали, как читали в бараке томики Ленина. Прочитают страничку – и на самокрутку ее, хорошая была бумага.

По сути, это был мой первый «Мемориал». И меня, и ребят мучил вопрос, который тогда некому было задать. За парадным фасадом страны, за бравурными маршами и газетными отчетами черным силуэтом проглядывала какая-то другая жизнь, другая история и другая страна. Из обрывочных рассказов старших, из тайных семейных преданий мы знали частности, детали, штрихи. Советского человека с детства приучали – не обобщай. А нам хотелось именно обобщений, хотелось знать не только отдельные факты. Хотелось знать, что на самом деле происходило в стране.

Дневники Муравьева удалось опубликовать. Это было закатное время хрущевской оттепели. Сигнал о свертывании первой советской гласности еще не поступил. Но уже носились в воздухе разные запахи, уже говорили некоторые, почти как сегодня, - хватит чернить прошлое и Сталина.

Кумёнские мечтатели

А потом я встретил необыкновенных людей. Три друга решили построить в районном центре Кумёны футбольный стадион. За образец они взяли один из стадионов в Москве. Почему именно его? Он был с подогревом, то есть никогда не замерзал и всегда радовал глаз зеленой травкой. Для того, чтобы травка была вечно зеленой, под стадионом надо было смонтировать мощные кондиционеры.

Когда я впервые приехал в Кумёны, на объекте уже обозначились вход на стадион, беговые дорожки, какие-то служебные помещения. За три года фанатичной работы мужики сумели увлечь своей идеей местное население. Водители грузовиков подбрасывали гравий, откуда-то тащили кирпич, ржавые металлические конструкции. Они никогда и никому не платили – им так давали. Кумёновское население выходило на субботники. Шла самая настоящая народная стройка. Люди жили мечтой о новых Кумёнах, они верили, что в ближайшие годы сюда придет большой футбол. Может быть, даже всесоюзный. И тогда они увидят киевское «Динамо» и московский «Спартак».

Мне были бесконечно симпатичны эти ребята. Такое бескорыстие, такая готовность посвятить жизнь большой идее... Невозможно было не подпасть под их обаяние. Несколько дней я даже поработал на стройке. Но все же не удержался и спросил у Виктора, их неформального вожака, зачем Кумёнам, в которых живут 2 тысячи человек, такой большой стадион.

– Понимаешь, – сказал Виктор, – другого пути нет, стадион даст импульс развитию Кумён. Сюда поедут люди, появится необходимость построить гостиницы, магазины, кинотеатры.

Одним словом, у меня в руках был супер-материал. Но я не смог его написать. Не смог ответить себе, где правда, а где вымысел. Не смог поверить в реальность мечты. А с другой стороны, виделось в этом случае что-то громадное, что-то такое народное, вечное. Конечно же, в голову лез описанный Ильфом и Петровым опыт создания центра шахматного мироздания.

Еще маячил в голове образ супер-державы, которую мечтали создать романтики из первого поколения революции. Их убежденность, их бескорыстная вера – нам все по плечу! Устроим народную стройку. Через десять, нет, через пять лет, здесь будет город-сад, всеобщее счастье. Красивые были люди. Но очень торопились, безжалостно хлеста-

ли лошадей и, в итоге, смертельно загнали сами себя, а с собой и страну.

В общем, не потянул я тот материал, не дорос до него.

Через пару лет мы переехали в другой город. Закрутила меня другая жизнь. Больше я не слышал о стадионе в районном центре Кумёны. Его, конечно, не построили. Мне до сих пор кажется, что и я в этом виноват.

Вопрос о любви

Света Ш. из отдела учащейся молодежи влюбилась. Ей, видите ли, мало было, что ее обожает вся мужская часть редакции. Она была такая стильная и немножко экзальтированная. Невозможно пропустить, не заметить.

Но Света влюбилась в англичанина. Где она его откопала? Богу ведомо. Слухи ходили, что он инженер, приезжал в командировку на один из местных заводов, устанавливал какую-то ихнюю иностранную технику. Там и встретились.

А может, это было и не так. Неважно, встретились и все. Почувствовали, что друг без друга жить не могут. Но вскоре командировка у англичанина закончилась, и он уехал.

Теперь Света почти каждый день стрекотала по международному телефону на английском языке. Она сама призналась, что английский в университете у нее был на слабую «тройку». А тут открылся какой-то ей самой неведомый словарный запас.

Я вас уверяю, вы совершенно не понимаете, что значило тогда влюбиться в иностранца. Безнадежное дело. В конце 60-х годов еще чувствовались некоторые послабления хрущевской оттепели, но все слабее и слабее. Народ решил, что хватит баловаться, разболтались, надо наводить порядок. И товарищ Брежнев вместе с ЦК с ним, с народом, согласились.

Конечно, редактор газеты Шаромов, тоже немножко влюбленный в Свету, страдал. Сразу по двум причинам:

идеологической и финансовой. Он вел со Светой воспитательные разговоры. Приходилось оплачивать из редакционных средств эти опасные разговоры. Но что мог поделаться редактор с ее любовью? Света отстаивала свое право явочным порядком – продолжала стрекотать по телефону. С этим ничего не мог поделаться даже ее папа, крупный партийный туз, ветеран партии, увешанный с головы до ног орденами и медалями. Если б не он, Свету давно, наверное, поперли бы из редакции.

Дальше история развивалась так. Примерно через год англичанин по каким-то своим капиталистическим делам планировал ехать в Югославию. И тут Света заторопилась оформлять туристическую визу в эту страну с сомнительной репутацией. Они там неизвестно с какого бодуна затеяли строить свой демократический социализм. Но Свете это было все равно.

Сначала все шло хорошо. Но в последний момент ей отказали, не разрешили выезд. Враз обрушилась мечта. Света закрылась в кабинете и выла. «За что? – кричала она. – За что?». Её горе было неутешным и страшным. Тут даже папа-ветеран не выдержал. Действительно, за что? Это же политическое недоверие. Кому? Моей любимой дочери? Значит, и мне?

Папа бушевал в обкоме, потом в КГБ. Он был на грани инфаркта. Вся редакция следила за этой испепеляющей борьбой. Международная любовь еще не встречалась в нашей провинциальной практике.

Все кончилось полным фиаско. КГБ-шники выложили перед ветераном магнитофонные записи всех разговоров Светы с ее капиталистом. И хотя с английским языком старик был совершенно незнаком, сама улика была такая вещественная, что дальше некуда.

Если по правде, вопрос о военных секретах никто вслух даже не задевал. Какие секреты у взбалмошной девчонки? Но, видно, боялись все-таки, что англичанин, потенциальный вражина, может ее настроить на секреты. И тогда она, обес-

силенная заочной любовью, начнет передавать ему данные о швейной фабрике или заводе винно-водочных изделий.

Это называлось – профилактика. Пугануть на всякий случай. Органы должны любые вредные поползновения давить в зародыше.

В общем, отца доконали эти пленки с записями. Ему стали сниться страшные сны. О том, как его Света стала орудием в руках интеллидженс-сервис. Старик перестал бושевать, затих. И в самом деле, идеи марксизма-ленинизма важнее, чем сумасбродная любовь дочери.

Света в Югославию не поехала. Она как-то потускнела и больше не щебетала по телефону на английском. Что она тогда пережила, ведомо только ей.

Но время шло. Света вновь влюбилась. В нормального русского парня. У нее, говорят, выросли прекрасные дети. Чего еще требовать от жизни?

Пожить бы ей подольше. Но нет, ушла навеки. Прощай, Света! Любим и помним.

У Толстого, в Ясной Поляне

В Яснополянском доме Толстого я встретил человека, который с каким-то особым вниманием разглядывал каждый экспонат. Мы познакомились. Он оказался ученым, литературоведом. А интерес к самым мелким деталям быта объяснялся просто: ученый работает над не совсем обычным исследованием, в котором пытается найти взаимосвязь между творческим процессом и вещественным миром, окружавшим великого писателя.

Он повел меня по комнатам музея. И вещи заговорили, засветились когда-то упавшим на них отсветом гения. Долго стояли у дверей кабинета Льва Николаевича. Низкий рабочий стол с укороченными ножками и фигурной оградкой по краям. Здесь создавалась «Война и мир». А рядом, в маленькой прихожей, - совершенно будничные кувшины для умывания, гантели, гири.

О роли физкультуры в жизни графа Толстого надо рассказывать отдельно. На своем знаменитом велосипеде, одыхая, уезжал так далеко, что встревоженная Софья Андреевна посылала людей на его поиски. Увлеченно играл с молодежью в лаун-теннис, еще только входивший в моду в России, увлекался гимнастикой. Катался на коньках, и на них, как вспоминала Софья Андреевна, он умел «делать все штуки на одной и двух ногах, задом, круги и проч. Это его забавляет, как мальчика».

Небольшого роста – 168 сантиметров – и совсем не железного здоровья. Но постоянный физический труд, самозакаливание сделали его необычайно сильным. Итальянский психиатр Ч. Ломброзо, посетивший Ясную Поляну, когда Толстому было 69 лет, вспоминает: «...жалуясь на свою немощь, он протянул руку и приподнял меня довольно высоко от земли, легко, как маленькую собачку».

Он был человеком крайних страстей. Вскоре после женитьбы увлекся пчеловодством. В те дни ни о чем другом не мог говорить, кроме как о своих ульях. Всякий, кто проявлял равнодушие к этому занятию, рисковал стать его недругом. Разойдясь во взглядах с И. Тургеневым, резко рассорился с ним, и, как свидетельствует Афанасий Фет, дело чуть не дошло до дуэли.

Через многие годы они сошлись вновь. И оказалось, что их охлаждение было лишь внешней формой, за которой скрывалось уважение друг к другу. Все эти годы они с особым вниманием наблюдали за всем, что выходило из-под их пера, приветствовали удачи. И никогда, ни в одной статье или личном письме не сказали друг о друге дурного слова.

Что он думал о любви? Из письма к Валерии Арсеньевой, в которую влюбился, возвратившись с Крымской войны: «Я уже люблю в вас вашу красоту, но я начинаю только любить в вас то, что вечно и всегда драгоценно, - вашу душу. Красоту можно узнать и полюбить в час и разлюбить так же скоро, но душу надо узнать. Поверьте, ничто в мире не дается без труда – даже любовь...»

Он был правдоискателем. Мне кажется, в этом и состоит его человеческая суть. Все, что не было правдой, отвергал резко, не жалея ни себя, ни других. Отвергал роскошь, безделье, непорядочность в личных отношениях.

По всей стране шли аресты его сторонников – толстовцев. А самого Толстого, основателя и вдохновителя движения, не трогали. Он страдал, писал царю, требовал, чтобы его арестовали. Он хотел быть рядом с сотнями последователей. И не добился своего. Царь хорошо понимал, что решишь он на арест Толстого, в стране произошло бы землетрясение, бунт.

Ему было трудно с властью, а властям с ним еще трудней. Вот что он писал польскому писателю Генриху Сенкевичу: «...в наше время правительственными людьми – императорами, королями, министрами, военачальниками, даже влиятельными членами палат могут быть только люди, стоящие на самой низкой ступени нравственного развития. Люди эти потому и находятся на таких местах, что они нравственно вырожденные люди».

Он знал, ради чего живет. У него была цель. И какие бы переломы и душевные кризисы не переживал, цель оставалась с ним: «И как я тогда (в детстве. – А. К.) верил, что есть та зеленая палочка, на которой написано то, что должно уничтожить все зло в людях и дать им великое благо, так я верю и теперь, что есть эта истина, и что она будет открыта людям и даст им то, что она обещает».

Зеленая палочка – это легенда Ясной Поляны. В детстве брат Льва Николаевича, Николай, рассказывал, что зарыта она в саду неподалеку, у Старого Заказа. На палочке написано, как сделать людей счастливыми. Всю свою долгую жизнь Лев Николаевич искал великую истину, страдал, ошибался, мучился и непрестанно трудился ради неё. И, умирая, вернулся к детской мечте, завещал похоронить себя у Старого Заказа, где захоронена зеленая палочка.

Не видел я еще такой скромной и тихой могилы, как в Ясной. Маленький бугорок земли. Зеленый дерн. Притих-

шие люди неподалеку. А над всем этим огромные, вечные вязы.

Памятный по «Войне и миру» «прешпект» ведет к дому Толстого. Слева тихий пруд. Огромный яблоневый сад, посаженный его руками, склоняет к земле ветви, полные осенних плодов.

«Вот умрет Толстой, все пойдет к черту!» – эти слова были сказаны Чеховым, когда вся Россия тревожно следила за ходом болезни великого писателя. Антон Павлович не мог представить себе мир без Толстого.

Сбылось ли предсказание Чехова? Впереди был кровавый двадцатый век, революции и войны, деградация и политический террор. Мир, видно, решил, что проживет и без Толстого. Не получилось.

Ещё раз о любви

Родилась идея. Разумеется, чужая. В «Комсомольской правде» некий инструктор ЦК комсомола А. Ципко вел политический клуб, в котором отстаивал преимущества социализма перед загнивающим капитализмом. Замысел моего редактора Шаронова заключался в том, что я буду вести на каком-то предприятии занятия политического клуба, а потом писать о них статьи в газете. Что называется, и словом, и пером.

«Комсомолка» в 60-х годах понемножку грешила печатанием разных мнений, не всегда совпадавших с официальными. Помню, в одной статье автор осмелился утверждать, что социалистической экономике нужна конкуренция, борьба предприятий за место на рынке товаров. Через неделю «КП» извинилась перед читателями за то, что допустила политический ляп, опубликовав статью с «враждебной идеологией».

Я помню, одна мысль, высказанная Ципко, меня почему-то дернула: главное отличие ихней системы – нестабильность, неуверенность человека в завтрашнем дне. У

нас, что и говорить, все в корне иное. Партия и государство обеспечат стабильность и дадут каждому все, что надо: образование, работу, квартиру.

1968 год, сентябрь.

Вдохновленный идеями Ципко, я веду политклуб на швейной фабрике. Обычные деревенские девчонки. Сначала они присматриваются. Немножко рассеянно слушают мои пламенные речи, в обязательных дискуссиях поворачивают на «жизненное», которое, естественно, не совсем стыкуется с моими представлениями о политклубе. Спорить не спорят, но задают вопросы. И все не по теории. Почему в очереди на квартиру у них стоят по 20 лет? А путевки в дома отдыха и санатории дают своим да нашим. Почему работаем по субботам и воскресеньям? Им говорят: чтобы вырвать план. Кому он нужен этот план, если изделия фабрики тоннами лежат на складе, никто не покупает. Я искал ответы в статьях Ципко, но он эти темы миновал, все нажимал на стабильность.

Потом девицы и вовсе раскрепостились. Очень интересуются моим семейным положением и все настойчивее поворачивают разговоры в сторону любви и семьи.

К вопросам любви и семьи я тогда был не очень-то готов. Но из тактических соображений тоже стал рассуждать на эти темы, надеясь, в конечном итоге, обхитрить аудиторию и получить сухой пропагандистский остаток, как я тогда его понимал. Девчонкам надо думать о будущем, о том, как зацепиться в городе. Они мечтают о муже, о квартире, о детях. Не то чтобы я этого не понимал. Но почему-то был уверен, что вопросы внутренней и внешней политики важнее.

А ведь был я уже тогда великовозрастный лоб 27 лет. Позади техникум, завод, армия, университет. Прошелестела краткая хрущевская оттепель, свежий ветерок пролетел и оставил неясные надежды да разброд в мыслях. Мечталось, что вот если все вместе, если умные и гордые, то и жизнь сделаем разумной и справедливой. Ну, в общем, понятно, почему я не задумывался о суровых мужских радостях, которых на той швейной фабрике при внимательном рассмотрении было хоть пруд пруди.

Меня мучили сомнения. С чем я к ним, к девчонкам, пришел? Чего хотел сказать? Только что наши войска оказали «братскую» помощь Чехословакии. К соседу по коммунальной квартире вернулся из армии демобилизовавшийся сын Славка. Я брал Прагу, сказал он. В первый же вечер родственное застолье кончилось жестокой дракой. Спрятаться от нее в двухкомнатной коммуналке было негде. Если б не мы, чехов взяли бы америкосы, орал пьяный сын. А тебе какого ... до этого? Чего туда наши полезли? – кричал политически безграмотный отец. С неделю они ходили с черными фингалами и не разговаривали. А потом все загло.

Где-то далеко все это было. Танки в Праге. Какие-то ребята в Москве вышли на Красную площадь. И хотя ночами мы уже слушали «голоса», значение происшедшего я понял гораздо позднее. Просто жил с какой-то смутой в душе, которой и поделиться было не с кем, кроме жены.

Югославия

И тут меня, как свет далекой звезды, догнала туристическая путевка в Югославию. Это была награда горкома комсомола за воспитательную работу среди передовой рабочей молодежи. Я тогда был не в форме, встречи на швейной фабрике вместо того, чтобы вдохновить, породили сомнения. Но не отказываться же от бесплатной поездки! Да притом в такую страну.

Югославии давно уже нет на карте Европы. Распалась почти как Советский Союз и почти в то же время. Еще со сталинских времен её считали подозрительной. Хуже того, используя выразительные термины 30-х годов, в советской печати Югославию называли пятой колонной капитализма. Я помню карикатуры в газете «Правда», на которых маршала Иосифа Тито изображали с огромным топором, а с топора стекала кровь.

Да и по правде говоря, югославы сами подбрасывали дровишки в огонь. Решили строить другой, не советский со-

циализм. То вводят коллективное самоуправление (рабочий коллектив сам распоряжается доходами предприятия), то вдруг появляются частные магазины, кафе и рестораны. Даже о рынке заговорили, о конкуренции! Союз коммунистов вообще обнаглел. Отказался от священных советских традиций, упразднил парткомы на предприятиях, директоров стали избирать сами работники. Ревизионисты¹⁰⁶, одним словом.

Очень хотелось увидеть этих ревизионистов. Первого из них я встретил в городе Сараево, в редакции республиканской газеты. Его звали Симо Кларич. Он возглавлял отдел информации. Недальновидный руководитель нашей группы туристов (какой-то комсомольский туз из Москвы) отпустил меня на три дня якобы для прохождения журналистской стажировки.

Праздник жизни начался тут же, в редакционном буфете. Сначала пили мою «Столичную». Заботливая советская власть разрешала туристу взять в поездку четыре бутылки спиртного. Но не больше! Потом к нам с Симо присоединились другие братки-журналисты. Там слово «братки» имело несколько иной смысл, чем у нас сегодня. Настоящие мужики, они еще недавно воевали в партизанских отрядах Тито вместе с русскими солдатами. Каждый выпил за побратима, за своего братка, проживающего в дальней уральской деревне или сложившего голову где-то в сербских долинах.

Не знаю уж как они делали свою газету в тот день. Когда допили мою «Столичную» (которую в Югославии очень уважали), пошли в дело их напитки, названия которых, убей, не помню. Мне было хорошо. Как и положено, между нами шла углубленная дискуссия. Я всё-таки понимал, что имею честь общаться с людьми широкого кругозора, повидавшими мир, работавшими собственными корреспондентами

¹⁰⁶ Ревизионистами называли тех, кто «протаскивал в наши ряды буржуазную идеологию», кто пытался жить по-своему, пересмотреть догматы марксизма-ленинизма-сталинизма.

своей газеты в мировых столицах - Нью-Йорке, Лондоне, Париже и, конечно, в Москве.

Они любили нашу страну, любили Москву. Только спрашивали с меня, за все ответственного, почему так бедна и бескрасочна наша жизнь. Почему все газеты одинаковы? Почему вы боитесь частную собственность? Почему партия вмешивается во все – в экономику, в политику и даже в частную жизнь людей? Почему в СССР сажают за убеждения? Они жили в другом, каком-то более раскрепощенном мире и не понимали, почему русские братья молчат.

В общем, ревизионисты. Я попал в самое кубло. Я пытался спорить, но, видно, их мои аргументы не убеждали. Впрочем, с каждой очередной рюмкой самые сложные проблемы упрощались прямо на глазах. В конце встречи журналистский коллектив сараевской газеты под моим нетвердым руководством исполнил русскую «Катюшу». А потом пели сербские и боснийские песни, для чего брали друг друга за плечи и шли цепочкой, раскачиваясь, вокруг стола.

Мы пили три дня. Я жил на квартире у Симо Кларича, познакомился с его дочерьми. Жизнь была прекрасна. На прощание он мне сказал: ты, браток, будешь большим журналистом. В принципе это совпадало с моей точкой зрения.

Дальше события развивались так. К нам в белградскую гостиницу пришли чехи. Их тогда много было в Югославии, они бежали сюда от справедливого гнева советских танкистов. Чехи спрашивали у русо туристо: why you go in Chekhoslovakia? Конечно, русо туристо испытывал колебания. С одной стороны, хотелось нормально пообщаться, узнать, что это такое – пражская весна. А с другой стороны, вспоминался предварительный инструктаж, который прошел еще до отъезда в эту сомнительную страну. Некий гражданин, забывший представиться (да и незачем это было, мы и так все понимали) предупредил, что ожидаются провокации, что под видом дружеского общения наши враги будут выспрашивать мнение о событиях в Чехословакии. Но вы должны помнить, что за рубежами Родины вы представляете не себя лично, а свою страну.

Комсомольцы держались. Говорили, как положено, как учили. Мы вас спасали. Если б не вошли, так нас бы опередили американцы. Или немцы из ФРГ. Они, как сообщает пресса, целую дивизию уже на границе разместили.

Чехи не могли поверить, пытались что-то доказать. Руководитель нашей делегации, комсомольский вождь из Москвы, тревожился, кружил вокруг спорящих. Но видно было, наши держатся, их не пробьешь.

...По прибытии домой меня вызвали в КГБ. То есть не в КГБ, а назначили встречу в какой-то квартире. Как только я её увидел, так сразу понял – явочная квартира. Вспомнились шпионские фильмы и всякая романтика. Меня встретил тот же гражданин с профессионально безликой внешностью, что инструктировал нас до поездки в Югославию. Конечно же, он интересовался моей «стажировкой» в сараевской газете. Гражданина, как выяснилось, совершенно не интересовало, сколько спиртного мы выпили с братками. Он задавал вопросы в телеграфном стиле: были ли враждебные выпады против СССР, расспрашивали ли меня о секретных объектах города, кто такой Симо Кларич? Даже имена знал, вот ведь как.

Вы же знаете, ревизионисты мне понравились. Стучать вообще нехорошо, а на друзей, тем более. Никаких выпадов, сказал я. Было братское общение, вспоминали недавнюю войну и то, как воевали вместе с советскими солдатами.

На том и закончилась моя первая в жизни зарубежная поездка.

Звёздный билет

Впервые я побывал в Москве в 14 лет. Та поездка запомнилась свинцовой музейной усталостью, которую я пережил в Третьяковке. 17-й, 18-й, 19-й век, Тропинин, Брюллов, Айвазовский, Верещагин, о которых столько читал. Но трудно разделить любовь на всех. Перенасыщение дало

себя знать в зале Иванова. Огромное «Явление Христа народу». Ожидание перемен, мечта о явлении того, кто объяснит и поведет. Я это интуитивно чувствовал, но объяснить словами вряд ли бы смог. Еще мучила досада на себя, на то, что голова плохо соображает, я не такой, каким надо быть в минуту, которую ждал. И которая, может, никогда не повторится.

Потом я бывал в Третьяковке много раз. Признаюсь: рубеж ивановского зала я научился-таки преодолевать. Но на новую любовь не хватало сил. А может, желания. Хватало Иванова.

Через четыре года родители выделили мне целых 70 рублей – в награду за окончание техникума. Я хотел только Москву. Ничего другого не надо. Как чеховские сестры: в Москву, в Москву!

Накануне поездки прочел в журнале «Юность» «Звёздный билет» Василия Аксёнова, и мне мечталось, что увижу старый московский двор, где живут Димка, Олег, Юрка и Галя – герои-ровесники из этой повести. Что в нем было, в «Звёздном билете»? Мальчишки и девочка бегут от благополучной московской жизни куда-то, по-моему, в Эстонию. И там – суровые рыбаки, романтика моря, любовь, измена, разочарования, взросление.

Мне уже и самому трудно понять, почему история этих ребят казалась такой важной. Обычные столичные пижоны, стилиаги, как тогда говорили. Ну, разумеется, первое, что сделали мальчишки, вырвавшись на свободу, – завели бороды (пока еще бородки) и трубку в стиле Хэмингуэя. Запретного Хэмингуэя, которого уже давно читала вся страна. И еще Ремарка. Это был минимальный джентльменский набор столичного пижона. Это был образ другой жизни, на фоне которой моя жизнь казалась серой, задавленной правилами и бесчисленными требованиями взрослых.

На втором году службы в армии я за «Звёздный билет», можно сказать, положил голову на плаху. Вышел кинофильм «Мой младший брат», на основе той самой аксёнов-

ской повести. Я узнал об этом, когда был в наряде. И понял, что надо действовать. И рванул через забор в самоволку. Все было точно так, как я себе представлял. Даже лучше. Александр Збруев, Олег Даль, Андрей Миронов, Людмила Марченко. Это были их первые роли в кино. Им не пришлось актерствовать, они играли себя, свое поколение. Выходя из кинотеатра на свет божий, я чувствовал, что люблю их и весь мир. А тут еще Микаэл Таривердиев, его музыка, щемящий парфраз: та-ра-ра-ра, та-ра-ра-ра... Грустная мелодия пела во мне, качала, как в сладком сне.

– Рядовой, ваши документы!

Рядом стоял какой-то старлей, а за ним маячили два солдата с повязками.

– Какие документы? - спросил я, не понимая, чего им надо.

– Представьте увольнительную.

– Какая увольнительная? Понимаете, тут такой фильм, я мечтал посмотреть, завтра его уже не будут показывать...

– Разберемся на гауптвахте. Круу-гом! Ша-агом марш!

Короче, мне дали 10 суток. За самовольный уход из части, плюс за то, что нарушил святое - ушел из наряда. Я еще хорошо выпутался, могли и срок дать. Один из солдат, сопровождавший старлея в тот печальный для меня вечер, сказал с презрением:

– Ты полный идиот. Ну, я понимаю – пойти в самоволку, чтобы выпить, с девочкой встретиться. Или еще что. Но чтобы в кино?..

Стиляги

Задним числом могу сказать, что причины появления стилига – первого в истории СССР неформального молодежного движения - не исследованы и само оно почти забыто. А сколько было шума! Комсомольские собрания, проработки, исключения из школ и вузов. Весь народ, как один человек, ненавидел их (в наши дни так ненавидят Чубайса и «укров»), комсомольские патрули азартно вылавливали «этих попуга-

ев» на улицах городов. С удовольствием резали ножницами брюки «в трубочку», галстуки, действительно, украшенные яркими попугаями. Особую злобу вызывал «кок», высокий, гладко зачесанный и набриолиненный кок на голове. Таких безжалостно стригли налысо. Или под бокс. Помните, что это за прическа, что за стиль? Стриженный затылок, челка, брюки-клёш и фуражка шестиклинка. Это был свой. А они, стилиаги, чужие. Подражают растленному западу.

Они не считали себя бунтарями, никого и ничто не низвергали. Просто хотели выглядеть не так, как все, не хотели носить серую униформу. И всего лишь. Хотя... Может быть, я и преуменьшаю. В них чувствовался вызов, они были не такие. А одежда – это внешнее проявление, пусть и немного смешное, нежелания жить по чужим правилам, по указанию свыше. Аксеновские мальчики остро чувствовали фальшь в одобренном сверху комсомольском задоре. А это уже была политика. Я не проводил специальное исследование, но, кажется, из этих мальчиков сложились первые диссидентские кружки и компании 60-х–70-х годов, сложилась, перефразируя замечательного правозащитника Сергея Ковалева, идеология свободного человека в несвободных условиях.

В них и охранители что-то такое чувствовали. А потому боролись, как с реальными врагами. Правда, после двадцатого съезда 1956 года старые, массовые репрессии казались все-таки неуместными. Но по ярости направленной против них пропагандистской кампании обстановку вполне можно было сравнить с каким-нибудь годом из периода 30-х. Или с кампанией 2014-2015 (и далее) годов против жидофашистов на Украине.

Помню, особенно упражнялся журнал «Крокодил». Карикатуры на уродливых молодых людей в узких брючках, в туфлях на толстой «платформе» печатались из номера в номер. Может быть, поэтому стилиаги в провинциальных городах выглядели еще экзотичней, чем в столицах. Рисунки в «Крокодиле» были для них единственным образцом новой моды. Шили по «Крокодилу».

А что же я? Если б были деньги, я бы тоже пошел в стилиги. Удалось, правда, заузить старые брюки, и они сильно мешали сгибать колени (почти символ!). Вечерами мы с друзьями утюжили Суворовскую, единственную приличную улицу в нашем портовом городе. С тряпками в конце 50-х – начале 60-х произошел некий прорыв. Страна чуть-чуть приоткрылась, в столицах появились иностранцы, расцвела фарцовка (тем, кто этот термин не знает: ловкие ребята скупали у иностранцев разное западное барахло, а потом выгодно перепродавали народным массам). В портовых городах было еще проще. Дурак был тот моряк, который не привозил из загранки импортные вещи. И хотя за это строго наказывали и прорабатывали в воспитательных целях, ничего не помогало.

Я был стилигой в душе. Мысленно фланировал по улицам во всем рыцарском снаряжении, курил «Кэмел» или, еще лучше, трубку и запросто снимал девочек на центральной улице. Но только мысленно. Мне нравился этот стиль жизни, независимость и презрение к «плебеям».

Я очень гордился смелой, можно сказать, революционной мыслью, которая пришла сама собой, не из газет или учебников. Она была мое первое маленькое завоевание, моя территория. Вопрос о том, как одеваться, что курить и кого снимать – сугубо личное дело. И не лезьте ко мне со своей идейностью.

Честно говоря, я и сегодня не отказался бы от этой мысли. Все дело в том, как с нею жить, как доказывать свою правоту. Значит так: «они» все плебеи, а у меня пропуск в высшее общество. Я – особый. То есть имею право смотреть на «них» свысока. И эту свою особенность надо доказывать везде и всюду. Вот я и доказывал. Родители решили, что я свихнулся. Мама сказала, что я стал ходить, как павлин. А отец как-то спросил: ты, что, нас чураешься? В общем, отношения напряглись.

С друзьями еще хуже. Они видели, что я что-то из себя такое играю. Это страшно раздражало. Хотелось поставить

пацана на место. Ну и ставили, как умеют. Один раз даже пустили из носа, как тогда говорили, юшку.

Стало трудно жить. Я был одинок, как Печорин. За что страдал? За какую такую идею? В общем, стилиажество не принесло мне счастья. А ведь я не был практик, не фарцевал, не тусовался (извините, слово из другой эпохи) на «хатах» (то есть в квартирах, предварительно очищенных от родителей). Да, танцевал рок-энд-ролл и умел вихляться, народ обращал внимание. Но даже в 15-16 лет человеку понятно, что все это ерунда.

Короче, я был теоретический стилиага. И за это страдал. Но все равно тянуло к неведомой жизни, к лихим ребятам в западном «прикиде».

Конечно, как и все, смотрел – и не раз – американский фильм «Серенада Солнечной Долины». Там была странная, завораживающая (до сих пор) песня «Поезд на Чаттанугу». Гленн Миллер и представить себе не мог, что эта песня станет фактически гимном советских стилиаг: «Pardon me, boy / Is that the Chatanooga Choo-Choo / Track twenty nine, / Boy, you can give me a shine». Поезд, увозящий в неведомую Чаттанугу, где ждет свобода и ослепительно белый снег. Это звучало, как невыносимо сладкая мечта.

Но дальше песни и оркестра Гленна Миллера я продвинуться не смог. Надо было увлечься джазом. Надо было жить джазом. Иначе ты никто. Но я не смог, не легло на душу. Сколько ни пробовал, сколько ни собирал «песни на костях» – то есть самодельные записи на рентгеновских снимках.

Хватило «Звездного билета». Случайно или нет, но там аксёновские мальчишки тоже едут. Бросают все и едут. У них своя Чаттануга.

* * *

Возвращаясь назад: что это было со мной? С нами, с так называемыми стилиагами? Впервые почувствовали, что каждый – ты и я – другой. Не хочу быть, как все. Не хочу быть скованным «одной цепью»...

И уже тогда мы кожей ощутили: независимость дорого стоит. Будь готов собирать причитающиеся за это шишки и синяки. Иначе так на тряпках и зациклишься.

А время было недоброе, время арестов несогласных, борьбы с диссидентами, с Пастернаком, Синявским и Даниэлем и другими непокорными...

«Ты уходишь, не простившись/ Ты уходишь невзначай./ Этот стиль побеждает страх/ Эта дивная, злая, смешная эпоха/ Нас с тобою не стерла в прах» – поет герой современного фильма «Стиляги».

Не стерла? Хочется верить.

Майор Сахаров

Они сейчас служат всего 12 месяцев. А я когда-то три года отдал. Ну, что теперь, отдал и отдал. Хотя иногда жалею. Может, я бы за эти годы стал писателем или ученым. Но не стал. Обидно, конечно.

Чем отметилась армия в моей памяти? Всем понемногу – плохим и хорошим. Жизнь всегда в полоску. Была и дедовщина. Не надо скрывать, и полвека назад была. Будят тебя ночью, ведут в ленинскую комнату (лучшее место для воспитательной работы). Говорят, присягу надо принимать. До сих пор не могу понять, почему битье ложкой по мягкому месту называлось присягой. Ребята, за что, кричит молодой, в чем я провинился? Ни в чем, говорят деды, таков порядок. Придет твое время, сам будешь воспитывать салаг.

Многие соглашались потерпеть. Все-таки перспектива.

А мне показалось все это западло, то есть гадко. Я сказал им, что не дамся. И они почему-то уступили. Но до самого дембеля не простили. Какой-то салага остался без присяги. Они ведь когда-то пострадали, а я не захотел понять их чувств.

Сейчас дедовщина совсем другая. Та, прежняя, из моих далеких лет – просто милая забава по сравнению с нынешней уголовщиной. Я же не знал, что будет через много десятилетий. Я отстаивал себя того, давнего – обычного пацана, но, видите ли, с амбициями. Трудно мне с дедами было, а иногда и страшно, почти также, как нынешним маль-

чишкам, поступающим в вечно действующую казарменную школу.

Еще помню одиночество. Гордое одиночество в толпе. Ну, просто Печорин. Такой, знаете, со скрещенными на груди руками.

Я, конечно, улыбаюсь сейчас, вспоминая те дни. Но тогда-то все было всерьез. И еще, на беду, активно снилась одна девочка, из местных. Я же сидел за забором, за какую-то провинность на два месяца лишили увольнительной. Правда, был сочувствующий друг Коля. Такой большой очкарик, похожий на Пьера Безухова. Мы с ним утешались разговорами о духовной жизни, о книгах. Но все-таки не помогало.

А рядом с нашими книжными тонкостями шла, между прочим, обычная, иногда довольно грубая жизнь под названием военная служба. И ее надо было как-то мирить с витаниями, которые бередили наши головы.

Несмотря на трехлетний, долгий срок, служба все равно казалась чем-то временным, а потому не совсем настоящим. Вот впереди – это да... Впереди была большая, неведомая жизнь. А тут такие мелочи, безнадега какая-то. Помню старшего лейтенанта Бахмутова. Когда он пил, а пил он с утра, лучше было ему не попадаться навстречу. Тут же наградит внеочередным нарядом на кухню. Попробуй-ка помыть посуду для целого батальона! Еще Бахмутов развлекался тем, что обклеивал стены окурками папирос. Его кабинет был похож на камеру пыток, окурки торчали, как гвозди. Теперь-то я понимаю, что плохо ему жилось и плохо служилось. А тогда... Не до него. Весь батальон его называл – чудака на букву «м».

И было бы совсем муторно, если бы не майор Сахаров, начальник штаба. Совершенно особый человек. К тому времени ему уже стукнуло под 40, такой четкий, сухой и строгий. Абсолютно недоступный для меня человек.

А надо вам сказать, что в армию я пришел со вторым разрядом по гимнастике. И сильно козырял этим перед ребятами. Мне всякие армейские упражнения, разные подтягивания, склепки, прыжки через «козла» были, как семеч-

ки. Однажды в спортгородке показываю одногодкам чудеса ловкости. Краем глаза вижу: стоит неподалеку Сахаров, наблюдает. Ни слова не говорит, непонятно, поразил я его мастерством или нет. Постоял, потом одернул офицерскую гимнастерку и идет к перекладине, то есть, по-народному, к турнику. Подпрыгнул, раскачался и закрутил «солнышко», аж в глазах зарябило. Не знаете, что такое «солнышко»? Это когда вокруг перекладины летают, полные круги. Летает себе майор, а ребята смотрят, разинув рты. Потом он сделал классический соскок, улетел, как птичка, за три метра от перекладины.

Это я в армии. Силач. Сразу видно.

Ну, ясно, это он кое-что мне сказал про мое «мастерство». Я понял. С тех пор спортгородок стал для нас рабочим местом, мы жили мечтой о «солнышке». Вот бы скрутить «солнышко», как Сахаров. И так, знаете, в полете, носочки оттянуты...

Абсолютно недоступный человек. Так, по крайней мере, казалось. Но с ним служилось в охотку. Даже таким гражданским, как я, ненавидевшим шагистику, политзанятия и вообще все, что казалось тупым и ненужным.

Все-таки, извиняюсь, он меня выделял. Спрашивал, как служба, кем буду после армии. Я рассказал, что с 10 лет занимался гимнастикой в спортивной секции. А он, оказывается, тренировался сам, без тренера. И так во всем. Не смог получить высшее военное образование, не сложилось: после войны долго приходил в себя от тяжелой контузии. А потом уже вроде поздно. Академическую науку осваивал самостоятельно.

А батя наш, молодой подполковник, уже успел закончить академию и светила ему большая карьера. Однако, надо было видеть, как он обхаживал майора Сахарова. Все в части зависело от начштаба, особенно когда выезжали на учения. После одного из таких учений батя (кому он был батей, кто его знает) получил повышение и уехал в столицу. А майор служил, делал свое дело. Как и всегда, никакой лирики, служба и только служба.

Скоро уже 60 лет минует, как я отслужил в армии. Пусть она на меня не обижается, но я не ее помню, а Сахарова. Каждую неделю гонял нас в марш-броски. До того было тяжело, что однажды после тяжелого забега меня рвало, всего наизнанку вывернуло. И вывернуло целые куски никотина, все легкие были забиты. А он злорадствовал: будешь знать, что такое курево.

Однажды меня, уже глубокого «деда», поймали в самоволке. Вторую в моей солдатской карьере (после «Звёздного билета»). Дернуло полезть через забор ради свидания с той самой девочкой, местной. Гуляем себе, я, конечно, весь в чувствах. А тут патруль. Привезли на губу, дали пять суток. Отобрали ремень, штаны падают, никуда не убежишь. Гордому человеку это терпеть невозможно. На третий день на губу приехал начштаба Сахаров, лично. Говорит старшине: забираю этого, я его так накажу, что губа ему раем покажется.

А по пути спрашивает: неужто ради девушки ушел в самоволку? А что ж тут такого, говорю я, ради женщины мужчина на все должен быть готов. Он умел над моими речами так смеяться, что я и не понимал. Лицо суровое, но видно,

что его потрясывает, едва сдерживается. Потом я целый месяц упражнялся на кухне, картошки начистил на всю предстоящую жизнь.

Где вы, майор Сахаров? Где ты, моя молодость?

Не на тему. Как теперь говорят интеллигентные люди – офф-топик. В 70-х, когда я работал в областной газете, мне вдруг вздумалось подписывать разные мелкие информации псевдонимом – Сахаров. Что-то такое вспомнилось, захотелось выразить, заявить о своем уважении. Прошел месяц-два, и тут приглашают в отдел пропаганды обкома партии. С чего бы? У нас вся дружба с обкомом велась через редактора Пичугина, а рядовых как бы не очень замечали.

И вот меня мягко спрашивают: этот псевдоним, Сахаров, он ведь ваш? Ну да, мой псевдоним. Понимаете, говорят, у читателей возникают ненужные ассоциации. О чем речь? Вы что, не знаете, кто такой Сахаров, ничего не знаете о его антисоветской деятельности? Вот ведь из-за чего вызвали, мало у вас забот. Нет, вы не понимаете, получается, что областная газета популяризирует...

Об академике Сахарове тогда много писали. Как раз в разгаре была кампания в газетах и на телевидении. Рабочие и крестьяне, знаменитые ученые и деятели культуры называли его выродком, требовали выгнать из страны. Мне эта травля не нравилась, противно было наблюдать. Вот и придумал псевдоним, других способов я тогда не знал. Но обкомовцам сказал: у меня в армии был майор Сахаров, совсем другой человек. Ах, вот как, сказали они. То есть вы непреднамеренно? Ну, разумеется.

На том и разошлись. Вроде бы мирно, без оргвыводов. Но когда я попытался сдать в печать очередную заметку с подписью «Сахаров», наутро в газете она вышла под фамилией «Иванов».

ПРОШЛОЕ В НАСТОЯЩЕМ

Школьники создали нелегальную партию

Последний политзаключенный
вышел на свободу в 1991 году

Кому принадлежит история

ВОЗДУХ СВОБОДЫ

В 1945 году группа десятиклассников создала антисоветскую организацию. Лидером подпольной партии стал Изя Зекцер.

Без всяких преувеличений, Израиль Абрамович Зекцер – культовая фигура в истории Пермского краевого «Мемориала». Его помнят и чтут сотни пострадавших в годы репрессий людей, которым он помог, сумел защитить в суде, вернул честное имя, привлек к активной общественной деятельности. Он умер летом 2002 года, умер неожиданно, на минуту оторвавшись от дел. Боль от удара, который мы тогда пережили, не прошла до сих пор.

... Мы познакомились летом 1990-го года. Первое, что бросилось в глаза: маленький рост и исходившая от него сила. О таких говорят – твердый орешек. Другим ему быть просто не суждено, не выдержал бы того, что на его долю выпало. Жизненные университеты пришлось проходить сначала в тюрьме, потом в ссылке. В случае с обманчиво маленьким 16-летним Зекцером чекисты явно просчитались: им не удалось сломить мальчишку.

В том же 1990 году Израиль Абрамовича избрали председателем Ассоциации жертв политических репрессий. Вокруг него объединилось сообщество пожилых, многое выстрадавших людей. Он учил их помогать друг другу, общаться, делиться всем, что имеют. Даже завел кассу взаимопомощи. Детально изучил законодательство, посвященное репрессированным, стал в этой части истинным экспертом, с ним советовались юристы.

В деле правовой защиты своих братьев по судьбе Зекцер не знал компромиссов, он мог из нужного чиновника вытянуть все жилы. Он был максималист. Он знал о жизни репрессированных все, потому что сам прошел весь их тяж-

кий путь. Он был совершенно бескорыстным. И все, даже его враги, знали, что этот человек в своих словах и поступках руководствуется одним только нравственным законом, законом совести.

«...Я мечтал стать ученым физиком, атомщиком либо астрономом. Увы, судьба не позволила мне подняться выше прикладной геофизики». С этих строк Израиль Абрамович Зекцер начинает свой рассказ об испытаниях, выпавших на его долю в послевоенные годы. Его воспоминания были опубликованы в первом томе Книги памяти «Годы террора», изданном Пермским обществом «Мемориал» 1998 году.

Израиль Зекцер родился в Ровно. В 1939 году после заключения пакта Молотова – Риббентропа и раздела Польши он вместе с семьей оказался на советской территории. После начала войны семью эвакуировали сначала в Киев, а затем в Пермь. Все началось осенью 1945 года. Изя учился в десятом классе школы № 11, той самой, которая теперь известна как гимназия им. С.П. Дягилева. Уже тогда до него дошли слухи о массовых арестах. 16-летний мальчишка все чаще задумывался о том, почему в газетах говорят одно, а делается другое. «Переполненный чувством неудовлетворенной справедливости, – пишет автор воспоминаний, – я и создал «Новую коммунистическую партию справедливости».

Израиль Зекцер в 16 лет

Нелегальная партия признавала программу ВКП(б), но её устав собиралась переработать. Школьники поставили перед собой цели, масштабы и смысл которых вряд ли сами осознавали, – восстановить справедливость, устранить коррупцию, построить «действительно социалистическое» общество. Юные романтики, не имевшие представления с кем и с чем они имеют дело, затеяли опасную игру.

Но реальность, реальность сталинской диктатуры не признавала романтику. Более того, боялась её, презирала тех молодых, которые хотели быть святее римского папы. Оказалось, из пяти одноклассников – членов партии, двое были сексотами (секретными сотрудниками КГБ). Им дали просуществовать два месяца. Фиксировали каждое слово, каждый разговор. 6 декабря 1945 года Израиля Зекцера арестовали.

– Дяденьки, куда вы меня везете? – кричал мальчишка пока черный воронок кружил по улицам Перми. Когда машина остановилась у известного всем пермякам здания НКВД-КГБ на улице 25 Октября, он, наконец, стал понимать, что с ним происходит. Его отвели наверх в кабинет начальника следственного отдела полковника Хецелиуса. Здесь Изя узнал, что он государственный преступник и что следствие будет вести сам полковник.

На допросах Изю не били. Только однажды «гражданин Хецелиус» не выдержал и подскочил к арестованному с кулаками, но сдержался. Упрямый мальчишка всю ответственность за «партию» брал на себя, более того осмеливался отстаивать свои «антисоветские» взгляды, «нагло» утверждал, что он прав.

Примерно в конце июня Зекцера вызвали к начальнику тюрьмы. Зачитали приговор ОСО (особого совещания при министре внутренних дел): 3 года исправительно-трудовых лагерей общего режима. Начальник поздравил своего узника с «мягким» решением. И то правда, через много лет Зекцер узнал, что Хецелиус просил для него 5 лет.

В один из июльских дней 1946 года конвоиры построили полсотни заключенных, в том числе 10 малолеток, и вывели за ворота внутренней тюрьмы КГБ. Повели нестройную колонну по улицам Перми до будущего Театра кукол на улице Карла Маркса (ныне – ул. Сибирская). Там размещались казармы промколонии, которую в разные времена называли то отдельным лагерным пунктом, то просто «шарашкой».

Ему уже исполнилось 19 лет. В 1948 году он с нетерпением ждал свой день освобождения. Но вместо этого пришло указание отправить его в ссылку в Красноярский край. Спас отец, обратился в областную прокуратуру, вымолил освобождение сына, пусть и с запретом на проживание в областных центрах.

Впрочем, на свободе он пробыл недолго: в январе 1949 года снова пришло постановление о направлении в ссылку на спецпоселение в Красноярский край. Два месяца двигался этап. В начале марта Зекцер прибыл, наконец, в поселок Нижне-Ангарск (или Усово – по имени ученого, открывшего здесь залежи железных руд). Сначала его направили буровым рабочим в геологоразведочную экспедицию. Жил в большой десятиместной палатке с железной печкой «буржуйкой». Затем его взяли в геофизический отряд, где поручили работу вычислителя.

Так или иначе, но ссылка определила его профессиональный выбор на всю жизнь. Забегая вперед, скажем, что после возвращения домой Израиль Абрамович закончил заочное отделение геологического факультета Пермского университета и стал главным метеорологом геофизического треста.

Впрочем, не только этим отметилась сибирская ссылка в его судьбе. Именно там он нашел свою Валю, Валентину Петровну, жену, друга, помощницу во всех начинаниях.

И вот настал март 1953 года. Умер Сталин! Зекцер запомнил траурный митинг в поселке ссыльнопоселенцев. На нем «идейное» меньшинство, в том числе и мужики, ревели, а большинство (ссылные) хмуρο стояли и сдерживали рвавшуюся наружу неизмеримую радость! Прозвучал указ об амнистии, под которую попал и Зекцер. «Но освободились мы только через год, – вспоминал он, – в течение которого произошло для нас с Валею еще более радостное событие: Валя родила дочь Любу. А я был официально освобожден со снятием судимости и с правом возврата в Пермь».

В начале июля 1954 года они распрощались с друзьями по ссылке и погрузились на пароход, следовавший по Ангаре до самой... свободы. Любушке было 4 месяца, Вале – 22 года, Изе – 25 лет. Впереди было рождение второй любимой дочери, Верочки. Впереди была целая жизнь.

Кому принадлежит история

Когда-то в конце 80-х годов сын Андрей, еще школьник, вернувшись из археологического лагеря старшеклассников, рассказал мне, что в Чусовском районе они с командой друзей обнаружили совершенно пустую зону, брошенную колонию. По всем признакам ее закрыли совсем недавно. Видимо, очень торопились. В пустых бараках громоздились железные кровати, на которых раньше спали заключенные. Высоченные заборы, колючка, решетки в контрольно-пропускных пунктах, гора кирзовых сапог на дворе.

Ту давнюю экспедицию (как и многие другие) организовал кабинет археологии Пермского госуниверситета, а руководил ею известный в Перми историк-археолог Сергей Коренюк. Надо сказать, Сергея Николаевича и сегодня искренне почитают многие поколения бывших школьников, с которыми он на равных трудился на разных раскопах. Я позвонил ему и попросил уточнить, действительно ли был такой случай, когда школьники обнаружили целый лагерьный комплекс. Конечно, Сергей Николаевич помнил ту экспедицию. Это было в июле или августе 1988 года. Он с ребятами тогда вел раскопки на берегу реки Чусовой рядом с селом Вереино.

Археологическая разведка проходила так: ребята сплавлялись по Чусовой на катамаране – обследовали берега, открывали и описывали новые археологические памятники. В районе Кучино пристали к берегу, чтобы купить в деревне продукты. За картошкой отправились одни школьники – Коренюк остался на катамаране. На обратном пути началась сильнейшая гроза, и ребята забежали в одно из

зданий брошенной зоны. Ходили по помещениям, освещая путь спичками. На следующий день пошли на зону все вместе. Тогда и обнаружили развалы кирпичных сапог, которые еще не «приватизировали» местные жители.

1988 г. Так выглядел барак особого режима

Брошенная зона? Даже для тех бурных времен – факт необычный. Я как раз тогда был полностью погружен в идею создания общества «Мемориал», собирал материалы об истории репрессий в нашем регионе. Почему вдруг кучинскую зону решили закрыть?

Тут позволю себе маленький экскурс в историю. У нас тогда на памяти был конфуз, в который загнал сам себя последний генсек, автор перестройки Михаил Горбачев. В 1986 году, будучи в Париже, он громогласно заявил, что в СССР нет политических заключенных. Запад аплодировал, но все-таки не очень поверил. Возникла идея послать к нам группу журналистов из самых разных стран и изданий. Пусть побывают в политзонах и на месте удостоверятся, действительно ли все оппозиционеры отпущены на свободу.

В отличие от нас Запад знал, где искать политических заключенных. Об этом писали СМИ всего мира, кроме, конечно, советских. Всех узников к тому времени сосредоточили в трех чувсовских зонах, которые на гражданском языке

называли «Пермь-35» (станция Всесвятская), «Пермь-36» (деревня Кучино), «Пермь-37» (поселок Скальный). План такой инспекции казался вполне исполнимым – ведь страна объявила политику гласности. Это слово тогда не нужно было даже переводить на иностранный язык, так и говорили на русском – гласность.

В 1987 году в Пермь приехала большая группа зарубежных журналистов. Совершенно в духе перестройки и гласности им разрешили побывать в «Перми-35». Не знаю, краснел ли Михаил Сергеевич за свою «дезу», но они-таки встретились с реальными политзаключенными. Рассказы о последних узниках ГУЛАГа разошлись по всему миру. Газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала целую серию статей под общим названием «Уроки пермского треугольника».

В бывшую колонию «Пермь-36» журналистов не повезли, потому что, от греха подальше, ее накануне срочно закрыли.

Между прочим, сотрудники МВД-КГБ вместе с местным населением, не откладывая, принялись растаскивать зону, развозить по окрестностям, по своим дачам имущество 36-й колонии, прятать в болоте лагерные ворота, механизмы котельной и другие неудобные для перевозки металлические части.

Но я не об этом. То, что от российского обывателя прятали, что скрывали на протяжении многих лет, стало явным. Рядом с нами, в Чусовском районе Пермской области, завершалась «биография» последних в СССР политических лагерей ГУЛАГа. Повезло Пермской области, ничего не скажешь! Я бы даже сказал: повезло вдвойне – последний политический узник коммунистического режима вышел на свободу тоже у нас, из колонии «Пермь-35». Правда, это произошло не сразу, а только зимой 1991-1992 годов.

В 35-й зоне последних политзаключенных изолировали в здании бывшей больнички. Их выводили на прогулки в заросший зеленой травкой тюремный двор. Не знаю уж как, но почти что на глазах у охраны они там тайком посадили

маленький огород. Идут – бросят зернышко. У них даже росла клубника. А вертухаи не замечали. Или не хотели замечать, боялись, видно, ссориться с опасными узниками. Мало ли, завтра выйдут на свободу, пойдут во власть, сведут счеты. Тогда шла всемирная кампания за освобождение советских политзаключенных, был подъем, общество поверило в новую Россию... К сожалению, ненадолго.

Открытие юных археологов натолкнуло нас, отцов, на идею создания мемориального музея истории политических репрессий на базе одной из бывших зон. Скоро стало ясно, что наиболее подходящей площадкой для музея является брошенная колония «Пермь-36». Обратились к губернатору, и власть передала в распоряжение «Мемориала» всю территорию, все строения. Предстояло восстановить разрушенную и разворованную к тому времени зону. Уточняю: не восстановить, а воссоздать, сохранить ее в том виде, в каком она действовала в советские времена.

«Отсюда уходили на волю...»

Самому не верится, но это факт - та давняя школьная экспедиция полностью изменила мою жизнь и жизнь моих друзей, основателей музея. Хочу назвать их имена – филолог Михаил Черепанов, фотограф Виктор Зыков, социальный работник Вячеслав Ворошкин, писатель Владимир Винниченко, историк Виктор Шмыров, ну и я тоже, Александр Калих, журналист. Все мы бросили тогда свои профессии, должности и звания ради идеи создания уникального памятника истории. На многие годы пришлось стать грузчиками, снабженцами, плотниками, ремонтниками, монтажниками – делали то, что от нас требовала ситуация. 13 июля 1992 года отметили особую дату – 20 лет со дня прибытия в «пермский треугольник» первого этапа с «политическими». Организовали встречу всех оставшихся в живых недавних сидельцев. На стене бывшей больнички в 35-й зоне вывесили мемориальную доску, на которой написано: «Отсюда

уходили на волю последние политические заключенные коммунистического режима».

Находка в деревне Кучино так или иначе определила и судьбу моего сына Андрея. В 1995 году он стал одним из организаторов первого в истории общества «Мемориал» международного волонтерского лагеря, участники которого помогали нам превращать в музей бывшую зону, восстанавливать обрушенные заборы, благоустраивать территорию. С тех пор почти каждый год сын ездил в наши лагеря. Работал волонтером в хосписе, записывал воспоминания репрессированных, стал правозащитником.

Мемориальный музей в деревне Кучино сегодня известен в стране и мире. К сожалению, его известность еще более возросла после скандального финала наших дней – захвата общественного учреждения краевой администрацией. Сначала запретили международный фестиваль «Пилорама», который прославился как одна из немногих территорий свободы, где каждый мог высказать свое мнение о событиях, происходящих в стране. В лучшие годы фестиваль собирал в «Перми-36» десятки тысяч людей.

Затем без ведома и согласия общественников провели комбинацию по «национализации» неугодного властям учреждения. Передали все права собственности на имущество музея некоей бюджетной организации, специально созданной, чтобы вытеснить гражданских активистов. И все это происходило под заверения о том, что сложившиеся направления деятельности не изменятся, курс музея останется прежним. Особенно «искренне» выступал на эту тему один из очередных губернаторов Пермского края Басаргин, который, можно не сомневаться, и стал фактическим организатором рейдерского захвата.

Пермский «Мемориал» обратился к гражданам России с просьбой защитить музей «Пермь-36». Более 90 тысяч человек подписали петицию, обращенную к губернатору. Не помогло! Мы даже не получили хотя бы формальный ответ на это обращение. Более того, стало ясно, что власти при-

няли решение сменить курс музея. Первая же выставка, выпущенная новой администрацией, была посвящена именно этому: средства охраны, технические способы содержания подлых националистов, фашистов, изменников Родины. И ни слова о жертвах политических репрессий, об узниках совести.

Ситуация вокруг «Перми-36», к сожалению, подошла к логическому концу. Давление на гражданское общество, травля правозащитных организаций – все то, что сейчас происходит в стране, отражается в этой вроде бы провинциальной истории, как в зеркале. Основателей музея, руководителей АНО «Пермь-36» довели до той ситуации, в которой они не могли принять иное решение, кроме самоликвидации организации.

Долг памяти

Буквально в те дни, когда сын Андрей вместе с друзьями-археологами обнаружил брошенную политзону «Пермь-36», именно тогда его отец (то есть я) работал в областной газете «Звезда», где вел рубрику «Долг памяти».

Бурное было время, время печальных открытий. Будто открылся шлюз: в редакцию поступали сотни писем, в которых рассказывалось о судьбах людей, пострадавших в годы политических репрессий. Но были и особые письма – примерно десятая часть почты. Их авторы требовали остановить тех, кто критически отзывается о прошлом. Они доказывали, что сталинский террор был необходимым условием дисциплины и порядка. Мы печатали и такие письма. Одно из них, присланное Токаревой из Березников, называлось просто – «Так и должно быть». Публикация вызвала бурную реакцию читателей. «Я читала эту заметку и плакала, – писала Г. К. Протасевич из Гремячинска, – Как же можно так писать? У меня арестовали мужа, его мать, двух его братьев. Все они погибли. И после этого кто-то имеет право сказать «так и должно быть...»

Это было в феврале 1989 года. С того времени многое изменилось – и не в лучшую сторону. Тех, кто оправдывает репрессии, сегодня стало значительно больше. Самые радикальные из них утверждают, что репрессий вообще не было. Другие, как и их предшественники, доказывают, что сталинский террор был необходим. Типовые аргументы: «время такое было», «боролись с пятой колонной», «зато выиграла войну», «лес рубят – щепки летят». А главное, и те, и другие живут одной мечтой – забыть! Забыть для того, чтобы вернулось их благословенное прошлое.

Но столь же велико количество россиян, не желающих ничего и никого забывать. Надо, чтобы мы сами и наши дети как можно больше знали о масштабах национальной трагедии, которую пережил народ. Знали о том, что только за два года «большого террора» (1937-1938 гг.) в Пермской области было расстреляно 7474 человека. Что за годы советской власти политическим репрессиям подверглись более 38 тысяч жителей Прикамья. Что за те же советские годы в СССР были репрессированы, по данным «Мемориала», более 12 миллионов человек. Помнить об этом – дело совести каждого. Не забыть – значит сделать все, что в наших силах, чтобы страшное прошлое не вернулось.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора.....	5
Глава I.....	9
Еврей. Смех и горе.....	11
Коллаборационизм. Способны ли мы открыто говорить о нем.....	64
Как мы жили как близнецы-братья.....	75
«Мемориал» – движение совести.....	79
Глава II. Палачи и жертвы.....	89
Чекизм: мотивация зла.....	91
Прощай, Блюхер.....	109
Мы все чувствуем дефицит правды.....	126
Просто люди.....	129
Глава III. Быть свободным в условиях несвободы.....	141
Сахаров и Солженицын. Близкие и далекие.....	143
Сила убежденности.....	164
«В тюрьме легко ощущаешь глубины свободы».....	171
Глава IV. Помолимся за родителей.....	191
Глава V. Кто я был? Свой? Чужой.....	213
Глава VI. Прошлое в настоящем.....	239
Воздух свободы.....	241

ОНИ " ...являются носителями " безродного космополитизма..."
 "ПРАВДА", 28 январь 1949г.

Премьеры С.М. Сталин, Председатель Еврейского агентства СССР комитет, государственной информации, Министр иностранных дел СССР, министр культуры С.С. Соловьев, Министр бытового обслуживания населения СССР А.И. Мухоморов и Министр 13 января 1949 г. по указанию Сталина, в этот день подписывали декларацию о том, что они являются носителями космополитизма.

Еврейские агенты...
 Подлые шельмы и убийцы под маской профессоров-учителей

Все попытки намеренно запугать еврейскую интеллигенцию, чтобы она оставила свои работы, не имеют никакого смысла. Еврейская интеллигенция не покинет своей работы, пока она будет нужна государству.

Судя по некоторым признакам, книга журналиста Александра Калиха «Еврей. Смех и горе» получит гораздо более широкую читательскую аудиторию, чем только мятущееся племя русскоязычных репатриантов – настоящих и будущих. Еврей был и остается загадкой не только для представителей других наций, но прежде всего для самого себя. Народ, переживший страшную Катастрофу, остался неистребимым шутником, фанатиком образования, открывателем новых научных горизонтов, строителем маленького, но мощного государства Израиль. Что за характер прячется за этими пейсами, за этой спешкой и суетливостью, на протяжении веков оберегавшую национальную религию, за суровым погружением в иудаизм - евреев от распада и распыления среди других народов мира? Вы-таки знаете ответы на все эти вопросы? Уверены? Вот этого автор боится больше всего. Он пытается доказать вроде бы очевидное - поискам и сомнениям нет конца.

“Не оставляйте стараний, маэстро, не убирайте ладони со лба”

2020

ISBN 978-965-559-147-7